

Кэтрин
Сэнтер

The New York Times bestseller

УХОДИ
И БУДЬ
СЧАСТЛИВА

Всего одна
секунда способна
перевернуть жизнь

Annotation

Сердце Маргарет всегда уходило в пятки при одной только мысли о самолетах. На удивление, притупить этот страх ей помогло средство «от противоположного».

В день своей помолвки Маргарет попала в авиакатастрофу на частном самолете. Ей удалось сохранить жизнь, но все вокруг нее стремительно изменилось. Жених оказался слабаком, а в семье начались размолвки. Вдобавок ко всему тренер Маргарет по реабилитации, Ян, оказался самым недружелюбным мужчиной на свете. А ведь она вынуждена проводить с ним каждый день! Но Маргарет готова преодолеть трудности. И словно в благодарность, судьба посылает ей человека, который становится для нее настоящим ангелом-хранителем.

- [Кэтрин Сэнтер](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
-

Кэтрин Сэнтер

Уходи и будь счастлива

Глава 1

Ирония судьбы заключалась в том, что я всегда боялась летать.

Всегда. С того момента, как достаточно повзрослела, чтобы думать об этом.

Это казалось мне противоречащим здравому смыслу. И даже немного самонадеянным. Зачем стремиться вверх, когда сила притяжения явно хочет оставить нас на земле?

Когда я училась в колледже, родители как-то решили отправиться со мной и моей старшей сестрой Китти на Гавайи. Я боялась полета с той минуты, когда они сообщили нам об этом, до самого нашего возвращения домой. Выражение «лететь на Гавайи» мне казалось эквивалентным выражению «утонуть в океане». За неделю до поездки я уже начала планировать стратегию выживания. Как-то ночью, когда все легли спать, я пробралась в комнату Китти и залезла к ней в кровать.

Я училась на первом курсе, а она уже заканчивала колледж, поэтому я очень дорожила ее мнением.

– Каков будет план? – решительно спросила я.

Она лежала, зарывшись лицом в подушку.

– План чего?

– Когда самолет упадет.

Сестра открыла один глаз:

– Упадет куда?

– В океан. По пути на Гавайи.

Она секунду смотрела мне в глаза.

– Этого не случится.

– У меня плохое предчувствие, – сказала я.

– Ты нас сглазишь.

– Я серьезно. Нам нужно выработать стратегию выживания.

Китти протянула руку и потрепала мою челку:

– Стратегии выживания не существует.

– Должна существовать.

– Нет. – Она покачала головой. – Потому что, если мы не упадем, нам она не нужна. А если упадем... – Она сделала паузу, чтобы я сама могла домыслить ее фразу.

– Нам она уже не будет нужна?

Китти кивнула:

– Мы просто будем мертвыми. – И она щелкнула пальцами.

– Тебе это кажется таким простым?

– Умереть просто. Тяжело не умирать.

– Похоже, в этом что-то есть.

Она закрыла глаза.

– Конечно, ведь это я мозговой центр семьи.

– Я думала, что это я мозговой центр, – сказала я, слегка подталкивая ее локтем.

Сестра перевернулась на другой бок.

– Ты сама знаешь, что ты наша красавица.

Невероятно, но мы пережили эту поездку.

Точно так же невероятно я пережила после этого много других перелетов, никогда не сталкиваясь ни с чем более опасным, чем турбулентность. Я читала статистику о том, что самолеты – самый безопасный вид транспорта, безопаснее автомобилей, поездов и гондол. Я даже как-то проходила стажировку в офисе, расположенном прямо рядом с международным аэропортом, и наблюдала целый день за тем, как безо всяких проблем взлетают и садятся самолеты. Я была должна давно забыть свои страхи.

Но меня никогда не покидало чувство, что слова «лететь» и «разбиться» были в некотором роде синонимами.

Теперь, спустя годы, я встречалась – с самыми серьезными намерениями – с парнем, который со дня на день должен был получить лицензию пилота. Наши отношения были настолько серьезными, что в эту конкретную субботу, когда мы собирались отпраздновать мое почти официальное поступление на работу моей мечты, я не могла отделаться от предчувствия, что мне сделают предложение. В любую минуту.

Именно поэтому я надела летнее черное платье с открытыми плечами.

Если бы я задумалась над этим, я могла бы усомниться, что мой бойфренд, невероятно подтянутый и очаровательный Чарльз Филипп Данбар, сможет быть идеальным спутником во всех отношениях, учитывая, каким энтузиастом авиаполетов он был. Чип никогда не задумывался над опасностью полетов – или вообще над опасностью

делать что-нибудь рискованное, например, плавать с аквалангом или прыгать с тарзанкой. У него была неистребимая вера в упорядоченность вселенной и непоколебимость принципов физики, равно как и в право человека изменять эти принципы по своему желанию.

Что касается меня, я всегда подозревала, что хаос сильнее порядка. Когда дело доходило до противостояния Человека и Природы, я всегда ставила на Природу.

– Ты просто мало уделяла внимания естественным наукам, – всегда говорил Чип, словно я была просто недоучкой.

Его замечание было вполне справедливо. Но это не значило, что я была не права.

Чип верил, что, если он научится летать, это избавит меня от моих страхов. Он верил, что я настолько вдохновлюсь его примером, что мне не останется ничего иного, кроме как расслабиться и получать удовольствие.

По этому вопросу мы договорились иметь разное мнение.

– Я никогда, никогда не полечу с тобой, – объявила я перед его первым уроком.

– Это ты сейчас так думаешь. Но придет день, когда ты станешь умолять меня взять тебя с собой.

Я отрицательно покачала головой:

– Ни за что.

– Поживем – увидим.

Теперь он был почти сертифицированным пилотом. Он уже сдал самостоятельный и маршрутный полеты. Он налетал вдвое больше часов, чем требовалось, чтобы основательно подготовиться. И что осталось? Контрольное испытание, во время которого опытный пилот полетит с ним и будет создавать «стрессовые ситуации».

– Не говори мне какие, – заявила я.

Но он все равно рассказал:

– Например, он специально заглушит мотор, и мне нужно будет с этим справиться, – объяснил он, весьма довольный перспективой продемонстрировать свое умение. – Или совершить посадку на короткую полосу, где заведомо мало места. И, конечно, ночной полет.

Контрольное испытание было назначено на следующую неделю. С ним все будет в порядке. Чип был из тех людей, которые становятся

только спокойнее, когда все идет кувырком. Из него выйдет отличный пилот. И я буду совершенно спокойна, когда он станет летать, сколько ему захочется. Но один.

Но прежде всего мы собирались обручиться, по крайней мере, я на это надеялась – в День святого Валентина.

Я не могу сказать, откуда я это знала. Я просто чувствовала это весь день, как предчувствуешь, что пойдет дождь. К тому моменту, когда я усаживалась в его джип, я уже была уверена.

Я знала Чипа очень давно. Мы встречались с ним уже три года. Я знала каждое выражение его лица и каждый изгиб его тела. Я знала, когда он делает вид, что ему смешно, или когда он врет. Я могла сказать в ту же секунду, понравился ему человек или нет. И я, безусловно, знала, когда он что-то скрывает – особенно то, что его волнует. И хотя это свидание было в точности таким же, как и все остальные, я знала, что должно произойти что-то очень важное.

Я полагала, что он везет нас в итальянский ресторан, украшенный разноцветными огоньками, где проходило наше первое свидание. Но, вместо того чтобы направиться в центр города, он повернул в сторону скоростной автострады и помчался вперед.

Крыша джипа была открыта, и я ухватилась руками за свои волосы.

– Куда мы едем? – прокричала я.

– Это сюрприз! – крикнул он в ответ.

Мое сердце ушло в пятки. Как и всегда, я догадалась о его намерениях даже без намека с его стороны. Это было настоящей проблемой для нас. Я слишком хорошо его знала. Он не вез меня ужинать. Он вез меня в аэропорт.

Спустя двадцать минут мы оставили Хьюстон далеко позади. Он затормозил у ангара на частном аэродроме посреди чистого поля.

Я огляделась вокруг.

– Ты это серьезно?

Он наклонился ко мне:

– Ты удивлена?

– И да, и нет.

– Просто притворись. Я хочу удивить тебя хотя бы раз.

– Отлично. Я шокирована. Я потрясена.

– Не нужно притворяться так сильно.

Он подошел ко мне, взял меня за руку и, трусливо пригнувшись, потянул за собой вдоль ангара.

Я шла за ним в состоянии когнитивного диссонанса – отлично зная, что он делает, и в то же время уверяя себя, что он не может так поступить.

– Ты собираешься тайком затащить меня туда? – прошептала я.

– Все отлично. Мой друг Дилан сделал это на прошлой неделе со своей подружкой.

Я попыталась отнять у него свою руку:

– Чип, я не могу!

– Конечно, можешь!

– Это – противозаконно?

– Я просто хочу показать тебе свой самолет.

– Это не твой самолет, приятель.

– Ну, почти.

Я не имела ни малейшего желания видеть его самолет. Ни малейшего. Меня интересовали вино, закуски и свечи. Я почти что получила работу своей мечты! Я хотела праздновать. Я была в настроении чувствовать себя прекрасно, а не ужасно.

– А мы не можем просто поехать поужинать?

Он посмотрел по сторонам, потом повернулся ко мне:

– Любой может поехать поужинать.

– Я не против быть этим «любимым».

– А я против.

Потом, убедившись, что путь свободен, он затащил меня в ангар и остановился около маленькой «Сессны». Она выглядела как самолет из мультфильма – крылья вверху, туловище внизу и маленький пропеллер на носу. При этом она весьма патриотично была раскрашена красными, белыми и синими полосами.

– Симпатичная, – сказала я, кивнув. *Отлично. Мы закончили.*

Но он взял меня за плечи и направил в сторону кабины.

Я отступила на шаг:

– Что ты делаешь?

– Давай прокатимся.

– Я боюсь летать. Забыл?

– Пора покончить с этим.

- Меня вырвет. Мне станет плохо.
- Нет, со мной не станет.
- Это относится не к тебе. Это относится к полетам.
- Тебе просто нужен правильный пилот.

Я затрясла головой, отчасти от неверия в происходящее, отчасти в знак отказа.

- Ты даже не сертифицирован.
- Я почти сертифицирован. Я сделал все, что полагается.
- Кроме контрольного испытания.
- Но контрольное испытание проводится для того, чтобы показать то, что ты *уже знаешь*.

– Чип? *Нет*.

– Маргарет? *Да*. И прямо сейчас, пока нас не застучали.

Я почти физически ощущала его настойчивость, как ощущаешь сильный ветер, с которым нужно бороться. Он хотел сделать это. Он хотел, чтобы я сделала это – показала веру в него, в его умение. Это было не совсем проверкой, но это было тем, перед чем я могла спасовать.

Я не была человеком, который перед чем-либо пасовал.

Я была человеком, который *справлялся* со всем.

Настал важный момент. словно это была проверка моей храбрости, и доверия, и готовности к приключениям – словно это должно было показать что-то главное во мне, кто я такая и как буду жить оставшуюся жизнь. Отказаться лететь сейчас внезапно стало означать, что я навсегда отказываюсь от всех дальнейших возможностей. Хотела ли я стать человеком, который может позволить минимальному статистическому риску подорвать его смелость? Было ли это вызовом, с которым я не смогла бы справиться? Собиралась ли я позволить страху сделать меня *жалкой*?

Я не была уверена, что у меня есть выбор. Чип был Чипом. Он был моим идеальным мужчиной, и я так считала с того момента, как его родители поселились рядом с моими, когда мы оба учились в колледже. Наши матери стали лучшими подругами и пили вино и сплетничали, сидя во внутреннем дворике. Но я видела его только на каникулах. Летом его отец заставлял сына стричь газон, и я обычно стояла у окна и наблюдала за ним. Однажды мама уговорила меня

отнести Чипу бутылку воды, и он проглотил все содержимое залпом. Я до сих пор помню это.

Но на самом деле я едва знала его, пока случайно мы не оказались в одной бизнес-школе в Остине. Я была руководителем студенческой научной группы, и он работал под моим началом, что шло ему на пользу.

И тогда мы влюбились друг в друга.

Я вышла бы за него замуж в первый же вечер, когда мы поцеловались. Он был именно таким парнем. Высоким, чисто выбритым, светловолосым, типичным американцем. А еще успешным и уверенным в себе. Просто мечта. Люди всегда делали то, что он хотел. Я чувствовала себя счастливицей рядом с ним, и я писала на бумажке «Маргарет Данбар» чаще, чем хотела бы признаться в этом. Однажды я перебрала в Гугле все породы собак в поисках нашего будущего питомца. А как-то вечером, когда я для кого-то делала покупки в интернет-магазине стройматериалов, я набрала в поиске «деревянные заборные планки». Просто чтобы посмотреть, сколько они стоят.

И вот теперь мы закончили бизнес-школу, получив новенькие дипломы MBA, и готовились приступить к нашей новой работе. Через друга своего отца Чип нашел себе работу бизнес-аналитика в инвестиционном банке, а я собиралась работать менеджером по развитию бизнеса в нефтегазовой компании под названием «Симтекс петролеум». Его работа была хорошей, но моя намного круче, и я всегда думала, что с его стороны было очень благородно и мило так радоваться моему успеху.

По правде говоря, я была не слишком подходящим кандидатом на эту должность. Им требовался человек с пятилетним опытом работы в этой области и опытом ведения международных контрактов, которого у меня не было. Но мой научный руководитель готов был пойти на риск ради меня и попросил своего друга написать потрясающее рекомендательное письмо. Там говорилось, что я «энергична, прозорлива, умею решать проблемы, прекрасно общаюсь с людьми, отлично работаю в команде и обладаю острым чутьем в области бизнеса и финансов».

Когда мой руководитель показал мне описание этой вакансии, я рассмеялась:

– Я даже близко не гожусь для этой работы.
– Люди постоянно получают работу, для которой они не подходят.
Я стала читать объявление внимательнее.
– Они же хотят «стратегически мыслящего в логистических операциях специалиста».
– Ты справишься.
– Я боюсь.
– Теперь ты рассуждаешь, как девчонка.
– Я и есть девчонка.
– Нам нужно исправить это.
Я с удивлением посмотрела на него.
– Когда пойдешь на собеседование, притворись мужчиной.
Я закрыла глаза.
– Притвориться мужчиной.
– Крутым мужиком, – подтвердил он. – Парнем, который не только подходит на эту работу, но может сделать гораздо больше.
Я покачала головой.
– Квалификации бледнеют перед лицом уверенности, – сказал он.
– Как скажете, – сдалась я.

Хотя я не верила в это ни секунды. В тот день я отправилась на собеседование, готовая к тому, что меня со смехом выставят из комнаты. Но я делала все, что он мне сказал. Я притворялась, как могла, хотя бы для того, чтобы доказать своему наставнику, что он ошибается.

А потом мне предложили эту работу. То есть, по крайней мере, когда их кадровик провожал меня до выхода, он тронул меня за плечо и сказал:

– Это еще не официально, но вы приняты.

Мое начальное жалованье должно было быть на пятьдесят тысяч больше, чем у Чипа, но моя мама посоветовала мне не говорить ему этого. Важным было другое: мы начинали жить самостоятельно. Все вставало на свои места.

И здесь, на аэродроме, я не хотела ничего испортить.

Чип сжал мои руки:

– Ты доверяешь мне, правда?

– Да.

Вроде бы.

И тогда он поцеловал меня – мужественным, решительным поцелуем, как бы говорящим: «Это все может стать твоим». Он проник языком в мой рот, явно считая этот жест сильнодействующим и эротичным, чего я не почувствовала, учитывая, что полнейший ужас от того, что я собиралась сделать, заморозил мою кровь.

Потом он похлопал меня по ягодицам и сказал:

– Залезай внутрь.

Что я могла сказать? Я подчинилась.

Но уверяю вас, мои руки были холодными, как лед.

Пока я пристегивала ремни безопасности, я решительно сказала себе: ты поступаешь правильно. Разве не в этом, в конечном счете, заключается любовь? Говорить *да* не только тогда, когда это легко, но и когда это трудно?

Конечно, любой психоаналитик, стоящий своего диплома, легко привел бы контраргумент – что следует доверять своей интуиции и не нужно позволять Чипу заставлять меня делать то, чего мне делать не хочется. Что отсутствие реакции при виде моего явного дискомфорта в угоду своему желанию показать себя суперменом не является хорошим предзнаменованием с точки зрения долгосрочных перспектив.

Но я была не у психоаналитика.

Я собиралась летать.

Потом он уселся рядом со мной, пристегнулся и протянул мне черные наушники. Я чувствовала то же, что ощущаешь, когда оказываешься на американских горках и захлопываешь дверцу.

Чип моментально вошел в роль пилота. Он надел солнцезащитные очки и пристроил микрофон близко к губам, почти касаясь его. А потом начал переговоры с диспетчерской вышкой на языке настолько специфичном, что его слова со стороны казались абракадаброй:

– Форт Бенд, диспетчерское разрешение на полет по маршруту – Сессна три два шесть танго дельта Чарли с информацией Джульетта – ВФР до Техас Сити крейсерский три тысячи триста.

Мне казалось, что он просто притворяется. Ну кто так разговаривает? Но диспетчерская вышка была со мной не согласна. В наушниках затрещало, и я услышала ответ:

– Сессна три два шесть танго дельта Чарли – Форт Бенд дает разрешение – два три один четыре частота вылета один два ноль точка девять.

Вот черт! Это происходило по-настоящему!

Чип проверил приборы, пробежавшись по ним глазами, как настоящий профессионал. Он выглядел расслабленным. Уверенным. Надежным. Настоящим мачо. И, черт возьми, да – совершенно спокойным.

– Я уже проверил маршрут – дважды – перед тем, как заехать за тобой, – сказал он. В наушниках его голос потрескивал, но он взял мою руку и крепко сжал. – Не хотел давать тебе время передумать.

Умно.

Но к этому моменту я уже была согласна на все. Я сделала выбор. К худу ли, к добру ли, как говорится.

А Чип переключил свое внимание на более важные вещи.

Все еще в стиле секси-пилота, он заговорил в микрофон и передал еще одно несурзное сообщение диспетчерской вышке, как я поняла, пояснив, что мы ждем взлетную полосу. Я до этих пор ни разу не бывала в кабине самолета, а этот самолет целиком состоял из кабины. Формально, позади нас было еще два сиденья, но мне казалось, что мы находимся в спичечном коробке.

Прежде чем мы могли взлететь, должен был сесть другой самолет, и я принялась изучать приборную доску с ее переключателями, циферблатами и всякими измерительными инструментами. Я указала на нее:

– Разве она расположена не слишком высоко?

Она была выше моей головы. Я едва могла что-либо видеть поверх нее.

Он кивнул.

– Это не то же самое, что водить машину, – пояснил он. – Там ты ориентируешься на то, что видишь. В полете опираешься на показания приборов.

– Ты не смотришь в лобовое окно?

– Смотрю, но столько же времени я наблюдаю за приборами. Получается, половину времени смотришь, половину что-нибудь вычисляешь.

Другой самолет коснулся земли, замедлился и прокатился мимо нас. «Вот видишь? – сказала я себе. – Они выжили». Наш мотор взревел, Чип снова что-то сообщил по радио и начал работать педалями, чтобы вывести нас на нужную позицию. Крылья пропеллера

завертелись так быстро, что исчезли из виду. Самолет начал вибрировать и гудеть. Я села на свои холодные ладони, чтобы не сжимать их в кулаки.

– Пожалуйста, не делай каких-нибудь петель или чего-нибудь в этом роде, – попросила я.

Он взглянул на меня:

– Петель?

– Штопоров или переверотов через крыло. Или чего-нибудь еще. Какую-нибудь показуху.

– С тобой мне не нужна показуха, – сказал он.

– Безусловно.

– Ты и так знаешь, какой я потрясающий.

Я кивнула:

– Да. К тому же меня может стошнить.

Мы набрали скорость и помчались вперед. Когда мы оторвались от земли, я решила, что это не сильно отличается от обычного полета на большом самолете. Трясло немножко больше обычного. И капельку раскачивало.

Земля проплывала под нами. Так просто.

Чип был сосредоточен и спокоен, и было странно думать, что он всем этим управляет. Когда мы поднялись в воздух, он стал комментировать все, что делает, словно давая мне урок. Он рассказал, что «Сесна-172» был самым популярным самолетом из всех когда-либо построенных. Классика. Мы будем лететь на высоте 3000 футов^[1] со скоростью 125 миль^[2] в час, набирая скорость по мере того, как воздух становится разреженнее, чтобы не заглохнуть. Нужно осматривать небо, чтобы не столкнуться с другим самолетом, и смотреть на радар, чтобы не напороться на вышку или башню.

Но я заволновалась, когда он упомянул, что горючее находится в крыльях.

– Это кажется мне неудачным инженерным решением, – сказала я. – Что, если крыло отвалится? Ты будешь весь залит горючим.

– Крылья не отваливаются, – заверил меня Чип. – Этого просто не бывает.

– Ну а вдруг?

– Если они отвалятся, у тебя будет гораздо большая проблема, чем утечка горючего.

Я сложила руки на коленях и специально их расслабила, чтобы не казалось, будто я сцепила пальцы как можно сильнее.

Самолет был очень шумным, наушники потрескивали, и машина вибрировала сильнее в воздухе, чем на земле, особенно когда мы пролетали под тучами. Чип объяснил, что тучи на самом деле сидят на столбах поднимающегося воздуха, и, когда ты проходишь сквозь эти столбы, случается турбулентность. Я никогда раньше не думала о том, что тучи на чем-то сидят – они просто плавают, – но когда он мне все объяснил, это показалось мне не лишенным здравого смысла. Чем больше он мне рассказывал, тем в большей безопасности я себя чувствовала.

Он улыбнулся мне:

– Потрясно, да?

В некотором роде.

– Потрясно.

– Все еще боишься?

Да.

– Нет.

– Рада, что согласилась?

– Я буду еще больше радоваться, когда мы снова окажемся на земле.

– Я знал, что тебе понравится. Я знал, то ты можешь быть смелой, если постараться.

Такой странный комплимент, как будто он не видел меня смелой и до этого. Словно моя способность проявить смелость была под сомнением.

Но я и в самом деле почувствовала себя смелее, когда мы поднялись над землей и под нами она стала казаться мозаичной картой.

Помнится, в тот момент я подумала: «Самое страшное уже позади».

Чуть позже возделанные поля под нами сменились заливами и устьями рек, и я догадалась, что мы летим к побережью.

– Куда мы направляемся? – спросила я.

– Я хочу показать тебе кое-что, – ответил Чип. – А потом мы развернемся и полетим домой.

И тут впереди я увидела воду. Под нами показался остров Галверстон, и несколько минут спустя мы уже приближались к его дальнему берегу. Впереди ничего не было, кроме сверкающего на солнце Мексиканского залива.

Чип направил самолет к суше, немного снизился и полетел параллельно краю песка. Я могла видеть дома и маленькие машинки под нами. Мы снизились еще немного. Я стала наблюдать, как волны набегают на песок.

– Внимательно смотри на берег, – сказал Чип, опускаясь еще ниже.

Я уставилась в окно. Песок, люди, волны. Так забавно было очутиться здесь так быстро. Автомобилю для этого требовался целый час.

Спустя несколько минут Чип сказал:

– Здесь! – и указал на что-то рукой.

Я посмотрела в ту сторону:

– Где?

– Ты можешь это прочитать? – спросил Чип.

– Прочитать что?

Он посмотрел вниз в боковое окно:

– Черт! Мы летим слишком высоко.

Но когда мы чуть снизились, башни на радарх покраснели.

Чип повернулся ко мне и крикнул:

– Там на песке есть надпись.

Я ничего не видела.

– Что там написано?

– «Выходи за меня замуж!»

Я не видела никакой надписи на песке.

– Правда?

– Я видел это вчера в новостях. Парень написал это десятифутовыми буквами из ракушек для своей подружки.

– Здорово, – сказала я так, словно меня это интересовало чисто эмпирически.

– Похоже, прилив смыл надпись.

– Надо полагать.

– Я очень хотел, чтобы ты увидела ее.

– Правда?

– Правда. – Он взглянул на меня. – Потому что я хотел сказать тебе то же самое.

Одно дело – ожидать чего-то, или мечтать об этом, или надеяться, и совсем другое – пережить сам момент исполнения мечты. Я приложила руку к губам и прижалась лбом к стеклу, чтобы лучше рассмотреть берег.

– И есть еще кое-что. Открой отделение для перчаток.

И действительно, прямо передо мной был маленький ящичек. Внутри я обнаружила изумрудно-зеленый бархатный футляр для кольца.

Я так надеялась на это, что заставила себя сесть в самолет. Иногда стоит пойти на ужасающий риск. Я повернулась к Чипу:

– Ты просишь меня выйти за тебя замуж?

Его голос что-то проскрипел в наушники. Но я знала, что ответ был положительным.

И я ответила:

– Да!

– Ты даже не открыла футляр.

– Мне не нужно этого делать. Просто да!

Чип повернулся ко мне и широко улыбнулся, продемонстрировав безупречные зубы. Я видела свое отражение в его очках, и мои волосы были в жутком беспорядке. Я с трудом подавила желание поправить их. Я также подавила желание перелезть к нему и поцеловать его. Казалось странным не поцеловаться в такой момент, но ничто не могло бы заставить меня отстегнуть ремни безопасности. К тому же я даже не помнила, как это делать.

Вместо этого я показала одобрительный жест, подняв над собой два больших пальца.

– Это не будет официальной помолвкой, пока ты не наденешь кольцо.

Я открыла футляр и увидела очень изящное золотое кольцо с бриллиантом.

– Это принадлежало моей бабушке, – сказал Чип. – Мне пришлось побороться за него с моей сестрой.

Я вынула кольцо и надела на палец. Оно было немного велико. На самом деле, сильно велико, так что, когда я вытянула перед собой руку, чтобы полюбоваться им, бриллиант соскользнул вниз.

- Оно идеально, – сказала я.
– Тебе нравится?
– Да! – ответила я. Не в моем стиле, но какое это имело значение?
– Ты удивлена?
И да, и нет. Я кивнула:
– Да.
– Ты рада, что полетела со мной?
– Очень, – ответила я. И этот ответ был на сто процентов правдой.
По крайней мере, в тот момент.

Назад до аэропорта было двадцать минут лету, и мы провели это время, воодушевленно обсуждая предстоящую свадьбу.

Мы договорились, что церемония пройдет на том самом берегу, а потом начали обсуждать список подружек невесты и шаферов жениха. Выбор был очевидным – его брат и лучшие друзья Вуди, Статлер и Мерфи, и еще школьный друг Харрис. Но потом, конечно, возник вопрос, который вызвал у нас некоторые затруднения. Что делать с моей сестрой Китти?

Я не видела ее три года и не разговаривала с ней. Это было ее решение.

– Ты все равно должна пригласить ее, – сказал Чип.

Но я не была уверена, что мне этого хочется. Когда Китти уезжала, она объявила, что хочет «свободно вздохнуть» вдали от семьи. Она сказала, что будет оставаться на связи. Но после этого просто исчезла.

Мы знали, что сестра жива. Наш папа иногда связывался с ней и мог удостовериться, что она живет в Нью-Йорке, жива и здорова, и попросту не желает, по неизвестной нам причине, возвращаться домой. Даже просто с визитом.

Сначала это было нелегко, потерять ее вот так – быть *отвергнутыми* ею. Но теперь, после всего этого времени, я уже ничего к ней не испытывала. Она меня не любит? Отлично. Я тоже не буду ее любить. Она хочет притвориться, что ее семьи не существует? Нет проблем. Мы можем ответить ей тем же.

Чип считал, что мы должны, по крайней мере, хотя бы пригласить ее на свадьбу. Пусть и не в качестве подружки невесты. Но я была не согласна.

– Во-первых, – сказала я, – она попросту не придет. А во-вторых, если она и придет, это все испортит.

– Этого ты не можешь знать.

– Одно присутствие Китти испортит мне праздник. Чувство неприязни при виде нее погубит для меня всю радость этого дня. Вместо того чтобы с нетерпением ждать самого счастливого дня в моей жизни, я буду бояться его приближения. И все из-за нее.

– Может быть, вам стоит встретиться заранее и покончить с этой неприязнью, – сказал Чип.

Но я была не в настроении прислушиваться к разумным предложениям.

– Даже, – продолжила я, – если мне удастся преодолеть неприязнь к ней, ее присутствие будет означать, что *она будет там*. И с вероятностью в девяносто процентов она напьется и залезет в чашу с пуншем. Или напьется и укусит шафера. Или напьется и схватит микрофон, чтобы спеть.

Чип кивнул. Я не выдвигала беспочвенных гипотез. Китти проделывала все эти вещи в прошлом. Он пожал плечами:

– Но она твоя единственная сестра.

– Это не моя вина.

– Ее отсутствие будет выглядеть странным.

– Я не виновата в том, что мы с ней больше не близки.

– С этим я не спорю.

– Это *она* создала такую ситуацию.

– Согласен.

– А теперь она может испортить единственную свадьбу, которая у меня будет.

Вот черт! Я устрою самую замечательную свадьбу в мире, а единственным результатом будет то, что моя пьяная сестра, паршивая овца нашей семьи, попытается сесть верхом на ледяную скульптуру.

Если она соблаговолит приехать.

На самом деле, это в точности отображало ситуацию между нами. Я всегда старалась сделать все исключительно правильно, а она всегда была твердо настроена поступить наоборот.

Впереди показался аэродром.

Чип сказал, что лучше всего ему удастся приземление. У него к этому был талант, вроде его дара к параллельной парковке.

Но небо впереди было угрожающе темным.

– Это неожиданность, – сказал Чип, глядя перед собой.

– А разве обещали дождь?

– Нет, в последний раз, когда я проверял это, дождя не предвиделось.

– Но ведь и в дождь можно летать, разве нет?

– Не совсем. Его стараются обойти. Или подождать, пока он закончится.

– Меня устроит любое из этих решений, – сказала я. С этим кольцом на руке я была очень покладистой.

– Проблема в том, – признался Чип, – что нам лучше приземлиться как можно раньше.

– Чтобы не опоздать на торжественный ужин, который ты заказал?

– Чтобы у нас не закончилось горючее.

Я внимательно осмотрела горизонт. Небо позади нас было ярко-голубым, но впереди оно было все более и более серым. И немного пурпурным. С небольшими угольно-черными участками.

– Там действительно идет дождь. Но не в районе аэропорта, правда?

Он кивнул:

– Правда.

На горизонте сверкнула молния.

Может быть, гроза как-то влияла на воздух, потому что нас начало здорово трясти, и очень скоро меня затошнило.

Когда мы приблизились к аэропорту, Чип передал наши координаты своим официально пилотским голосом, который был чуть ниже, чем в обычной жизни, а потом начал маневрировать, заходя на посадку. Мы свернули чуть влево и полетели вдоль взлетной полосы, а потом развернулись, чтобы опуститься на нее. Чип был предельно сосредоточен. Я скорее чувствовала, чем видела, приближение земли. И это была приятная мысль.

И тут произошла странная вещь. Когда мы были уже совсем близко от взлетной полосы, крылья проделали что-то, что я могу

описать только как взмах. Они немного накренились и тут же выпрямились. Меня пронзил страх.

Все произошло в одну секунду, но эта секунда все изменила. Что-то было не так.

Я посмотрела на Чипа. Его лицо сделалось каменным.

– Чип? – спросила я.

– Ветер переменялся, – ответил он.

– Что? – спросила я. – Это плохо?

– Теперь он боковой, – были его единственные слова.

Боковой? Что такое боковой? Звучало не слишком хорошо. Чип смотрел на приборы и работал педалями. Его лицо было непроницаемым.

Он держал самолет достаточно устойчиво. Я притихла, молясь о том, чтобы нам хоть немного повезло.

Мы уже были в двадцати футах от полосы, которая тянулась прямо перед нами. А потом неожиданно бетонная дорожка скользнула вбок. Сначала она была под нами, а потом выскочила из-под нас, словно кто-то неудачно попытался проделать трюк со скатертью. И вместо полосы перед нами была небольшая роща.

– Вот дерьмо! – воскликнул Чип, крепче ухватившись за штурвал.

Он ухитрился снова вернуть нас на позицию над полосой.

– Чип?

Но он начал переговоры с диспетчерской вышкой:

– Сессна три два шесть танго дельта Чарли. Не удалось приземлиться, сильный боковой ветер, – а потом его пилотский голос, похоже, отказал ему, и он перешел на нормальную человеческую речь: – Попробую попытаться еще раз.

Наушники затрещали:

– Роджер Сессна три два шесть танго дельта Чарли, следуйте тем же курсом.

А потом земля стала удаляться от нас. Мотор неожиданно заревел, как газонокосилка, накачанная стероидами. Мы поднялись в воздух и развернулись, чтобы снова попытаться зайти на посадку. На юге небо было безоблачно голубым, а на севере – багровым. Еще одна вспышка молнии.

– Боковой ветер из-за грозы? – спросила я.

Чип не ответил. Капелька пота скатилась из-за его уха и впиталась в воротник футболки.

Со второй попытки он начал снижаться еще вдали от полосы, словно давая себе возможность подправить курс, если в этом будет необходимость. Что он и сделал. Дважды полоса под нами ускользала в сторону, и дважды Чип возвращал самолет на место.

– Очень хорошо, – сказала я, чтобы подбодрить его, отчаянно надеясь, что ему не придется снова подниматься в воздух и начинать все сначала. Я чувствовала, что меня вот-вот стошнит, но это меньше всего волновало меня в тот момент.

Я хотела только одного – чтобы мы коснулись бетона.

Наверное, это было самое медленное снижение в истории авиации. Чип еще раз поправил курс, и мы стали приближаться к земле. Я видела асфальт, который приглашал нас опуститься на него. И я стала молиться, чтобы мы коснулись его.

А потом мы приблизились к той части полосы, где рядом с ней стоял ангар для самолетов. Его размеры были достаточно большими, чтобы немного задерживать ветер. Мы были примерно в десяти футах над полосой, когда пролетали мимо здания – так близко, – и я почувствовала, как ветер затих, когда мы оказались в его тени. Все как-то затихло. Даже мотор стал работать не так громко. Чип немного расслабился. Земля была настолько близко, что, казалось, можно было дотянуться до нее рукой.

«Мы сделали это», – подумала я.

А затем мы вылетели из-за ангара, обратно на открытое место, и в этот момент резкий и сильный порыв ветра ударил в бок самолета с моей стороны, и он проделал то, что авиаторы называют «переворотом через крыло».

Я помню это, словно все происходило как в замедленной съемке. Я помню, как в меня впились ремни безопасности, жесткие, словно деревянные доски. Крыло с моей стороны взмыло вверх, и самолет перевернулся. Я помню, как противоположное крыло скользнуло по полосе с разрывающим барабанные перепонки звуком, когда металл соприкоснулся с бетоном. Я помню, как Чип крикнул в ужасе:

– Держись!

Хотя я понятия не имела, за что держаться. Я помню, что я истошно закричала, и Чип тоже закричал. Мы в шоке посмотрели друг

на друга, словно говоря: «Не может быть, чтобы это происходило с нами!» Я помню, как в моем сознании промелькнула мысль о том, что кричать было бессмысленно, так как было ясно, что нам никто и ничем не мог помочь. А потом все заслонила другая мысль:

«Это момент нашей смерти».

Мы, безусловно, не могли никак повлиять на то, что происходило. Мы были совершенно беспомощны, и, когда я это осознала, меня пронзила мысль, что все, чего я так ждала, закончилось, еще не начавшись. Чип и я, и свадьба на берегу, которой у нас не будет, и бигль, которого мы уже не спасем из приюта, и дети, которых мы никогда не родим. Говорят, что в такой момент перед глазами проносится вся жизнь, но я видела не свою прожитую жизнь. Я видела ту жизнь, которую так ждала. Ту жизнь, которую у меня больше не было шанса прожить.

Будущее просочилось сквозь мои пальцы в тот момент, когда я уже почти держала его в руках.

Внезапно я закипела от злости. В тот момент я не думала ни о родителях, ни о друзьях, ни о том, как тяжело отразится моя смерть на ком-либо. Я просто не могла поверить, что мне осталось жить считанные секунды.

Я не могу сказать вам, сколько полных вращений совершил самолет, который гнало по взлетной полосе, как потерявшегося воздушного змея. Не зря это называлось переворотами через крыло. Крылья превратились в спицы гигантского колеса, а мы стали чертовой осью вращения. В какой-то момент я полностью утратила ориентацию и перестала чувствовать вращение. Мне казалось, что нас просто качает взад-вперед. Я помню, что сосредоточила все силы на том, чтобы меня не стошнило, потому что контролировать что-либо еще уже не было никакой надежды.

Я уже была готова извергнуть все содержимое желудка, когда крыло с моей стороны отвалилось с ужасающим, леденящим кровь треском. Струя горючего ударила в окно, словно мы были внутри мойки для автомобилей, и мы, наконец, плюхнулись в канаву. Я оказалась лежащей внизу, а Чип болтался в воздухе.

Мы остановились.

Все замерло.

И тогда меня вырвало прямо на окно, которое было подо мной.

Глава 2

Спустя тысячу лет я услышала Чипа, который сдавленным голосом произнес:

– Маргарет? Ты в порядке?

– Меня вырвало, – сказала я, не вполне осознавая причины его беспокойства.

– Маргарет, топливо – мы должны выбираться отсюда. Ты ранена?

– Не думаю.

Чип начал двигаться, отстегивая ремни и пытаясь открыть дверь кабины. С его стороны самолет, похоже, был не так поврежден, как с моей. Дверь немного заклинило, и ему пришлось опереться на сиденье и ударить в нее ногой. Она довольно легко поддалась, широко распахнулась и несколько секунд со скрипом покачалась.

Он вылез наружу, затем протянул руку ко мне.

– Пошли!

Но я даже еще не отстегнула ремни. Все, казалось, двигалось, как в замедленной съемке. Мои руки словно мне не принадлежали. Я видела, как они поднялись, чтобы открыть застежку на плече, и только в этот момент я осознала, что она уже отстегнута. Потом я попыталась справиться с застежкой на животе, которая, напротив, никак не хотела расстегиваться.

Но в любом случае это было неважно. Самолет с моей стороны был сильно помят. Я даже уже не *сидела* в кресле – я скорее была зажата между ним и приборной панелью.

Я попыталась повернуться, но безуспешно. Я попробовала пошевелить ногами, но они намертво застряли.

Чип находился снаружи и смотрел на меня сквозь окно.

– Давай же, Маргарет! Быстрее!

– Я не могу! – крикнула я. – Я застряла!

Он протянул руку ко мне, чтобы я за нее ухватилась.

– Я вытащу тебя!

– Я не могу! Мои ноги зажаты.

Чип какое-то время молчал – может быть, секунду, может быть, час – трудно сказать. Потом он произнес:

– Я побегу за помощью.

И в первый раз от перспективы остаться одной я почувствовала страх.

– Нет! Не оставляй меня!

– Эта штука может взорваться в любой момент!

– Я не хочу умирать одна!

– Нам нужны пожарные!

– Вызови их по телефону!

Голос Чипа был странным; я услышала в нем панику.

– Я не знаю, где он!

– Не уходи, Чип! Не уходи! Не уходи!

Мой голос тоже звучал странно – словно принадлежащий кому-то другому, кому-то, кто мне не нравился и не вызывал у меня сочувствия. Это кричала какая-то истерическая и жалкая девчонка.

Но Чип уже уходил.

– Я должен позвать на помощь. Просто потерпи. Я вернусь чрез две минуты.

И он оставил меня одну.

Я оказалась одна, в сплюсненном самолете, вдыхая насыщенный парами топлива воздух. Он был таким кислым, и отравленным, и едким, что мне казалось, будто мои легкие плавятся.

– Две минуты, – шептала я, пока эти слова не утратили смысла. – Две минуты. Две минуты. Две минуты.

А потом раздался сильный удар грома, от которого задрожали приборы на панели.

После чего пошел дождь.

Тяжелые капли истерически барабанили по металлическому корпусу самолета. Дверь со стороны Чипа все еще была открыта, и вода полилась прямо на мои оголенные плечи, холодная и зловещая.

Прошло больше двух минут, но не могу сказать вам, сколько именно. Десять? Тридцать? Сто?

Я не знала, хорошо это или плохо, что идет дождь. Предотвратит ли он пожар – или сделает все еще ужаснее? Я хотела лишь одного – чтобы весь мир замер до тех пор, пока я не выберусь из самолета и не окажусь в безопасности. В канаве было темно, словно кто-то выключил свет. Вскоре я начала дрожать. Капли дождя стучали по металлу, как маленькие камешки. Я слышала какое-то тиканье. Я даже могла услышать свое дыхание. И я думала о том, сколько времени

понадобится, чтобы канава наполнилась водой и я утонула бы в результате авиакатастрофы.

Я продолжала попытки высвободиться. Но безрезультатно.

Я чувствовала себя одиноко много раз в своей жизни – иногда в хорошем смысле, иногда в плохом – но я никогда не чувствовала себя настолько потерянной.

– Вернись, – шептала я Чипу. – Вернись.

Но мои слова тонули в шуме дождя.

А потом я услышала самый прекрасный звук, который когда-либо слышала в своей жизни – до этого момента и даже до сих пор.

Сначала вдали, потом все ближе. Сирена.

Пожарная машина.

Чип не вернулся, но у меня теперь было кое-что получше.

И в этот момент, словно почувствовав их приближение, дождь утих и превратился в легкое накрапывание.

Слышимость внутри самолета была довольно хорошей. После того как выключили сирену, я могла слышать, как пожарные снаружи разговаривали и выкрикивали друг другу команды. Их было пять или шесть человек. Я слышала звуки, которые не могла идентифицировать – звяканье, клацанье, лязг. Один парень обозвал другого болваном. Прошло несколько минут, потом еще несколько. Я не могла понять, почему никто до сих пор не пришел вытащить меня.

А потом я услышала новый звук – нечто другое. Вспышку. Словно спичку поднесли к газовой горелке и она вспыхнула пламенем.

Я услышала его за полсекунды до того, как начался пожар. Достаточно для того, чтобы успеть немного съежиться и прикрыть лицо руками.

А потом все смешалось: шум, ветер, жара. Я низко склонила голову, потому что это было единственным, что я могла сделать. Я почувствовала, как мне обожгло шею, а спустя несколько секунд пожар стих. Кабина была наполнена дымом и пахла барбекю и палеными волосами.

Следующими звуками, которые я услышала, были лязг и звон металла, по которому кто-то наносил удары. Я слышала хлопки, мужские голоса, шум мотора и какое-то жужжанье. А потом, спустя несколько секунд, крыша самолета, которая после нашего приземления

стала скорее стеной, отвалилась. И рядом со мной появился стоявший на коленях пожарный в полном обмундировании и с маской на лице. А позади него был снег. И только в этот момент я заметила, что снег был и в кабине.

Пожарный снял маску и оказался дамой. Женщина-пожарный! Она назвала мне свое имя, но я понятия не имела, что она сказала. Иногда, даже сейчас, когда я не могу уснуть, я пытаюсь вспомнить, что это было за имя. Карен? Лора? Дженни?

– У нас живой пациент, – объявила она.

Мне показалось, что я уловила в ее голосе удивление.

Она придвинулась ко мне, в то время как остальные продолжали отламывать крышу.

– Скажите, что у вас больше всего болит.

– У меня ничего не болит, – сказала я.

Она протянула руку, чтобы проверить мой пульс. На лице у нее отразилось сомнение.

– Совсем ничего?

– Я в порядке, – заверила я. – Просто застряла, – а потом спросила: – Почему идет снег?

– Это не снег, – ответила она. – Это пена. Для тушения пожаров.

Пена! Для пожаров! Я на секунду забыла о пожаре! И только сейчас я почувствовала жжение на шее и на руке.

– На самом деле, у меня могут быть кое-какие ожоги, – сказала я.

Она улыбнулась мне:

– Вам очень повезло. Пожар начался в тот момент, когда мы уже развернули шланги. Мы потушили его за одну минуту.

– Похоже, мне действительно повезло, – согласилась я.

– К тому же, – продолжала она, светя крошечным фонариком мне в глаза, – лежа лицом вниз в канаве, вы оказались в самом лучшем положении, когда огонь охватил кабину.

– Значит, мне повезло вдвойне, – сказала я.

– Вы шутите? Не вдвойне, а вчетверо. Я поражена, что вы не превратились в брикет угля.

– Я тоже, – ответила я.

– Мы собираемся положить вас на доску, – сказала она. – Чтобы ваше тело было неподвижным, пока мы будем перевозить вас в больницу.

– Я думаю, что я на самом деле в порядке, – возразила я. – Просто застряла.

Но она уже достала кислородную маску и собралась надеть ее на меня.

– Сейчас мы дадим вам немного кислорода. Чтобы вам было легче дышать.

– Но я и вправду в порядке.

– Это просто мера предосторожности, – сказала она, подмигнув мне. – Так положено. Вы же не хотите, чтобы у меня были неприятности?

Этого я не хотела. Хотя у женщин-пожарных в любом случае должны были быть железные нервы, и они не очень боялись неприятностей.

И я притихла и стала послушно вдыхать прохладный кислород, а она тем временем осторожно, сантиметр за сантиметром, просовывала мне за спину длинную доску. Она также надела мне на шею фиксирующий воротник, хотя мне было абсолютно ясно, что он не нужен. На последний этап, после того как меня надежно закрепили на доске, ушло довольно много времени. Нужно было разобрать всю переднюю часть самолета, чтобы освободить мои ноги. Этим занялись сразу трое пожарных, которые вовсе не спешили.

Но я была благодарна им за их осторожность. Никто не торопился, все действовали предельно аккуратно. А моя безымянная дама-пожарный все это время оставалась рядом со мной, снова и снова заставляя меня пошевелить пальцами рук и ног и мило болтая, чтобы отвлечь меня. Она сказала, что, если бы разбился большой самолет, вызвали бы сразу огромное количество спасателей и карет «Скорой помощи». Но «эти маленькие самолетики больше похожи на игрушки из фольги».

Еще до того, как меня вытащили, я услышала шум подлетающего вертолета.

– А вот летит ваше такси, – сказала моя новая подруга.

– Но я же в порядке, – снова попыталась убедить ее я.

– Вам понравится. Это очень интересно.

– А где Чип? – спросила я.

– Это ваш бойфренд?

– Мой жених, – ответила я, впервые произнося это слово.

– Он около кареты «Скорой помощи».

– Он ранен?

– Они сейчас осматривают его. Но, похоже, на нем нет ни царапины.

Когда меня, наконец, окончательно освободили и погрузили на каталку, они повезли меня к карете «Скорой помощи», где с меня осторожно ножницами срезали всю одежду, а потом поставили капельницу с морфином.

Гроза стихла, и теперь небо было совершенно безоблачным. Я видела над собой миллионы звезд, и я благодарил их всех. Я благодарил их за удачу, за пожарных, за сирены, за огнетушители, за канавы, за болторезы, за кислород и за надежду, за чудеса и за то, что я не превратилась в уголь.

Парамедики не переставали возиться со мной. И всякий раз, когда я заверяла их, что я в порядке, они лишь пожимали плечами и отвечали:

– У нас такие правила.

Согласно инструкции, они повезли меня в карете «Скорой помощи» к вертолету, который приземлился всего в двухстах футах от нас. И они не позволили Чипу сопровождать меня, хотя в кабине было много места.

– Мне нужно, чтобы ты был рядом со мной, – сказала я, когда меня везли к вертолету.

– Я не могу, – ответил он.

– Сделай это!

– Я встречу тебя в больнице, – крикнул он мне вслед.

Если я собиралась лететь, а он ехать на машине, я подумала, что ему придется поторопиться. Но он не торопился. Я бросила не него последний взгляд, когда меня грузили в вертолет. Он стоял все на том же месте, неподвижно, как статуя.

Я не могла поверить, что вокруг меня поднялась такая суматоха. Честно. Из-за пустяков.

Ну, может быть, не совсем из-за пустяков. Я была на волосок от смерти. Самый мой страшный кошмар сбылся. Крушение, дождь, огонь. Может быть, я не смогу перестать дрожать.

Но мы все-таки выжили.

К тому моменту, когда меня погрузили в вертолет, я уже засыпала. Я подумала, что это из-за перенесенного страха. Или, может быть, они что-то вкололи мне. Или я надышалась кислорода. Перед тем как окончательно отключиться, я подумала, не придется ли мне провести в больнице всю ночь. Я надеялась, что не придется. И если я смогу покинуть ее как можно быстрее, может быть, мы с Чипом все-таки успеем на поздний ужин в ресторан.

Несмотря на крушение, у нас еще было что отпраздновать.

Глава 3

Я проснулась, когда в отделении экстренной помощи поднялся дикий шум, но это не было первым, что я осознала. Первым, что я почувствовала, было то, что моя спина горела, как в огне. И как только я осознала, что мне больно, я вдруг поняла, что мне было больно все время – даже в первые моменты после катастрофы.

Я понимаю, что это кажется невероятным, но лишь в тот момент, когда я *заметила* эту боль, я ее *вспомнила*.

– У меня болит спина, – сказала я, не обращаясь ни к кому конкретно.

Я даже не смогла бы понять, *кому именно сказать это*, потому что уголком глаза видела, как по меньшей мере двадцать человек беспорядочно сновали по комнате, переговариваясь так быстро, что их слова просто сливались в однообразный шум. От этой комнаты у меня в памяти остались лишь звуки и зрительные впечатления – звуки и впечатления, которые я не могу даже упорядочить. Люди в голубых пижамах сновали туда-сюда, приборы пищали, яркий свет огромной лампы надо мной бил в глаза, заставляя меня щуриться. Кто-то менял пакет с лекарством в моей капельнице. Кто-то просил катетер. Я слышала слова «рентген» и «томография».

Моей шее было неудобно в корсете, и я попросила толстого санитаря с добрым лицом снять его с меня.

– Нельзя, до тех пор, пока мы не обследуем позвоночник, – сказал кто-то.

– Потерпи еще немного, милая, – сказал санитар.

Есть ли у меня аллергия на лекарства? *Нет*. Были ли у меня какие-нибудь заболевания, о которых им следует знать? *Нет*. Не беременна ли я? *Господи, надеюсь, что нет*.

– Я здоровая, как лошадь, – сказала я.

Какой-то мужчина, который, как я узнала позже, был нейрохирургом, остановился рядом со мной, чтобы сказать, что они измеряют мое давление и проверяют чувствительность с помощью булавочных уколов. И они будут вводить мне стероиды, чтобы предотвратить отек, потому что положительное действие стероидов перевешивает возможные побочные эффекты.

– О’кей, – сказала я. Но только когда он ушел, мне пришло в голову спросить: – Отек чего?

Но мне никто не ответил.

После осмотров и компьютерной томографии ко мне снова подошел нейрохирург и стал говорить какую-то бессмыслицу:

– У вас взрывной перелом поясничного позвонка. Мы отправляем вас на операцию в хирургическое отделение. Оценка ваших жизненных показателей произведена, и обнаружилось некоторые отклонения от нормы, а крестцовый отдел спинного мозга позвоночника немного сдавлен. Но есть и хорошие новости – ваша подвздошно-поясничная мышца функционирует, и мы надеемся, что повреждение неполное. Конечно, мы узнаем больше, когда проведем операцию.

– Неполное повреждение чего? – спросила я.

Он удивленно моргнул, словно думал, что я уже это знаю.

– Вашего спинного мозга.

Я на секунду задержала дыхание.

– Поэтому у меня болит спина?

Он отвернулся и что-то спросил у санитаря. Потом он снова повернулся ко мне и сказал:

– Вам повезло. Позвонок поврежден, но не задел спинной мозг. А теперь нам нужно лишь добраться до него и удалить все осколки.

– Прямо сейчас? – спросила я.

Он кивнул:

– Мы перевозим вас в операционную. И пока вы будете находиться там, мы вызовем пластического хирурга, чтобы он оценил состояние вашего лица и шеи и, может быть, удалил омертвевшие участки кожи. Вам, конечно, потребуется еще одна операция. После того, как ваше состояние стабилизируется. Но первым делом нужно разобраться с вашим позвоночником.

– А зачем вторая операция?

– Трансплантация кожи. Из-за ожогов.

Трансплантация кожи. Из-за ожогов.

Нейрохирург уже собрался уходить.

– У вас еще есть вопросы ко мне?

Я хотела кивнуть, но у меня это не получилось. Да, у меня были вопросы. По меньшей мере тысяча. Но я не могла их сформулировать.

И вместо этого я задала лишь один, который пришел на ум:

– Пожалуйста, может кто-нибудь найти мою маму?

Обычно воспоминания имеют какую-то хронологию. Даже если у вас выпадают из памяти какие-то моменты, все равно остается некое чувство логической связи – *вот это привело к тому-то*. Но мои воспоминания об отделении интенсивной терапии представляют собой лишь какую-то мешанину образов, звуков и ощущений таких смутных, что их трудно выразить словами.

Говорят, что все теряют чувство времени в отделении интенсивной терапии. Все напоминает Лас-Вегас, не хватает только полураздетых девочек и игровых автоматов. Во-первых, отсутствуют окна. Гудят яркие флуоресцентные лампы и ночью, и днем. Иногда они становятся более тусклыми, но не намного. В любое время дня и ночи по палате разгуливают врачи, медицинские сестры, технический персонал, реабилитологи, социальные работники, координаторы медицинских услуг, администраторы, родственники пациентов и все, кому это взбредет в голову. Приборы пищат и гудят. Щелкают клавиатуры компьютеров. Скрипят чьи-то ботинки. Звонят телефоны.

Все это по меньшей мере полностью уничтожает ваш циркадный ритм.

И вы сами. Периоды сна сменяются периодами бодрствования. Вы одурманены лекарствами и болевыми ощущениями. И вас будят то и дело в любое время суток – чтобы принять лекарство, чтобы перевернуть во избежание пролежней или просто потому, что кто-то хочет задать вам какой-то вопрос. Вы становитесь пассивным, одуревшим элементом какой-то несусветной экосистемы, которая день и ночь борется за то, чтобы вы оставались живы – но вы настолько далеки от жизни, насколько это возможно.

Почти что мертвы.

Мои родители приехали в больницу сразу после того, как меня отвезли в операционную (и застали в приемном отделении Чипа, который «выглядел подавленным, совершенно подавленным»). Я знаю со слов матери, что операция длилась около двух часов, и они прикрепили шины в области моего поясничного позвонка, чтобы обездвижить позвоночник.

На следующий день мое состояние было достаточно стабильным, чтобы провести вторую операцию, по трансплантации кожи. И об этом я тоже узнала гораздо позже от моей мамы. Она всегда была педантичным человеком и все это время старательно вела записи, чтобы потом не только поведать мне историю моей жизни, но и обогатить мой словарный запас разнообразными медицинскими терминами.

Она сообщила, что в некотором смысле мне повезло, что ожоги были такими сильными. Ожоги третьей степени не вызывают болевых ощущений, поскольку нервные окончания повреждены. Она также рассказала, что нейрохирург специально приходил в операционную уложить меня на столе таким образом, чтобы при обработке моего лица и шеи не повредили мой позвоночник. Еще она объяснила мне, как пластический хирург специальным инструментом, вроде того, которым чистят морковь, снял с меня обожженную кожу. А потом пересадила на эти участки кожу, которую сняли с моей груди, прямо с того места, которое находится чуть ниже ключиц.

Они пришили новую кожу обычным швом – «крестиком», каким простегивают лоскутные одеяла.

После двух операций я провела семь дней в палате интенсивной терапии, и все это время к моей шее была прикреплена аспирационная трубка, чтобы отсасывать жидкость из-под трансплантированной кожи. Мама сфотографировала меня на свой телефон, но потом решила, что это «дурной тон». Она показала мне фотографию спустя несколько недель, прежде чем удалить ее. На фотографии я выглядела так, будто к моей шее присосалась огромная минога-альбинос.

Похоже, что первым, о ком я спросила, очнувшись после операций, был Чип. Он приходил после первой операции (хотя я не помню этого), но после второй он отправился домой спать, и вместо него ко мне впустили мою маму.

Я знаю теперь многое из того, чего совсем не помню. У меня был установлен постоянный катетер для отвода мочи. То, что осталось от моих волос, мешало делать перевязки на шее и лице, поэтому кто-то бесцеремонно остриг мои волосы под корень, даже не спросив меня – возможно, когда я спала. И я приняла больше лекарств за эти семь дней, чем за всю мою предыдущую жизнь – огромные дозы самых разных препаратов, некоторые заставляли меня забыть обо всем.

Посетители допускались ко мне только на десять минут. И большую часть времени я была совсем одна, в окружении приборов и толпы незнакомых людей.

Один из болеутоляющих препаратов вызывал у меня рвоту. Это я помню.

Я также помню лица. Мама, склонившаяся надо мной с опухшим от слез лицом. Папа, сжимавший губы, чтобы не расплакаться, и постоянно показывавший большие пальцы, словно одобряя все происходящее. Чип, застывший, слово статуя, стоявший рядом с кроватью, но, казалось, бывший где-то далеко, за много миль от меня. И еще я помню странные вещи, которые разные врачи в голубых пижамах проделывали с моими ногами, сгибали их, вытягивали, поворачивали. Я могла видеть, что они делают, но я ничего не чувствовала.

Все это было похоже на длинный, странный сон. С периодами рвоты.

Глава 4

Лишь когда я покинула отделение интенсивной терапии, я начала пробуждаться к жизни. И лишь когда я начала пробуждаться к жизни, я начала осознавать, насколько плохо обстоят мои дела.

Например, в тот день, когда меня перевозили из реанимации, все утро ушло на то, чтобы пересадить меня в кресло-каталку. Медсестра по имени Нина постепенно осторожно приподнимала изголовье моей кровати, чтобы перевести меня в сидячее положение. Я так долго находилась в лежачем положении, что мое кровяное давление было в критическом состоянии. Это могло вызвать обморок или даже инфаркт. Когда вы неподвижны и находитесь в бессознательном состоянии, вы быстро теряете мышечную массу. Я потеряла за неделю двадцать фунтов. И была похожа на маленькую, сморщенную старушку.

Я помню, как волновалась из-за того, что Чип будет в шоке при виде меня. И я была рада, что его там не было. Словно нескольких дней мне хватит для того, чтобы полностью восстановиться.

Но тем не менее я спросила:

– Где Чип?

Я задала этот вопрос маме по меньшей мере три раза, прежде чем она ответила:

– Он сегодня себя плохо чувствует, солнышко мое, – сказала она.

– Плохо себя чувствует? – спросила я.

– Напился, – пояснил папа.

– Клифф! – Мама ударила его по плечу.

Нина могла с легкостью поднять меня и посадить в кресло, но они совсем по-другому обращались с пациентами в период реабилитации. Они заставляли вас самостоятельно делать разнообразные вещи – невозможные вещи, – прежде чем вы были к этому готовы. И вот, едва покинув отделение интенсивной терапии, я уже должна была самостоятельно садиться, двигаясь дюйм за дюймом.

– Не могли бы вы просто поднять меня? – спросила я.

– Я не могу помочь вам самостоятельно подняться, – сказала Нина так, что ее отказ прозвучал скорее как согласие.

Родители были рядом со мной, сочувственно глядя на меня. Клифф и Линда. Я много раз видела, как они стоят рядом, плечом к

плечу, но никогда они не выглядели такими встревоженными. Их обуревало желание подойти ближе и помочь, но Нина не подпускала их. Она держала кресло, и я должна была переползти в него в моей сорочке и странных больничных трусах. К тому же у меня еще не удалили катетер. Со всеми этими трубками, повязками и головокружением было чудом то, что я вообще смогла принять сидячее положение.

А мои ноги? Я все еще не чувствовала их и не могла ими пошевелить. Они были похожи на гигантскую японскую рисовую лапшу, безжизненно свисавшую с моих колен. Нина сама сдвинула их с места и свесила их через край кровати. Я только наблюдала за тем, как они болтаются в воздухе.

– Когда восстановится чувствительность моих ног? – спросила я.

– На это вам может ответить только ваш доктор, – сказала Нина.

К тому моменту, когда я очутилась в кресле и Нина поставила мои ступни на подножку, я уже едва могла отдышаться, словно пробежала целую милю.

– Вот молодчина! – воскликнул папа, когда я, наконец, села в кресло. Точно так же он восклицал, когда я первой приходила на соревнованиях по бегу.

Нина взялась за ручки кресла и покатила меня из палаты. Мы проехали, казалось, несколько миль по лабиринтам коридоров, прежде чем найти мою новую палату. Это была комната на двоих, и обе кровати были не заняты, что означало, что я могу выбрать любую. Но мама наверняка решит за меня, как она обычно поступала. Она спрашивала, чего ты хочешь, ждала ответа, а потом объясняла, почему это не получится, и заставляла тебя делать то, что хотелось ей.

Я выбрала кровать, расположенную ближе к ванной комнате, но моя мама тут же сказала, что она читала статью, в которой говорилось, что вид природы очень помогает процессу выздоровления, и не кажется ли мне, что лучше будет занять место у окна?

Как обычно: я выбирала одно, а заканчивала совсем другим.

Около моей новой кровати мы проделали всю процедуру с креслом в обратном порядке, чтобы я могла лечь. На это ушел час, и в конце я едва дышала, и меня тошнило. Мои родители все это время стояли в ногах кровати и наблюдали за мной.

– Так где же Чип? – спросила я.

– Отсыпается с похмелья, – сказал папа, и на этот раз мама промолчала.

Я повернулась к Нине.

– Когда удалят этот катетер? – спросила я, когда она, наконец, укрыла меня простыней и я откинулась на похрустывающую больничную подушку.

– На это тоже вам может ответить только доктор.

У меня было такое чувство, что она слишком часто говорит это.

Как только Нина ушла, папа отправился вниз за кофе, а мама принялась украшать комнату. Это было частью ее работы. Они с папой вдвоем управляли строительной компанией, и в то время как папа обычно занимался непосредственно стройкой, мама брала на себя дизайн. Так что это было ее профессиональной ответственностью – в любой ситуации сделать так, чтобы все выглядело как можно лучше.

Она принесла стеганое одеяло из дома, в сине-белую клеточку, и пушистый плед. Она всю неделю собирала открытки с пожеланиями выздоровления от друзей и родственников и теперь с помощью скотча прикрепила их на стенку. Она принесла кучу журналов, которые разложила на боковом столике, и нашла на чердаке моего любимого игрушечного кролика. Когда она, наконец, утомилась и села на стул, она принялась критиковать убранство палаты.

– Не знаю, о чем они думали, когда покрасили стены в этот ужасный сиреневый цвет. Прямо как в восьмидесятые годы.

Я только что пережила авиакатастрофу и, естественно, это была самая подходящая тема для разговоров. Ничто так не выводило из себя Линду Якобсен, как плохой декор.

– Сиреневый и серый, – продолжала она. – Это яд. Они визуально отравляют вас.

– Это не так уж плохо, – возразила я, чтобы поддеть ее. – Это же больничная палата.

Но она вздернула подбородок:

– Человек, который декорировал эту больницу, должен быть в тюрьме, – объявила она с достоинством женщины перед лицом несусветного кошмара.

Я медленно втянула в себя воздух.

– Ты можешь раздвинуть шторы, – предложила я.

Она повернулась к окну с таким видом, словно забыла о нем.

– Конечно. Да.

Мама подошла к окну, постукивая каблуками. Этот звук я слышала всю свою жизнь. Она решительно раздвинула шторы.

Я не знаю, что мы ожидали увидеть, но окно выходило на стоянку автомобилей и вентиляционную шахту.

Мама повернулась ко мне.

– Так хуже.

Действительно.

И в этот момент тяжелая дверь в палату открылась, и врач, которого я до этих пор ни разу не видела, вошел в палату и направился прямо к моей кровати, ухватив по дороге стоявший на тележке компьютер и везя его за собой. Он спросил:

– Как вы себя чувствуете?

Потом наклонился ко мне, чтобы проверить повязку на моей шее.

Я не знала, как ему ответить.

– Странно. Сюрреалистично. Как в тумане.

– Боли? – уточнил он.

– Не уверена.

– Это лекарства. Они дезориентируют. Но мы постепенно отменяем их. Так что завтра вы сможете точнее определить, что у вас болит.

– Не уверена, что хочу точнее определять это.

Это была слабая попытка пошутить. Но он пожал плечами:

– Я вас понял.

Он повернулся к компьютеру, приложил к нему свой бейдж и стал проверять мою медицинскую карту.

– Хорошие новости, – сказал он. – Никакого отторжения.

О! Так это он делал мне операцию. Похоже, мы все-таки уже встречались.

– Мы сняли кожу с двух участков прямо под вашими ключицами. – Он указал на повязку на моей груди, и я на самом деле в первый раз обратила на нее внимание. – Мы снимем повязку через пять-шесть дней и дадим ране подсохнуть. Потом корочка отвалится, и все заживет. Конечно, останется шрам, но когда нарастет новая кожа, можно будет использовать разные мази, чтобы сделать его менее заметным. А лет через десять вы даже не будете видеть его.

Десять лет! Если бы в этот момент я что-нибудь пила, я наверняка подавилась бы.

Но он невозмутимо продолжал:

– Мы пришили кожу с груди на переднюю часть шеи и на трапецевидную мышцу. Там, конечно, будут еще шрамы. Но вы сможете прикрывать их волосами. – Он улыбнулся. – Так что завязывать волосы в хвостик вы больше не сможете.

– А почему нет повязки на моем лице и на шее? – спросила я.

– Как только начинается процесс заживления, мы предпочитаем оставлять эти участки открытыми и просто накладывать на них мазь. Их не нужно бинтовать. Но вам какое-то время придется носить одежду с открытым плечом с этой стороны. Просто покупайте дешевые футболки и отрезайте левый рукав и горловину. – Он рассмеялся. – Вы будете выглядеть как подравшийся футбольный фанат.

Но мою мать это не развеселило.

– А что будет с лицом?

У меня расширились глаза. *С лицом?* Я не помнила, чтобы кто-нибудь упоминал мое лицо.

Врач посмотрел на мою маму так, словно только что заметил ее. Потом обратился ко мне:

– Наверное, вы рады, что ваша мама здесь.

– Рада, – ответила я.

Но мама продолжала трагическим шепотом:

– Я даже не могу спокойно на нее смотреть.

И в этот момент я осознала, что она была права.

– На лице были ожоги второй степени, – сказал врач. – Сейчас это волдыри, которые превратятся в корочки и будут страшно чесаться, но если она не будет их расчесывать, шрамы будут минимальными. Через три недели все заживет.

Моя мама подходила ко всему основательно:

– Минимальные шрамы означают *отсутствие* шрамов?

Но она хотела слишком многого.

– Я не даю никаких обещаний, – сказал врач, отвозя тележку с компьютером на место. – Мы сделаем все, что от нас зависит, и, надеюсь, этого будет достаточно.

После того как он ушел, в палате воцарилась мертвая тишина. Здесь не было сводящей с ума какофонии звуков, как в реанимации. Только тихое гуденье кондиционера. Внезапно я услышала мамино всхлипывание.

Я повернулась к ней. Она стояла лицом к окну, крепко сжав пальцы в кулаки.

– Мама, прекрати, – сказала я.

– С тобой все будет в порядке, – ответила она мне, словно возражая.

– Возьми себя в руки. – Я снова закрыла глаза. Я очень устала.

– Ты была безупречно красива, – сказала она, наконец. – Неудивительно, что Чип слишком подавлен, чтобы навестить тебя.

У моей мамы был удивительный талант ухудшать ситуацию. Она во всем могла найти плохую сторону. И когда она ее находила, она должна была поделиться со своим открытием со всеми.

– Знаешь что? – сказала я. – Я ужасно устала.

Но она еще не закончила:

– У тебя еще вся жизнь впереди.

Вот так. На самом деле, весьма неутешительно.

– Я читала статистику, – продолжала она. – О том, что в подобных случаях происходит с взаимоотношениями.

– Мам.

– Знаешь что? Женщины не бросают мужчин, но мужчины бросают женщин.

– Чип не собирается меня бросать.

«Нелепо» было слишком мягким словом, чтобы выразить мое отношение к ее предположениям.

– Нет, – сказала она, – он тебя не бросит. Потому что мы тебя приведем в порядок.

Я слишком хорошо знала это ее выражение лица.

– Бог наделил меня такой энергией не зря, – заявила она. – Ты восстановишься, моя милая девочка. Ты станешь у нас как новенькая. У меня уже целая папка со статьями о чудесных исцелениях и о людях, которые бросили вызов самым мрачным диагнозам.

А мой диагноз был мрачным? Что-то подсказывало мне, что лучше не спрашивать.

Мама обернулась и уставилась на одеяло, лежавшее у меня в ногах.

– Ты поправишься и всем покажешь, что ты сильная, – сказала она, чем-то напоминая мне Скарлетт О’Хара. – Мы найдем лучшего в мире пластического хирурга. Мы не остановимся ни перед чем. Если я и папа должны будем потратить каждый сэкономленный нами цент – *продать дом!* – мы сделаем это.

Мне следовало бы промолчать. Но что-то во мне требовало убедить ее.

– Чип не собирается меня бросать, – сделала я еще одну попытку. – Он любит меня.

– Тебя прежнюю, возможно, – сказала она. – Но сейчас? – Она нахмурилась. – Но мы не позволим этому случиться. Я ночами сидела в Интернете, изучая истории людей, попавших в похожую ситуацию и выкарабкавшихся из нее. Я знаю, что больше всего требуется решимость и упорство. Одна девушка нырнула в слишком мелкий бассейн на вечеринке и сломала шейный позвонок. Она должна была *умереть* – но она боролась изо всех сил и теперь преподает синхронное плавание. А одна женщина! Ее практически переехал грузовик. Сломал все кости в ее теле. А теперь она инструктор по аэробике в Сан-Бернардино. Еще одну девушку сбила машина, когда она переходила улицу. А теперь она модель, демонстрирует нижнее белье.

– Я все поняла, мам.

Но остановить ее было нельзя.

– Что общего было у всех этих людей? Воля. Мужество. Сила. А у тебя все это есть в избытке. И, кроме того, у тебя есть я.

Это обнадеживало. Было приятно знать, что она всегда подставит мне свое плечо. Кроме того, она сказала правду – эта женщина была сильной, как бык. Но почему-то ее слова породили во мне странные эмоции – их трудно объяснить, это было частично беспокойством, частично воодушевлением, а частично паникой. Как и всегда было при общении с моей мамой – вы никогда не получали в точности того, чего хотели. Я хотела силы без страха. Я хотела решимости без контроля с ее стороны. И я хотела откровенного разговора без моделей, демонстрирующих нижнее белье.

Но больше всего в тот момент я хотела закрыть глаза.

К счастью для меня, в палату вошел папа с подносом, на котором стояли стаканы с кофе. Он сразу же понял по царившей в палате атмосфере, какого рода у нас был разговор.

– Посмотрите на эту комнату! – воскликнул он, желая направить наши мысли в другое русло. – Линда, ты, как всегда, творишь чудеса.

Но Линду так просто остановить было невозможно:

– Приходил врач. Он сказал, что нет никаких гарантий, что ее лицо восстановится.

– По-моему, он сказал, что будет минимальное количество шрамов, – попробовала возразить я.

– Знаешь что? – спросил папа, прекрасно оценив обстановку. – Я думаю, что нашей девочке требуется немного отдохнуть.

Он прожил с мамой тридцать лет. И знал, как минимизировать нанесенный урон.

– А как же кофе? – возразила она.

– Мы выпьем его в машине.

Он подошел ко мне, посмотрел на мое обожженное лицо и улыбнулся, пожимая мне руку.

– Отдохни немного, милая.

– Пап? – спросила я.

– Да?

– Где все-таки Чип?

Но папа лишь добродушно хмыкнул:

– Я уверен, что он просто отсыпается. И тебе следует сделать то же самое. Это будет твоя первая спокойная ночь за все это время, – потом, увидев, как я нахмурилась, он похлопал меня по руке. Он знал, о чем я спрашиваю. – Иногда, когда тебе больше всего нужно, чтобы мужчина был сильным и мужественным – как раз тогда мы раскисаем.

– Я ни разу не видела, чтобы ты раскисал, – сказала я ему.

Он уголком глаза взглянул на маму:

– Я берегу это на потом.

О'кей, подумала я, когда они ушли. О'кей. Первая спокойная ночь. Я могу себе это позволить. По крайней мере, мне было к чему стремиться, хотя бы только к этому – к отдыху. К спокойному сну в тихой темной комнате.

Легче мечтать, чем сделать это. Медсестры все равно постоянно заглядывали в палату, проверяя мониторы, опустошая пакеты, прикрепленные к катетерам, переворачивая меня. На меня не надевали бандаж – по настоянию хирурга, – поэтому меня было особенно трудно переворачивать. И не успела я заснуть, как появился сам хирург, чтобы проверить мое состояние. А когда я снова начала засыпать, пришел социальный работник и разбудил меня, чтобы узнать, как я себя чувствую.

– Хорошо, – сказала я.

– У вас нет депрессии?

– Депрессии? – Я еще не окончательно проснулась.

– Депрессия часто случается в подобных ситуациях. Этого не стоит бояться. И если потребуется, от этого есть лекарства.

– О нет.

– Мысли о самоубийстве?

– М-мм, – сказала я, словно задумавшись. – Пока нет.

Но я продолжала думать о том, куда подевался Чип.

По правде говоря, я пока вообще ничего не чувствовала. По крайней мере, тогда, когда рядом не было мамы. Словно мои эмоции отключились. Словно я не совсем отдавала себе отчет, где я. Что-то происходило со мной и вокруг меня, и я как бы со стороны наблюдала боль, дискомфорт и усталость, но на самом деле не чувствовала их. Будто я стояла в дальнем углу комнаты и наблюдала, как течет чья-то жизнь, но даже не очень интересовалась этим. Даже если бы я постаралась, подозреваю, я не смогла бы понять, что именно происходит. У меня не складывалась картинка. Я воспринимала каждое мгновение как отдельную единицу времени, и эти мгновения были отделены друг от друга, так что я не понимала, что они означают и к чему ведут меня.

Возможно, это был своего рода эмоциональный шок. Я уверена, что это было неким способом самозащиты – мозг отказывался осознавать то, с чем он не смог бы справиться. Но когда ситуация, в которой я оказалась, стала для меня более-менее ясной, я посмотрела на нее с отстраненным интересом. Как бы говоря: «А-аа? Мое лицо покрыто ожогами? Да уж». Или: «Мои ноги ничего не чувствуют? О'кей». Или: «Мама собирается руководить действиями врачей? Очень мило с ее стороны».

И я совершенно не осознавала, что жизнь больше никогда не будет прежней.

Пока я не заснула.

Когда вы засыпаете после того, как произошло что-то страшное, самое ужасное состоит в том, что во сне вы об этом забываете. Что вообще-то хорошо, пока вы не проснулись. В эту ночь я видела свой первый кошмарный сон об авиакатастрофе. Я была пилотом. Я была одета в свадебное платье и фату, и я направляла самолет на большой скорости прямо к земле, что, несомненно, должно было убить нас обоих. Чип кричал: «Поднимись вверх! Поднимись вверх!» Но штурвал не слушался. Я проснулась как раз в тот момент, когда мы должны были рухнуть на землю. По моему лицу текли слезы, и в голове крутилась лишь одна мысль: «Слава богу! Слава богу! Мы не разбились!»

Но на самом деле мы разбились.

Я стала приходить в себя и осознала, что лежу одна в темной комнате. Это была реальная жизнь, и все было намного хуже, чем во сне. Сердце выпрыгивало из груди от охватившей меня паники, мои глаза были широко раскрыты. Я уставилась в потолок и попыталась дышать ровно и глубоко. Но это меня не успокоило. «Я не умерла», – твердила я себе.

Но вдруг все, что случилось со мной, было еще хуже?

Я попыталась сложить все кусочки мозаики, но мне это не удавалось. Жизнь, которую я знала, была окончена. И этого было более чем достаточно, чтобы я не смогла уснуть всю ночь. Я не знала, чего ожидать или на что надеяться. Долгие часы я лежала в темноте, глубоко дыша. В какой-то момент я подумала, не вызвать ли медсестру, но чем она могла помочь? Мне нужно было поговорить с кем-нибудь, но с кем? Я мучительно старалась подумать о чем-нибудь хорошем, о чем-нибудь обнадеживающем, но напрасно. И несколько бесконечных часов я боролась с отчаянием по мере того, как до меня доходил ужас моего положения.

Глава 5

В шесть утра я все еще не спала, когда пришли Нина и санитар, чтобы перевернуть меня.

Я в это время еще была настолько неспособна двигаться самостоятельно, что по-прежнему существовал риск возникновения пролежней. Они включили все лампы и стали говорить со мной о дорожных пробках и о погоде, словно ничего в мире не изменилось. Они дали мне болеутоляющее и сменили повязку на груди. Потом с помощью шпателя смазали ожоги. Они были почти чрезмерно жизнерадостными и шутили друг с другом и со мной. Нине нравилось называть меня «леди».

– Эй, леди, как вам спалось?

Я даже не знала, что ответить.

– Сегодня вам предстоит позаниматься, – продолжала Нина. – В реабилитационном центре. – Она заглянула в мою карту на компьютере.

– М-мм, – промычала я.

– Ой, – неожиданно сказала она.

– Что? – спросила я.

– Здесь ошибка.

– Что за ошибка?

– Здесь вам неправильно указали нагрузку. Я поговорю с ними.

Я собиралась было спросить: «Какую нагрузку?» – но прежде чем я успела открыть рот, дверь распахнулась и в палату ввалился Чип.

Мы все уставились на него. Его светлые волосы выглядели грязными. Лицо заросло щетиной. На его сорочке было огромное коричневое пятно. *Соевый соус? Вустерский соус? Кровь?* А его брюки были разорваны. И на одном ботинке был развязан шнурок.

Он направился прямо ко мне и поцеловал. От него пахло пивом. Он был грязным и, по всей видимости, недосыпал.

Я задержала дыхание, внезапно осознав, каким важным был этот момент. Я ждала ответа на простой, ясный вопрос, который постоянно задавала. *Где был Чип?*

В баре.

Я оттолкнула его.

– Ты что, пьян?

Чип несколько раз моргнул.

– Думаю, что да. Наверное.

– Еще только шесть утра.

Но он принялся изучать мое лицо:

– Ты была такой красавицей – а теперь ты похожа на пиццу.

Он рассмеялся, и мы с Ниной уставились на него. Он сложился почти пополам, и его плечи тряслись от смеха. Потом он выпрямился.

– Но я все равно поцеловал тебя! Потому что ты... – он сделал жест рукой, словно поднимая бокал за здоровье, – ты любовь всей моей жизни!

Я посмотрела на Нину. Она подняла брови, словно спрашивая, остаться ли ей или уйти.

Я махнула рукой, словно говоря, что все это ерунда. Что бы он ни собирался сказать, я, безусловно, не хотела, чтобы она слышала это. Я даже не хотела слышать это сама.

Нина подвинула кнопку оповещения сестры поближе к моей руке перед тем, как уйти.

– Вызовите меня, если я понадобится.

Я снова повернулась к Чипу:

– Где ты был? Я ждала тебя.

Мне самой было неприятно услышать нотку отчаяния в своем голосе. На собственном опыте я давно уяснила, что отчаяние никак не поможет в таких делах. Нельзя просить кого-либо любить тебя или находиться рядом с тобой – и, безусловно, нельзя давить при этом на чувство вины. Человек либо будет рядом, либо нет. Я могла бы поклясться, что Чип был из тех мужчин, которые не оставят тебя в беде. Во всяком случае, я так думала до катастрофы.

И внезапно я усомнилась в этом.

– Ты знаешь, что я не получил ни царапины? – спросил Чип. – Самолет разбился вдребезги. И ты, – он издал горький смешок, – и ты разбилась вдребезги. А я? Ничего. На мне нет даже ни кусочка лейкопластыря.

– Чип, что ты делаешь?

При этом вопросе он рухнул около кровати – буквально плюхнулся на колени на больничный пол, и его руки сжались в кулаки. А потом он разразился рыданиями.

Это было шокирующим зрелищем. Я никогда не видела, чтобы он так плакал. Или какой-нибудь другой мужчина. Мой отец никогда не плакал. Иногда на похоронах у него на глаза наворачивались слезы, но всегда он держался стоически. А Чип рыдал по-настоящему. Его плечи тряслись, все его тело содрогалось. Я потянула руку и погладила его по волосам.

– Эй, – сказала я, когда он начал затихать. – Может быть, тебе лучше пойти домой и поспать?

– Я не могу спать, – сказал он. – Я больше не сплю.

Я сказала нежно:

– Уверена, что ты сможешь заснуть, если попытаешься.

Но Чип отшатнулся от меня, вскочил на ноги и отошел к дальней стене.

– Не будь такой доброй ко мне.

– Ты переволновался. Тебе нужен отдых.

Он взвился:

– Не говори мне, что мне нужно!

– Чип, – сказала я. – Это был несчастный случай.

Но мои слова только еще больше взбесили его. Он уставился на мое лицо:

– Я сломал твою жизнь.

– Нет. Во всем виновата погода. Это просто был сильный ветер.

– Ты *винишь* во всем ветер?

А что еще мне оставалось делать?

– Ты склонна к самообману даже больше, чем я предполагал. Ты себя видела? Ты видела *свое лицо*?

На самом деле, я еще не видела. Мама завесила зеркало в ванной наволочкой. Хотя я в любом случае не смогла бы встать на ноги и посмотреться в него.

– Ты похожа на чудовище из фильма ужасов! Из-за меня! Я это сделал с тобой.

М-да. О'кей.

– Врач сказал, что останется очень мало шрамов.

– Но не на твоей шее. Там были ожоги *третьей степени*. Они никогда не заживут. Они будут выглядеть как шпаклевка, до самой твоей смерти. И тебе нужно благодарить за это меня – меня, и мое эго, и мою неуверенность в себе.

Он прошелся пятерней по своим волосам. Его лицо позеленело, словно алкоголь давал о себе знать.

– Это был несчастный случай, – настаивала я.

Но он посмотрел мне в глаза:

– Я сломал твой позвоночник. Это ты понимаешь? Они сказали тебе об этом? Ты не хотела лететь на том самолете. Меньше всего на свете ты хотела этого, а я заставил тебя. И ты доверилась мне. А теперь – из-за меня – ты *никогда, никогда...*

Может быть, впервые в жизни я не смогла предугадать его следующие слова.

– *...не сможешь ходить.*

На секунду мне показалось, что я ослышалась.

И потом до меня дошло, что это правда.

Мне показалось, что в комнате не осталось кислорода. Мои легкие сплющились. Я пыталась сделать глубокий вдох, но мне это не удавалось. Я могла лишь потихоньку хватать воздух ртом.

Чип разрыдался, глядя на мое лицо.

– Они все еще не сказали тебе об этом?

У меня кружилась голова, и я все еще не могла вздохнуть. А потом я почувствовала соленый привкус во рту, который всегда появляется перед рвотой.

Чип отступил на шаг:

– Бог мой! Они не сказали тебе, что ты парализована!

Слова «парализована» я тоже не могла предугадать.

А что потом? Меня вырвало. На пол, на кровать, на мой больничный халат. Хотя стеганое одеяло, которое мама принесла из дома, каким-то чудом осталось незадетым.

И тут, словно по сигналу, дверь палаты открылась, и вошел мой папа, держа над головой коробку французских пирожных, как официант держит поднос. Он объявил:

– У нас здесь... – но, увидев нас, он остановился и тихо закончил: – круассаны.

Чип повернулся к нему:

– Ей ничего не сказали?

Но папа быстро оценил ситуацию. Он выглянул в коридор и крикнул:

– Может нам кто-нибудь здесь помочь?

Потом поставил коробку на стул и наклонился ко мне. Я все еще продолжала оставаться в полусогнутом состоянии на случай, если меня снова вырвет. Но теперь я боялась пошевелиться. То, что я согнулась, могло повредить моей спине? Не ухудшила ли я свое положение? Не могла ли я случайно сделать себя еще *более* парализованной?

Папа схватил полотенце и нагнулся, чтобы вытереть мое лицо.

А Чип, похоже, даже не подумал о том, чтобы помочь мне. Он остался стоять у дальней стены, на безопасном расстоянии.

– Она *парализована* – и никто не сказал ей об этом? – требовательно спросил Чип моего отца слегка заплетающимся языком.

– Похоже, ты только что сделал это, – сказал папа, заправляя мне за ухо прядь волос.

– Она имеет право знать, не так ли?

– Конечно, – сказал папа, начиная сердиться, и повернулся к нему: – Но не так. Мы ждали подходящего момента.

– Какого? – спросил Чип агрессивно. – В День благодарения, поедая индейку? Или рождественским утром?

– Ты самодовольный маленький клоун!

Папа был крупным мужчиной, похожим на медведя. Бывший моряк. А Чип был скорее жилистым. Все знали, что отец может согнуть Чипа в бараний рог, если захочет. И внезапно я поняла, что, возможно, именно этого и хочет Чип.

– Папа! – крикнула я. – Он пьян. Он пил всю ночь. Просто отвези его домой.

– Я не могу оставить тебя.

– Я в порядке.

– Мне так не кажется, солнышко.

– Просто выведи его отсюда, папуля. – Я уже много лет так не называла его. – Пожалуйста.

Папа глубоко вздохнул, и в этот момент в палату поспешно вошла Нина с чистым халатом и новыми простынями. За ней шел санитар со шваброй и с жидкостью для мытья пола.

Я не мешала Нине хлопотать вокруг меня, переодевать меня и заново укладывать в постель. Я в это время следила за тем, как санитар мыл пол, размышляя о том, заметит ли он брызги в дальнем углу. Мне казалось, что комната окутана туманом, вызывавшим онемение.

Словно мой мозг не мог смириться с реальностью происходящего и собирался попросту игнорировать его. Я слышала разные звуки и отрывки разговора, я слышала, как отец и Чип что-то бормочут и шипят друг на друга, потом открылась и закрылась дверь, потом снова открылась и снова закрылась. Но этот момент, казалось, разбился на кусочки, словно детали головоломки, рассыпанные на столе.

После того как Нина закончила свою работу, я очень долго лежала неподвижно, боясь пошевелиться и ухудшить свое состояние. Когда я, наконец, приподняла голову, чтобы посмотреть вокруг, единственным человеком, оставшимся в комнате, была я сама.

Туман, окутавший меня, не рассеивался очень долго.

Никогда больше не ходить. Что это вообще означало? Откуда они могли это знать? Как они могли быть в этом уверены? Кто они были такие, чтобы предсказывать всю мою будущую жизнь? Разве человеческое тело не было полно загадок и чудес? Разве могли они просто заявить такое обо мне, а потом оставить меня жить с этим?

Конечно, они могли. Очевидно, я сломала позвоночник. Вот что случается с людьми, сломавшими позвоночник. Они проводят всю оставшуюся жизнь в инвалидных креслах. В прошлом году я видела документальный фильм об этом. О команде непобедимых подростков, которые попали в автокатастрофу или нырнули на мелководье, после чего были приговорены провести остаток жизни в инвалидном кресле. Но они собрали баскетбольную команду из таких же инвалидов. Что могло бы быть вдохновляющим примером для меня, только я никогда не любила баскетбол.

Парализована. Пытаться осознать это было все равно что пробовать всосать шар для боулинга через соломинку для коктейлей.

Невозможно.

Не возможно.

И тем не менее Чип смирился с этим. И папа даже не спорил с ним. Очевидно, это был установленный факт, который знали все, кроме меня. Подсознательно я даже не была удивлена. Я боролась со своими неподвижными, мертвыми ногами уже две недели. Но все залечивается. Все *всегда* залечивается. У меня было предостаточно повреждений, которые со временем залечивались. *Парализована.* Я не могла осознать это. Как я буду водить машину? Как я буду готовить

обед? Принимать душ? Покупать продукты? Ходить с друзьями в ресторан? Работать? Руководить тем, чем я предполагала руководить? В моем мозгу произошло короткое замыкание. Я чувствовала, как он искрится и дымит.

Я попыталась глубоко дышать, чтобы успокоиться, но в результате случайно перенасытила легкие кислородом.

И в этот момент появился мой реабилитолог. Как раз тогда, когда я почти отключилась.

На нем была светло-голубая пижама и кроссовки, и он был коротко пострижен, так что его волосы торчали на макушке «ежиком». Он вошел и сказал:

– Меня зовут Ян Моффит. Я ваш тренер.

Но это показалось мне просто набором звуков, которые не увязывались в слова.

Он приложил свой бейдж к компьютеру и секунду смотрел в мою медицинскую карту, прежде чем сказать:

– Итак, вы Маргарет.

Но снова это было лишь набором звуков.

Когда я не ответила, он помахал рукой у меня перед глазами и сказал:

– Привет?

Это я поняла.

– Пора заняться физическими упражнениями, – сказал он.

– Что? – спросила я.

– Что «что»?

– Я вас не понимаю, – пробормотала я, слегка потряхивая головой, словно пытаюсь избавиться от воды, залившей в ухо.

– Никто меня не понимает. Я шотландец.

Вау! Это все объясняло. Конечно, он шотландец. Я думала, что мой мозг отказывается работать, но дело было не во мне, а в нем. Он был супершотландец. Настолько шотландец, что разговаривал так, будто рот у него был набит печеньем.

– Вы к этому привыкнете, – сказал он. – Вы готовы идти?

Нет. Я не готова была идти. Я покачала головой.

– Не готовы идти?

Он протяжно произнес это, делая особое ударение на последней гласной, и я заметила, что его нижние зубы были немножко кривоваты,

но это смотрелось даже симпатично.

Я снова покачала головой.

– Почему нет? – спросил он, проглатывая «т» в конце слова.

Мой пьяный жених только что сообщил мне, что я никогда не смогу ходить.

– У меня выдалось тяжелое утро.

– Это случается часто. Но мы все равно должны сделать это.

– Нет.

– Что «нет»?

Позже я решила, что дело было не только в согласных буквах – он и гласные тоже часто проглатывал.

– Нет, – пояснила я, – я не могу сейчас сделать это.

– Послушайте, – сказал он, положив руки на бедра и слегка прищурившись. – Каждый день, каждый час, которые вы проводите в постели, ваши мускулы атрофируются. Неподвижно лежа в постели, вы ухудшаете свое состояние. Вам необходима нагрузка. Хотите вы этого, или нет. Вам придется ходить со мной в физкультурный зал каждый день, всегда. Не потому, что вам этого хочется или у вас хорошее настроение, а потому, что, если вы *не будете ходить* со мной, ваше здоровье окажется в большой опасности.

Мне было нелегко сложить все звуки, которые он произносил, в слова. Казалось, что они наезжают друг на друга. Они будто были организованы в колонки, а не в строчки, как положено. А словно для лучшего эффекта он програссировал букву «р» в слове «здоровье». Я подумала в тот момент, что вряд ли обычному американцу удалось бы это. Но смысл его слов до меня дошел.

– Спасибо за такую вдохновенную речь, – сказала я. Потом добавила: – Нет.

– Вы пойдете.

– Нет.

– Да.

– Не пойду.

Я не знаю, что бы мы стали делать дальше. Он не был похож на человека, который легко сдается. А я неожиданно почувствовала, что мне хочется ввязаться в драку.

Но именно в этот момент в палату вошла Нина, чтобы в последний раз, перед тем как закончить свое дежурство, проверить,

как у меня обстоят дела. Я не знаю, подслушивала ли она у двери, или это просто было совпадением, но она сразу же объявила:

– Эта пациентка должна начать заниматься с вами только с завтрашнего дня. В ее карте была ошибка.

Ян перевел взгляд с меня на нее.

– Спросите Майлза, если хотите. Она должна оставаться в постели еще день.

Он окинул нас обеих подозрительным взглядом, словно мы с ней сговорились. Но, в конце концов, сказал:

– Хорошо, значит, завтра.

И вышел из палаты.

– Нет, нет, нет, нет, нет, – сказала Нина, в то же время что-то печатая на компьютере. – Они не могут заставить вас заниматься с этим типом. Я уже сказала им, чтобы они дали вам кого-нибудь другого.

– Что? – спросила я. – Он настолько плох?

– Он не плох, – ответила она, – но он не для вас.

– Не для меня?

Она не отрывала взгляда от экрана компьютера.

– Просто он не добрый. Он жесткий. Безжалостный. Непреклонный. Некоторым именно такой и нужен. Но не вам. Мы подберем вам кого-нибудь другого. Вам и без того досталось.

В другой день я, возможно, могла бы начать расспрашивать о нем. Но кому есть дело до бессердечного типа? Кому вообще есть какое-либо дело до чего-нибудь?

– Нина? – спросила я ее.

Она продолжала что-то печатать.

– Что, солнышко?

– Мой пьяный жених пришел сюда сегодня утром и сказал мне, что я больше никогда не смогу ходить.

Нина подняла голову.

– Это правда? – спросила я.

По ее лицу я поняла, что да.

Но я все равно ждала чего-то еще. Чтобы она подбодрила меня или дала хоть малейшую надежду. Но она лишь глубоко вздохнула и молчала настолько долго, что это было плохим знаком.

– На это вам... – я сразу же поняла, что она скажет дальше, и вместе с ней дуэтом закончила фразу: —...может ответить только ваш доктор.

Глава 6

Так начался самый странный день в моей жизни. Ну, по крайней мере, один из самых странных.

Я хотела больше всего именно того, чего я больше всего не хотела.

Мне отчаянно хотелось остаться одной, чтобы переварить то, что сказал мне Чип. И в то же время мне так же отчаянно не хотелось что-либо переваривать или снова оставаться одной. Мне нужна была передышка, но и ее я боялась. Так что я провела день, пытаюсь отключить мозг и остаться с пустой головой. Душа требовала свежего воздуха, но мозг отказывался слушать ее. И я страшно боялась ночи, когда меня ничто не сможет отвлечь от любых страшных мыслей, которые без моего разрешения будут приходить мне в голову.

Родители удивили меня, появившись к обеду с мексиканской едой из моего любимого ресторана. Я даже не осознавала, что уже настало время обеда. Они улыбались с предвкушением, словно порция фахита^[3] сразу же все исправит. Но я не прикоснулась к еде. Меня тошнило от лекарств, но я все равно поблагодарила их. Даже еда не приносила мне радости. Папа доложил мне, что отвез Чипа домой. По дороге того два раза вырвало – в первый раз в окно, а во второй раз прямо на приборную панель. Его родители ждали у входа и сразу же повели в его комнату, чтобы он проспался.

– Бедный Чип, – сказала мама. – Я надеюсь, что они предложили ему оплатить ремонт самолета.

Бедный Чип? Это его следовало жалеть?

– Он не слишком хорошо справляется с ситуацией, – сказал папа.

– Иногда мне кажется, что окружающие больше беспокоятся о нем, чем о тебе, – заметила мама, словно мы вели пустой светский разговор.

– Мне не нужно, чтобы они беспокоились обо мне, – ответила я.

Я сама беспокоилась о себе. И этого было достаточно.

– Он не должен был говорить тебе то, что он сегодня сказал, – продолжал мой папа.

– Он сообщил мне, что я похожа на пиццу. Это правда?

– Нет, малышка, – ответил папа, но мама отвела глаза в сторону.

– Я хочу посмотреть на себя, – сказала я. Поймав мамин взгляд, я попросила: – Можно одолжить у тебя складное зеркало?

Но она покачала головой, и я по опыту знала, что это означало *ни за что*.

– Ты еще к этому не готова.

О'кей. Может быть, она была права. Может быть, на сегодня я узнала достаточно. Перейдем к следующему вопросу. К тому, который мне не хотелось задавать. Я сделала долгую паузу. Сделала глубокий вдох. И, наконец, сказала:

– Он также сообщил мне, что я парализована.

Моя мама слегка выпрямилась.

– Это правда?

Папа с грустным видом пожал плечами.

– Скажем так, очень хорошо, что наша страховка все еще распространяется на тебя.

Мама настаивала, чтобы я была застрахована вместе с их сотрудниками до тех пор, пока не устроюсь на работу, хотя страховые взносы у них были довольно большими. Мы спорили с ней по этому поводу не один раз.

Меня бесило, когда она оказывалась права.

– Что это означает? – спросила я, повернувшись к маме, которая была смелее папы.

Она глубоко вздохнула:

– По словам доктора, только время покажет. Понадобится шесть недель, чтобы кость срослась и спал отек в позвоночнике. Тогда можно будет оценить нанесенный ущерб. А сейчас именно отек может блокировать нервные окончания. Возможно, когда отек спадет, нормальные функции позвоночника восстановятся.

Я внимательно посмотрела на стоическое выражение их лиц.

– Возможно, – сказала я, – но маловероятно.

– Да, маловероятно, – ответила мама. – Доктора радует, что в некоторых участках позвоночника сохранилась чувствительность. Но в некоторых нет. Но он также сказал, что в таких случаях случаются всякие чудеса. Он говорит, что иногда люди, которые, по мнению врачей, больше никогда не сделают ни шага, заканчивают тем, что участвуют в марафонах.

– Или демонстрируют нижнее белье, – проронила я механически.

– Именно, – кивнула мама, словно это было бы замечательным занятием для меня.

– Так что мы просто ждем, – пояснил папа. – Выполняем все указания врачей и ждем.

Мама все еще не могла посмотреть мне прямо в глаза.

– Но главное, – сказала она, не отрывая взгляда от своего салата, – это настрой.

Я поморщилась, словно говоря: «Неужели?»

– А мне показалось, что все дело в отеке и повреждении нервных окончаний.

Но мама не отступала:

– Ты должна верить в то, что поправишься. Ты должна приложить все усилия и не сдаваться. Сегодня утром я видела во дворе мать Чипа и сказала ей, что к лету ты будешь как новенькая.

Мы с папой уставились на нее.

– Ты не могла это сказать, – пробормотал папа.

Мама выпрямилась на стуле.

– Как раз сегодня утром я видела документальный фильм про мотокросс. Один из велосипедистов просто не мог допустить, чтобы повреждение позвоночника помешало ему заниматься любимым спортом. Он сломал шею, Маргарет! – Она подняла руку и указала на точку на своей шее, все еще избегая смотреть мне в глаза. – Врачи сказали, что он не сможет даже есть самостоятельно! А сейчас он разъезжает на велосипеде от одного побережья до другого, собирая деньги на благотворительность. И планирует записать альбом песен в стиле «кантри».

– Это очень вдохновляет, – сказал папа, – но еще ни о чем не говорит, Линда. Если ты ломаешь ногу, ты не можешь заставить себя поверить, что она не сломана.

– Но человеческое тело *может* восстанавливаться, – объявила мама, словно выигрывая спор.

– Да, но позвоночник – это совсем другое дело, – терпеливо сказал папа. – Помнишь, что сказал доктор? Когда нервные окончания повреждены, они не восстанавливаются.

– Не понимаю, почему бы и нет.

Папа посмотрел на меня. Мы оба едва заметно покачали головами.

– Но они могут быть и не повреждены, – уверял он меня. – Они могут быть просто зажаты. Твоя задача состоит в том, чтобы отдыхать, принимать назначенные лекарства и делать все, что тебе здесь говорят. Нам остается лишь ждать, что будет дальше.

– И верить, что ты на двести процентов выкарабкаешься, – добавила мама.

Она заезжала в мой дом и привезла мне мой лэптоп, книгу, которую я читала, несколько пар ворсистых носков, мою светло-голубую вышитую наволочку и нелепые сандалии на высоком каблуке, которые, по ее мнению, могут подбодрить меня. Но, разумеется, они возымели обратное действие.

Но я не хотела включать ноутбук, или читать книгу, или даже смотреть на сандалии. Я не хотела видеть ничего из своей прошлой жизни.

– Твой мобильный разбился во время катастрофы, – сказала мама, – и сгорел вместе со всем остальным. Так что я остановилась около магазина и купила тебе другой.

Она вручила мне телефон и протянула папе провод для зарядки, чтобы он воткнул его в розетку. И мы стали наблюдать, как он ищет розетку.

– И твое кольцо тоже не смогли найти, – спустя некоторое время добавила мама.

– Какое кольцо?

При этих словах мама внимательно посмотрела на меня впервые за весь день.

– Твое обручальное кольцо! – сказала она, словно желая добавить «бестолочь».

Потом продолжила:

– Чип сообщил нам приятную новость, пока ты была в операционной.

Приятная новость! Я посмотрела на свою руку. Я уже забыла, что на ней когда-то было кольцо.

– Наверное, оно свалилось с руки во время крушения.

Я кивнула:

– Оно было очень велико мне.

– Очень жаль, – сказала мама, наклоняясь над своей сумкой, чтобы достать из нее еще кое-какие вещи. – Это было кольцо его

бабушки. Незаменяемая потеря.

Она вытащила из сумки фотографии в рамках. Она привезла мне две из трех, которые стояли на моем туалетном столике. На одной из них были запечатлены мы с Чипом, когда ездили автостопом в Скалистые горы. На другой я была заснята с родителями, когда мы спускались по канатной дороге. На третьей фотографии были мы с Китти. Мы были еще маленькими, одетыми, как ковбои, в шляпах и банданах. Эта фотография была сделана еще в те годы, когда я обожала сестру. То фото мама не привезла.

Мама и моя сестра не ладили между собой.

Я хочу сказать, по-настоящему не ладили.

На самом деле, я подозреваю, что именно мама являлась причиной того, что Китти игнорировала нас все эти три года.

Мама была последней, кто видел Китти перед тем, как она уехала и не вернулась. Три года назад родители устраивали вечеринку на Четвертое июля. Китти пила весь вечер, как она часто делала, и шумела, бузила и нарывалась на неприятности. А потом словно «случайно» столкнула маму в бассейн. При этом она так хохотала, что упала в одно из плетеных кресел и оставалась там до тех пор, пока мама не вылезла из бассейна, насквозь промокшая, со стекающими с нее струями воды. Мама потащила Китти в дом, на второй этаж, чтобы разобратся с ней.

Пока их не было, я взяла на себя роль хозяйки, все время при этом поглядывая на дверь дома. Но когда спустя долгое время мама снова появилась, она была сухой, одетой в другую одежду, но Китти рядом с ней не было.

– Где Кит? – спросила я, но она не ответила.

На самом деле она так и не рассказала мне ничего. И до сих пор я не знаю, что произошло между ними тем вечером. Мне известно лишь, что скандал был грандиозным. На следующий день Китти прислала мне электронное письмо, в котором говорилось, что она переезжает в Нью-Йорк и хочет *отдохнуть* от семьи. Я пыталась выяснить, где она, но она мне так и не сказала. Я не верила, что она на самом деле не вернется. Но она так и не вернулась.

И я не верила, что это продлится долго, но я ошиблась.

Она уехала и отряхнула прах со своих ног. Она порвала со всеми нами. Мама никогда не пробовала связаться с ней, но я пыталась. И

папа тоже. Но наши электронные письма, сообщения и звонки оставались без ответа.

Вся эта ситуация поначалу ошарашила меня. Мама и Кит никогда особо не ладили, и я это знала. Мне было также известно, что мама всегда была с Кит строже, чем со мной. Но вот так просто исчезнуть? Игнорировать нас всех? Не появляться ни на День благодарения, ни на Рождество? Ни на дни рождения? Это было уже слишком.

Года полтора я снова и снова пыталась связаться с ней, но безуспешно. А потом мне это надоело. Я перестала думать о том, что же такое мы сделали, чтобы она бросила нас. И меня просто стал злить сам факт ее исчезновения. В какой-то момент ты перестаешь пытаться исправить ситуацию. Через какое-то время одно только то, что кто-то злится на тебя, вызывает ответную злость. Чем больше времени проходило, тем сильнее я злилась на нее, и, сама не замечая как, я вступила в союз с мамой. Я просто обиделась на сестру, но никогда не говорила, за что.

Мой добрый папа был единственным из нас, кто все еще надеялся, что она решит связаться с нами.

– А фотография с Китти? – спросила я не потому, что была удивлена, а для того, чтобы привлечь внимание к моему союзу с мамой в этом вопросе; это был способ воспользоваться случаем и подчеркнуть нашу близость.

Мама закатила глаза, тоже как бы демонстрируя наше с ней взаимопонимание.

– Ох, пожалуйста!

Но упоминание о Китти сразу же привело к следующему вопросу.

– Кто-нибудь сообщил ей о случившемся? – спросила я.

– Нет, – сказала мама, и в то же время отец сказал:

– Да.

Мы с мамой уставились на него.

Папа кивнул.

– Я послал электронное письмо с пометкой «ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА В СЕМЬЕ».

Мама посмотрела в сторону:

– Я удивлюсь, если она ответит.

– Китти ответила, – сказал папа, – а потом села в самолет и прилетела домой.

– Она *здесь*? – спросила мама.

Папа кивнул:

– Она несколько раз заходила в отделение интенсивной терапии. –
Потом он посмотрел на маму. – Когда тебя здесь не было.

Я покачала головой:

– Я не помню, чтобы она была здесь.

– Тебя напичкали лекарствами.

Мама посмотрела на отца так, как всегда смотрела, когда он делал что-то плохое, по ее мнению:

– Ты не оплачивал ее авиабилет, не так ли?

Но папа проигнорировал ее.

– Сестра хочет навестить тебя, – сказал он мне. – Но она не хочет расстраивать тебя или создавать проблемы. Могу я передать ей, что она может прийти?

Судя по выражению его лица, он был абсолютно уверен, что я скажу «хорошо». Но я покачала головой. Я решила, что это мне не по силам. Снова встречаться с Китти после стольких лет конфронтации. Я была не в том состоянии. У меня и так было достаточно проблем. Одна только мысль о том, чтобы увидеться с сестрой, приводила меня в уныние.

– О'кей, – кивнул папа. – Я тебя понял. Скажу, что ты еще не готова к встрече с ней.

– Просто скажи ей, чтобы она возвращалась в Нью-Йорк, – сказала я. – Я долго еще буду не готова видеть ее.

У мамы на лице было такое выражение, которое появлялось всякий раз, когда ей хотелось накричать на отца, но она сдерживалась ради детей. Я не завидовала ему, представляя, что она выскажет ему по пути домой.

– Спасибо, что ты потратила столько времени, чтобы заехать ко мне и привезти мне все эти вещи, – сказала я, чтобы немного подбодрить ее.

– Не за что, – ответила она.

При этом мама пожала плечами, словно говоря: «Да, я потратила много времени, но я всегда готова на жертвы ради дочери». И она собиралась сделать еще одну поездку ко мне домой, чтобы привезти мне складные стулья, «чтобы всем, кто навещает тебя, было на чем сидеть».

– Меня никто не навещает. И я не хочу видеть никаких посетителей.

– Ну, хотя бы самых близких друзей? – спросил папа, как бы призывая меня быть благоразумной.

– Никаких друзей. Никого.

– Солнышко, – сказала мама, – у нас телефон раскалился от звонков. Столик в холле завален визитными карточками. Люди захотят увидеться с тобой.

Я должна была с благодарностью ответить, как это мило со стороны наших знакомых так беспокоиться обо мне. Но вместо этого заявила:

– Мне наплевать.

– Мы не можем поставить баррикаду при входе в больницу.

Но папа вмешался:

– Мы можем поговорить с медсестрами. Сказать, что она не готова принимать посетителей.

Мама нахмурилась:

– Но во всех книгах пишут, что нельзя позволять им изолироваться от общества.

О боже! Она читала «литературу». Дела обстояли хуже, чем я предполагала.

– Мне просто нужно некоторое время, – сказала я, пытаюсь привлечь ее на свою сторону.

И более правдивых слов никогда не произносилось. Если бы мне нужно было составить список того, чего я хотела в тот момент, то мои друзья, которые жалели бы меня, судили бы, сплетничали бы и делали бы разные прогнозы, оказались бы на последнем месте. Я не хотела, чтобы кто-нибудь еще думал о том, о чем думала я. Я не хотела, чтобы кто-то еще узнал обо всем ужасе моей ситуации. Я не хотела быть предметом телефонных разговоров или посиделок. Я находилась здесь не для того, чтобы дать пищу для обсуждений другим людям.

Я увижусь с ними – *возможно* – тогда, когда мне самой этого захочется, если это вообще произойдет.

Что оставило маме лишь одно занятие – декор палаты. После того как она, наконец, капитулировала перед моей установкой «Никаких посетителей», она заставила нас с папой обсуждать другую тему – позволит ли персонал больницы принести несколько торшеров. А

потом, как она сообщила, она заедет в хозяйственный магазин и купит палку для штор и, возможно, декоративные подушки для подоконника.

Так мама проявляла свою любовь – через интерьер. Она сердито смотрела на серо-сиреневые шторы, словно они по-настоящему могли навредить нам.

– Не кажется ли тебе, что, глядя на этот материал, хочется заплакать?

Я покосилась на шторы:

– Не уверена, что дело в материале.

– Этот материал, – продолжала мама, обвиняющим пальцем указывая на шторы, – просто преступление против человечества.

Мы с папой были не настолько глупы, чтобы спорить с ней. Если бы моя мама правила миром, все тюрьмы были бы заполнены только гражданами с плохим вкусом.

Вскоре родители ушли, прихватив принесенные утром погрузневшие круассаны, чтобы отдать их медсестрам после того, как я объявила, что никогда их не ем. А я решила всего на секундочку закрыть глаза и заснула мертвым сном. Никогда бы не подумала, что просто лежать в постели может быть таким утомительным занятием.

Я спала до тех пор, пока не пришла моя врач-реабилитолог, Прайя. Она хотела, чтобы я пошевелила пальцами ног. Она также захотела, чтобы я попробовала самостоятельно перебраться из кровати в кресло на колесиках. Она сказала, что чем скорее я научусь это делать, тем скорее смогу сама добираться до туалета, а чем скорее я буду добираться до туалета, тем быстрее они удалят катетер из мочевого пузыря, чтобы посмотреть, смогу ли я самостоятельно писать.

И она заставила меня перебираться из кровати в кресло и обратно дважды.

Я продолжала ждать появления Чипа. Весь день, когда открывалась дверь, я ожидала увидеть его – по меньшей мере, с цветами, рассыпающимся в извинениях и полным желанием подбодрить меня. Но он так и не пришел. Может быть, он все еще был у родителей и отсыпался. И ради него самого я надеялась на это.

На поверхности вся эта деловая активность в больнице казалась очень жизнерадостной. Все, с кем я сталкивалась, были

доброжелательными людьми, и они держались так, словно ничего необычного в мире не происходило. Но я сильно подозревала, что все это было лишь притворством. Я знаю точно, что я сама все время притворялась. Я держалась спокойно, была вежлива со всеми, безропотно принимала лекарства, но правда заключалась в том, что я проснулась в антиутопическом мире. Он был так отличен от привычного, что даже краски в нем казались выцветшими, словно на старой фотографии.

Так это выглядело, и так я себя чувствовала.

Я не могла представить, каким будет мое будущее, и я не могла – не хотела – даже думать о прошлом. А под «прошлым» я подразумевала то, что случилось десять дней назад. Остальное мое прошлое даже не поблекло – оно просто было отрезано. То, кем я была, что я делала, на что надеялась – это все исчезло.

А такие вещи очень отражаются на восприятии действительности.

К вечеру я настолько устала, что надеялась спокойно проспать всю ночь. Усталость – это друг печали. Я была в таком состоянии, когда дрема окутывает вас и погружает в сон, даже не оставляя вам выбора. И в тот момент, когда я сдалась и закрыла глаза, дверь снова открылась.

На пороге стояла моя сестра Китти. С чемоданом.

Глава 7

Китти замешкалась у двери.

– Я знаю, ты сказала, что не хочешь, чтобы я приходила, – пробормотала она, слегка помахав мне рукой в приветствии. – Но я все равно пришла. Как видишь.

Я просто тупо смотрела на нее.

Она все еще стояла на пороге. Ждала моего разрешения войти, которое я не была готова ей дать.

Три года. Три года, в течение которых она не отвечала ни на письма, ни на звонки. Три года пустоты, и вот теперь она появилась.

Она очень изменилась с тех пор, как я видела ее в последний раз. Теперь у нее были короткие волосы, торчавшие во все стороны, и они были выкрашены в яркий желтый цвет. Прежде она носила волосы до плеч, и они были темно-каштановыми. В ушах у нее были огромные кольца. На лице отсутствовал макияж, за исключением ярко-красной помады. А в носовую перегородку было вставлено кольцо, как у коровы.

Но, конечно же, я сразу ее узнала. Даже по прошествии стольких лет.

– Славное у тебя кольцо в носу, – сказала я.

– Так что, могу я войти? – спросила она.

– Не знаю, – ответила я.

Я не была уверена, что готова к этому.

– Всего лишь на минутку, – пообещала она.

– Я очень устала.

– Просто хотела сказать тебе «привет».

Она была напряжена, словно стояла на краю крыши высокого здания, а не на пороге моей палаты.

Я была так же напряжена. И одновременно удивлена, неуверена и раздражена. Она могла заранее *позвонить*, разве нет? По крайней мере, дать мне знать, что она собирается прийти. Разве было необходимо вот так, тайком проникать ко мне? У нее было три года, чтобы связаться со мной, и она ждала до тех пор, пока я буквально не могла уклониться от встречи с ней. Это было слишком. Внутренний голос советовал мне прогнать ее.

Но я не могла.

Часть меня хотела, чтобы Китти осталась. Гораздо большая часть, чем я ожидала.

– Хорошо, – вымолвила я, не спуская глаз с ее лица.

Она поставила на пол свой чемодан и подошла к моей кровати.

– Привет, – произнесла она.

– Папа сказал, что ты в городе.

Сестра кивнула.

– Ты с ним виделась?

Она снова кивнула.

– А маму видела?

Она покачала головой.

– А собираешься с ней увидеться? Прежде чем снова уедешь?

Китти криво улыбнулась.

– Я набираюсь храбрости.

Я не знала, что сказать. На самом деле я даже не знала, с чего начать. Видеть ее было одновременно и странно, и вовсе не странно. Конечно же, она должна была быть здесь. Она же была моей сестрой. Но все равно, это было то же, что видеть ожившую фотографию.

– Ты выглядишь лучше, – сказала она.

– Мама говорит совсем другое.

– Иногда она просто стерва.

Она не ошибалась.

– Это правда, – согласилась я.

– И лгунья, – добавила Китти.

Я нахмурилась:

– А вот в этом я не уверена.

Кит решила сменить тему:

– Как ты?

– Не уверена, что существуют слова, способные описать мое состояние.

Она пожала плечами, словно говоря: «Понятно». Потом сделала вторую попытку:

– Как ты себя чувствуешь?

– Физически? Или эмоционально?

– И то, и другое.

Но я не хотела делиться своими переживаниями. Говорить о таких вещах можно лишь с близким человеком, а она уже давно разрушила нашу близость.

– Почему ты с чемоданом? – спросила я.

– Я просто подумала, что могу приходить к тебе переночевать. Ну, понимаешь, когда здесь нет мамы.

Я посмотрела на складное кресло. Предположительно его можно было превратить в кровать, но я не представляла, как это делается.

Я покачала головой:

– Нет.

– Что «нет»?

– Нет, ты не должна оставаться здесь.

– Разве тебе не нужна компания?

– Только не твоя.

Она слегка нахмурилась:

– Ты злишься на меня?

Я посмотрела в сторону:

– Просто странно видеть тебя. Моя жизнь и без того сейчас достаточно странная.

– Я хочу помочь тебе.

– Понимаю, но ты не помогаешь. Ты только все ухудшаешь.

Она не ответила. Было очевидно, что такое ей в голову не приходило.

– Хочешь знать, у кого я остановилась? – спросила Китти через некоторое время с напускным оживлением. И прежде чем я сказала «нет», продолжила: – У Толстяка Бенджамена. С которым училась в старших классах. Ты помнишь его?

Это было ее классическим приемом: притворяться, что все прекрасно, пока окружающие не забудут, что это не так. И она пыталась применить этот прием ко мне.

Я не отвечала.

– Помнишь, как он подвозил меня домой на своем драндулете с выбитым задним стеклом, заклеенным пакетами для мусора?

– Разве ты не назвала его только что «Толстяком Бенджаменом»?

– Все его так называют.

– Мне это кажется обидным.

– Он не обижается. И он не такой уж толстый. Он в свое время был без ума от меня, но я никогда не обращала на него внимания, потому что он был одутловатым и носил странную прическу. Но теперь он уже не то чтобы толстый, а просто пухленький. И очень славный! Он стал намного симпатичнее! Или, может быть, я стала не так требовательна. В любом случае я сейчас живу у него, сплю на раскладушке, но я вижу, что по-прежнему нравлюсь ему. И я уверена, что очень скоро окажусь в его постели, если не уберусь оттуда.

Я избегала ее взгляда. Это что, было ее объяснением, почему она хочет ночевать у меня? Чтобы случайно не трахнуться с парнем, которого зовут Толстяком Бенджаменом?

Она пожала плечами:

– Поэтому вместо этого я хотела ночевать здесь.

– Больше не проси меня об этом.

– Я и не прошу! Я просто сказала, что *хотела*.

– Мы не всегда получаем то, чего хотим.

– Я просто подумала, что спать с ним будет плохой идеей.

– Тогда не спи.

Она пожала плечами:

– Я плохо умею говорить «нет».

Но я посмотрела ей прямо в глаза:

– Ну что ж, зато я умею хорошо это говорить.

Я не могла допустить, чтобы сестра вот так запросто снова вторглась в мою жизнь после всех этих лет и попыталась заставить меня обсуждать ее парней! Я не могла допустить, чтобы она вот так заявила ко мне, рассчитывая начать все с чистого листа.

– Извини, – сказала я, – но я очень устала, так что...

– Ничего, – ответила Кит, пропуская намек мимо ушей. – Я принесла с собой несколько журналов.

Я покачала головой:

– Тебе лучше уйти.

Она шагнула ближе ко мне:

– Я бы очень хотела остаться.

Но я только покачала головой. А потом отвернулась от нее. И, наконец, она сдалась и ушла.

Глава 8

На следующее утро я узнала кое-что новое о своей палате. Здесь была потрясающая акустика.

Это произошло после того, как закончился обыкновенный утренний ритуал: меня обтерли губкой, потом я почистила зубы, сплевывая в судно, затем приняла лекарства, мне поменяли катетер, далее последовал завтрак из овсяной каши и желе и занятия с Прайей. Она три раза заставила меня с невероятным трудом пересаживаться в кресло и обратно и дважды заставила попробовать пошевелить пальцами ног, что мне не удалось сделать.

Дверь палаты находилась рядом с сестринским постом. И в первый раз я обратила внимание на то, что слышу голоса сестер, обсуждающих лекарства и назначения врачей. Я даже могла слышать, как кто-то стучал по клавиатуре. И как кто-то сказал, что сбегает за кофе. Санитар попытался флиртовать с одной из медсестер, но она его быстро заткнула.

А потом я услышала голос Нины, который был немного громче, чем у остальных:

– Мне нужно поговорить с тобой об этом назначении.

Немного гнусавый мужской голос ответил:

– Хорошо, валяй.

– Ты назначил эту пациентку заниматься с Яном.

– Да.

– Я же писала в ее карте, что ей нужен кто-то другой.

– Я видел твои пометки.

– И просто проигнорировал их?

– Послушай, у Яна сейчас есть свободное время.

– Да. И на это есть свои причины.

– Ты хочешь сказать, что Ян недостаточно компетентен, чтобы работать с этой пациенткой?

– Я говорю, что он просто ей не подходит. И я уверена, что ты и сам это знаешь. Я не перестаю подозревать, что ты надеешься, что он наломает дров.

– Что ты имеешь в виду, Нина?

– Именно то, что говорю, Майлз.

Ух! Этот Майлз был просто козлом!

– Ты думаешь, что я хочу подставить Яна? Ты думаешь, что я принесу в жертву благополучие пациента, чтобы все увидели, как он сядет в калошу?

– Да.

– Знаешь, мне нет нужды этого делать. Этот парень – бомба с включенным часовым механизмом. Он и без моей помощи взорвется.

Но Нина стояла на своем:

– Только не с моей пациенткой. Она и так на грани срыва. Она только что *обручилась*. И все потеряла. Ей нужен кто-то добрый и понимающий. Эйприл или даже Роб.

– Я не собираюсь переделывать весь график из-за одной пациентки.

Нина повысила голос:

– Ей нужен кто-нибудь другой.

– Все другие уже заняты. А у него есть свободные окна.

– Значит, поменяй график.

Но Майлз, который, наверное, был в некотором роде ее боссом, явно не любил, когда ему перечили. Последовало молчание, и я буквально чувствовала, как он ощетинился:

– Это не твое дело, а мое. И если ты будешь доставлять мне неприятности, я буду доставлять неприятности тебе. График останется таким, как был.

Должно быть, после этих слов он ушел, потому что спустя несколько секунд сестры начали бурно обсуждать его. Я слышала слова «ревнует», «мания величия» и «маленький Наполеон». Меня это могло бы рассмешить, если б я была все еще способна смеяться. Если бы не было ясно, что пациентка, о которой она говорила – та, которая *потеряла все*, – была я.

И тут я услышала шотландский акцент:

– Я пытался поменять график, если тебя это утешит. Я говорил вчера с Майлзом.

– Ты плохо пытался.

– Он никогда не идет мне навстречу.

– Но ты прежде никогда ему не уступал.

– Но прежде он и не был боссом.

Нина сказала сдержанно:

– Тебе следует быть с ней помягче, Ян.

Ян так же сдержанно возразил:

– Мягкость не делает человека сильнее.

А спустя две секунды дверь моей палаты открылась.

– Пора начинать занятия, Мэгги Якобсен, – сказал Ян, избегая смотреть мне в глаза.

Он подкатил кресло к моей кровати.

– Я Маргарет, – сказала я. И когда он не ответил, повторила: – Меня зовут Маргарет.

– Вы не выглядите как Маргарет, – совершенно серьезно сказал он.

– Это не вам решать, не так ли?

– О'кей, Мэгги. Как скажете.

Он взял специальную доску, опустил мою кровать и ручку кресла, а потом положил доску между ними, как маленький мост.

Потом он повернулся и направился к двери.

Что? Куда он пошел? Он что, разозлился на меня из-за «Маргарет»? Он что, действительно был бомбой? Он что, собирался взорваться?

– Разве вы не поможете мне?

Он остановился, но не обернулся.

– Нет. Нажмите кнопку вызова сестры, когда будете готовы.

И я осталась одна. Только я, доска и кресло. Да, и еще трубка катетера, которая свисала сбоку и была прикреплена к бедру пластырем.

Если вы думаете, что передо мной стояла гигантская проблема, вы не ошиблись.

Я нащупала ручку, с помощью которой можно было менять положение моей кровати, и кое-как подняла спинку и села. Потом стала потихоньку перемещаться ближе к доске. Мои больничные трусы зацепились за перильца кровати, но я кое-как отцепила их. Замерев на краю кровати, собираясь переместиться на доску, туда, где подо мной не было ничего, кроме твердого больничного пола, я впервые после катастрофы испугалась. На самом деле, я вообще впервые что-то *почувствовала*. Я сидела, с трудом переводя дыхание и размышляя над тем, почему моим первым чувством не могла быть радость.

Я еще придвинулась к доске, опираясь на ладони. Мои мускулы атрофировались, это правда, но они все еще функционировали. Но тяжесть мертвых ног не давала сохранять равновесие. Я немного покачнулась и ухватилась за перильца. Кресло находилось на расстоянии примерно двенадцати дюймов, но для меня это было как сто метров. Я долго оценивала это расстояние, потом переместилась на дюйм, потеряла равновесие и наклонилась вперед. Потом сдвинулась еще немного. И еще. А потом заметила, что на одежде появились два мокрых пятнышка. И только в этот момент я осознала, что мне только казалось, что я стараюсь сконцентрироваться. На самом деле, я просто плакала. Возможно, уже давно.

Я решила сделать передышку, остановившись посреди доски.

И в этот момент в палату вошел Ян.

– Господи, вы все еще не закончили? Я успел выпить чашку кофе и прочитать газету!

Если бы это был кто-нибудь еще, все было бы по-другому. Если бы мы были друзьями, если бы он был на моей стороне, это можно было бы расценить как попытку добродушно поддразнить меня. Но на самом деле он был просто злобным незнакомцем.

Я подняла голову, и, когда он увидел мое лицо – без сомнения мокрое от слез, – я заметила, как на секунду его собственное лицо смягчилось, но потом снова стало суровым и непреклонным. Он положил руки мне на плечи.

– Я держу вас, – сказал он. – Продолжайте.

С помощью Яна дело пошло намного быстрее, и уже вскоре я катила за ним по коридору к физкультурному залу. Я попыталась вспомнить, случалось ли мне когда-нибудь прежде находиться в обществе человека, с которым я чувствовала бы себя такой одинокой. Он не разговаривал. Не смотрел на меня. Можно было подумать, что он просто отправился на прогулку сам по себе.

Он открыл дверь и остановился, чтобы пропустить меня вперед. Я подумала, что это очень мило с его стороны, пока он все не испортил.

– Нет, – сказал он, когда я проехала мимо него, – ваша техника никуда не годится.

Он казался раздраженным, словно мы уже тысячу раз обсуждали это.

– Я не знала, что существует специальная *техника*, – ответила я, – я вообще в первый раз делаю это, так что...

– Никто не показал вам, как пользоваться инвалидным креслом?

Я покачала головой.

– Боюсь, что я только начинающий инвалид, – слабо попыталась я пошутить.

Он не улыбнулся. Вместо этого он наклонился, посмотрел мне в глаза, а потом сжал руками мои бицепсы. Потом, с таким видом, будто сообщает мне жизненно важную и глубоко засекреченную информацию, сказал:

– Руки – это не то же самое, что ноги.

Я с деланным удивлением посмотрела на него, словно говоря: «Неужели?»

– Не может быть.

– Я имею в виду, – продолжал он с серьезным видом, – что они не могут выдерживать ту же нагрузку, что и ноги. Вам нужно быть осторожной, чтобы не перенапрячь их.

– Не похоже, что у меня есть выбор.

– В целом вы правы, – согласился он. – Но все дело в деталях. Поэтому и существует техника перемещения в коляске. – Он накрыл ладонью мою руку, и я заметила, что его рука была теплее, чем моя. Потом он положил мою руку на обод колеса. – Вместо того чтобы отталкиваться понемногу десять раз, – сказал он, – оттолкнитесь один раз, но сильно, а потом расслабьтесь.

Он отвел мою руку назад, и я крепко сжала обод колеса. Потом он с силой толкнул меня вперед, и я покатила по коридору с такой скоростью, что испугалась. От испуга я схватилась за колесо, чтобы остановиться, и немного содрала кожу на ладони.

Он посмотрел на мою руку и сказал:

– Вам понадобятся перчатки.

После этого он стал учить меня поворачиваться, вращаться на месте и приподнимать передние части колес.

– Разве поднимать колеса будет необходимо? – спросила я.

– Да, – сказал он, не объясняя зачем.

– Почему? – настаивала я.

– Потому что вы должны уметь управлять своими колесами.

– Зачем?

– Потому что вы должны уметь справляться с любыми препятствиями.

– Например, гонять по пересеченной местности?

Он внимательно посмотрел на меня:

– Скорее для того, чтобы преодолевать ступеньки. Или выбоины. Или бордюры. – Он отвернулся. – Если вы соберетесь куда-то отправиться, вам необходимо знать, как управлять своим креслом.

– Я не захочу никуда отправляться.

– Еще как захотите, – сказал он и пошел вперед по коридору – высокий, сильный, крепко сложенный. Он был в такой отличной форме, что в этом было даже что-то неприличное. Голубые брюки так облегали идеальный зад, что у любой женщины при виде него сердце забилось бы сильнее. Он был совершенным представителем человеческого рода. Я не то чтобы сравнивала себя с ним, но, просто находясь рядом с таким воплощением силы и здоровья, чувствовала себя еще более слабой и беспомощной. И я отвернулась.

Наши упражнения с креслом привели к тому, что в физкультурный зал мы попали на несколько минут позже назначенного времени. И это, похоже, вызвало у Яна раздражение.

– Ну вот, теперь мы опоздали, – сказал он, глядя на часы с таким видом, словно я была в этом виновата.

Словно это имело значение.

Я огляделась по сторонам, пока он собирал кое-какое оборудование. Если бы я была в состоянии восхищаться чем-либо, я пришла бы в восторг при виде этого физкультурного зала. Там были всевозможные тренажеры и игры. Баскетбольное кольцо, кольцеброс, игровые автоматы и разнообразные тяжести, как в тренажерном зале. Стены были зеркальными. Там был вертикализатор^[4] и страховочная привязь. И еще мини-батут, лежащие велосипеды и даже целый автомобиль, выкрашенный в ярко-голубой цвет и предназначенный, по-видимому, для того, чтобы учиться залезать в машину и вылезать из нее. И вдобавок ко всему в зале играла приятная ритмичная музыка.

Раньше я захотела бы обследовать это все, но теперь я просто сидела в кресле, как мешок с картофелем.

Ян написал мое имя на большой белой доске, на которой значились имена всех пациентов и их «цели». Рядом с ними были нарисованы смеющиеся рожицы и написаны подбадривающие

высказывания. Пока я ждала, я наблюдала за другими тренерами. Все они, без исключения, были жизнерадостными и оптимистично настроенными. Они громко смеялись и называли своих пациентов «чемпионами». Они уговаривали. Подбадривали. Одобряли. Пели под музыку.

Один парень с косичкой, которого, как я узнала позже, звали Роб, работал с восьмидесятилетней старушкой, которая стояла на ходунках. Хотя и явно не флиртуя с ней, он уделял ей столько внимания, что она просто цвела. А женщина-тренер, Эйприл, стояла около мужчины лет сорока, сидящего в инвалидном кресле. Он бросал мяч в баскетбольное кольцо, и она горячо одобряла каждый бросок. Все было так, словно я попала на большую дружескую вечеринку. Люди двигались, разговаривали, подбадривали друг друга. И хотя пациенты были более сдержанными и сосредоточенными, их тренеры оставались неизменно жизнерадостными.

Все, кроме моего.

Я посмотрела на Яна. Он хмурился, выставив вперед нижнюю челюсть. Он был таким серьезным, таким мрачным, таким далеким от веселья, словно над головой у него висела надпись: «Я раздражен».

Неудивительно, что в его графике есть свободные окна, подумала я.

– Снова опоздал, Ян, – услышала я.

Это был гнусавый голос. Я уже слышала его, когда его владелец разговаривал с Ниной. Я обернулась, чтобы посмотреть на этого Майлза, направлявшегося к нам. У него оказались коротко постриженные волнистые рыжие волосы, резко дисгармонизировавшие с красным свитером, надетым поверх голубой пижамы. А его маленькие карие глазки светились злобой. Его голос очень подходил ему.

Ян не ответил.

– Мне неприятно докладывать об этом руководству, – продолжал Майлз, глядя на Яна почти свирепо, – но правила есть правила.

Ян оставался угрожающе неподвижным, избегая смотреть на Майлза.

– Тебе следует следить за временем и больше не опаздывать на занятия.

И тут неожиданно я вступилась за Яна, хотя и не собиралась делать этого.

– Он показывал в коридоре, как управлять креслом, – сказала я.
Эти слова буквально вырвались у меня.

Майлз перевел взгляд на меня:

– Он отвечает за реабилитацию, а не за инвалидные коляски.

– Но он исправлял мою технику.

– Это не его работа, – сказал Майлз. – Верно, чемпион? Не твоя работа.

Ян только стиснул зубы.

Майлз продолжал:

– Не хочу, чтобы люди думали, будто ты не знаешь, в чем состоит твоя работа.

Я попыталась было возразить, но Ян предостерегающе посмотрел на меня.

Майлз явно провоцировал его:

– Я не хочу, чтобы люди думали, будто тебе здесь не место.

Ян молчал. Очень долго.

– Вот и славно поговорили, – сказал наконец Майлз, хлопнув Яна по плечу.

Потом он повернулся ко мне и почти прокричал:

– Если вам нужны еще советы, предлагаю обращаться ко мне. Я всегда здесь, в моем офисе в углу зала.

Я заметила, как Ян сжал пальцы в кулак.

А потом Майлз ткнул в него пальцем и с фальшивым воодушевлением сказал:

– Ну, иди, делай свои чудеса.

Этот тип специально напрашивался на тумаки? Даже *мне* хотелось врезать ему.

– Извините, – сказала я, когда мы с Яном направились в дальний угол зала. – Я пыталась помочь вам.

– Не нужно мне помогать, – покачал головой Ян. – Больше этого не делайте.

Потом он пошел к стопке матов, сделав мне знак следовать за ним. Дойдя до матов, он взял доску и сказал:

– Вы знаете, что нужно делать.

Я прежде не опускала подлокотник своего кресла и замешкалась, пытаясь найти нужную ручку. Все это время Ян пристально смотрел в окно, испуская нетерпеливые вздохи.

– Если вы так спешите, могли бы помочь мне.

– Я здесь не для того, чтобы все делать за вас. Я здесь для того, чтобы научить вас все делать самой.

– Я не просила вас сделать это за меня. Я просто сказала, что вы могли бы мне помочь.

– В настоящий момент это одно и то же.

Я легко могла представить, как эти слова сказал бы кто-нибудь из других тренеров игривым тоном, но Ян был так же игрив, как покойник. Он был молчалив, напряжен, а теперь, после встречи с Майлзом, был еще и преисполнен враждебности. Я понимала, что она направлена не на меня, но я все равно была отягчающим обстоятельством в этом столкновении. Все его тело, казалось, излучало злость. Это было видно по его лицу, по его походке, по тому, как он был напряжен. А я, на свою беду, никуда не могла деться от него.

И не успела я подумать об этом, как тренер с косичкой, Роб, испустил торжествующий вопль, когда его пациентка сделала что-то удивительное. Все в комнате зааплодировали.

Кроме Яна.

– Начали, – сказал он.

Я кое-как опустила подлокотник кресла и по доске переползла на маты. Но то, что Ян был нетерпелив, раздражен и отказывался мне помогать, не облегчило задачу. И не ускорило мои движения.

Когда я, наконец, справилась с заданием, я едва могла отдышаться.

Но, не дав мне перевести дух, Ян наклонился, уложил меня на спину и начал производить какие-то манипуляции с моим телом для того, чтобы оценить мое состояние – что я могу делать и чего пока не могу. Он проделывал это без каких-либо предварительных объяснений, и сначала я подумала, что он просто заигрывает со мной. Я подняла голову в тот момент, когда он наклонился надо мной, и угодила лицом прямо в его колючую и небритую мускулистую шею. Я отпрянула, но мне показалось, что между нами проскочила искра.

Этот момент мог быть смешным и немного неловким, и мы могли бы посмеяться над ним. Но Ян вместо этого предпочел сделать его унижительным для меня.

– Лягте на спину, – резко сказал он, указывая на мат, словно уже сотню раз объяснял мне это.

– Хорошо, – пробормотала я, смутившись.

И он принялся выяснять, что я могу делать.

Могу я самостоятельно сесть? (Едва ли. С огромным трудом.) Могу я перевернуться на живот? (Да. Неуклюже, но могу.) Могу я лежа на спине, согнуть ноги в коленях? (Да, как оказалось, могу. Но мои бедра были очень слабыми и тряслись, как осина.) Могу я сесть на край мата и вытянуть ноги перед собой? (Нет. Совсем не могу.) Могу я лечь на живот и приподнять ноги? (Только чуть-чуть.) Могу я пошевелить пальцами ног? (Нет, нет и нет.) К концу этих испытаний мы уже многое прояснили. Все мое тело выше колен, похоже, работало, хотя и не слишком хорошо. Но ниже колен я ничего не чувствовала.

На все это ушло, как мне показалось, несколько часов, и в конце я уже совсем выбилась из сил и едва дышала. Я знала, что мои ноги плохо работают, но когда он проверил каждый мускул на них, все как бы стало намного реальнее. По правде сказать, я не слишком хотела знать, что я могу и чего не могу делать. Но если Ян и заметил, какой несчастной я чувствовала себя, ему, казалось, было все равно. Он продолжал и продолжал проводить тесты: щиколотки, пальцы, колени, бедра. Он надавливал на разные точки, колол ноги иголкой, а потом записывал результаты в мою медицинскую карту.

Он составил список всех мышц, которые не работали. Он оказался гораздо длиннее, чем я ожидала, но, честно говоря, и самих мышц на ногах оказалось больше, чем я думала. В списке неработавших мускулов на первом месте стояли «бицепсы», что удивило меня, потому что я думала, что бицепсы бывают только на руках. А мои руки были в порядке. Но Ян проигнорировал все мои вопросы и продолжал работать над списком, который в окончательном варианте выглядел вот так:

biceps femoris
biceps semitendinosus
biceps semimembranosus
tibialis
peroneus longus

gastrocnemius
soleus pectineus
flexor digitorum longus^[5]

Я собиралась было спросить, что это были за мышцы, но по мере того как список становился все длиннее, я решила, что не очень хочу это знать.

Все это было очень утомительно как физически, так и эмоционально, но думаю, что самым трудным было то, что мы *не разговаривали*.

Я любительница поговорить из рода любителей поговорить. Когда моя мама говорит о занавесках и о том, кого следует отправить в тюрьму за их выбор, она *разговаривает* с вами. Когда мой папа пытается успокоить маму, он делает это при помощи слов. И я думаю, что никогда в жизни мне не доводилось провести столько времени наедине с другим человеком и сказать при этом так мало. Нельзя было даже составить одного предложения из всех слов, которыми обменялись мы с Яном.

И все это удручало меня. Очень.

Но я была слишком уставшей, деморализованной, истощенной, расстроенной и отупевшей, чтобы пытаться как-то исправить это. Черт возьми, это была работа Яна – поддерживать разговор с пациентом. Все другие тренеры – а у меня было достаточно времени, чтобы убедиться в этом, – непрерывно беседовали со своими подопечными, подбадривали их, беря на себя труд занимать их разговорами, пока те сосредотачивались на стоящих перед ними задачах.

С Яном все было наоборот. Наше молчание было тягостным и неловким. И вдобавок к этому я испытывала чувство разочарования, понимая, что у меня самый плохой тренер в зале.

Молчаливый, неприветливый и непреклонный. Наше с ним занятие закончилось лишь тогда, когда все остальные уже разошлись, а я стала чувствовать себя так, словно мое тело превратилось в желе. Я была уверена, что в конце занятия Ян поможет мне перебраться обратно в кресло, но он лишь небрежно бросил доску между креслом и матами и отвернулся к окну.

Я глубоко вздохнула, глядя на нее.

Я не просила о помощи, зная, что не получу ее.

Кое-как поправив катетер, который отклеился от моего бедра, я стала медленно передвигаться в сторону кресла.

Но я устала сильнее, чем думала, потому что, когда я оперлась на руку, мой локоть согнулся, и я потеряла равновесие.

Я должна была плюхнуться на пол, но почти в тот же момент, как я осознала, что падаю, Ян подхватил меня. Я готова была поспорить на сто долларов, что все его внимание было приковано к окну, но, очевидно, боковым зрением он следил за мной, потому что поймал меня и я оказалась сидящей в кресле раньше, чем поняла, что случилось.

– Спасибо, – пробормотала я, прежде чем вспомнила, что в определенном смысле он был причиной тому, что я чуть не упала.

Но он в первый раз посмотрел мне в глаза.

– Я вас утомил, – сказал он.

– И не только физически.

Я заметила, что у него синие глаза. Темно-синие, почти черные.

– Вы славно поработали сегодня.

Несмотря на то что я была в бешенстве, мне было приятно это услышать. *«А вы, – подумала я, – все время таращились в окно».*

Он внимательно посмотрел на мое лицо, а потом выпрямился и объявил:

– Пора возвращаться в палату.

Я видела, как после занятий другие тренеры сами везли своих пациентов в колясках – особенно пожилых или очень уставших, – и я полагала, что Ян поступит так же.

Я ошиблась. Разумеется.

Он повернулся ко мне своим идеальным задом и направился к выходу, и у меня не осталось выбора, кроме как последовать за ним.

У двери он остановился около доски с именами пациентов. Под моим именем была пустая строка. У других пациентов в этой строке были нарисованы звезды, смеющиеся рожицы и сердечки, но в моей строке Ян поставил лишь мрачный жирный крест.

Что в точности отражало мои чувства в тот момент.

Глава 9

Когда мы вернулись в палату, незнакомая мне медсестра с упреком сказала:

– Ян, она должна была вернуться сорок пять минут назад.

Правда? Я посмотрела на Яна, прищурившись, но он притворился, что не видит этого.

– Она никак не хотела заканчивать занятия, – сказал он. – Настоящая динамо-машина.

– Она была мне нужна.

– Девушка в твоём полном распоряжении.

И в этот момент зазвонил мобильный телефон, который купила мама. Я еще не слышала, как он звонит, и эта мелодия оказалась такой громкой и резкой, что все присутствующие вздрогнули. Ян взял телефон со столика и протянул мне.

– Алло? – сказала я.

Мужской голос спросил:

– Это Маргарет Якобсен?

– Да?

– Нейл Путман из отдела кадров компании «Симпекс».

Моя новая работа! О боже, я совсем забыла о ней! Должна ли я рассказать, что случилось? Или они уже знали об этом? То собеседование, казалось, было сто лет назад, в другой жизни.

– Я вас помню, – после некоторой паузы сказала я. Нейл Путман был тем парнем, который сообщил мне, что неофициально я уже могу считать себя принятой на работу. – Как вы поживаете?

– Прекрасно. – Голос был излишне бодрым, но вначале я этого не заметила. – Да, – продолжал он, словно только что вспомнил об этом, – мне надо сообщить вам, что руководство приняло окончательное решение по поводу той вакансии.

Я затаила дыхание. Это было невероятной проблемой. Мне было двадцать восемь лет, я только что закончила бизнес-школу и получила сказочную работу, на которую не имела права из-за недостатка опыта, и это было просто чудом. А в настоящий момент, учитывая, что я даже не могла пописать без посторонней помощи, было маловероятно, что я

смогу воспользоваться своим везением. Что делать, если они предложат мне выйти на работу на следующей неделе?

Никогда еще в своей жизни я не сталкивалась с проблемой, перед которой спасовала бы. Та часть меня, которая всегда была готова ринуться в бой, даже не представляла, что я не смогу влезть в костюм от Энн Тейлор и не отправлюсь в их офис в ту же минуту, как они скажут «Принята!». Но другая часть меня, та, с катетером, не могла представить, что я вообще когда-нибудь выйду из больницы, не говоря уже о том, чтобы устремить все свои мысли на решение «стратегических и логистических задач».

Мне оставалось только тянуть время. Может быть, мне удастся договориться, что я выйду на работу лишь в конце лета. Сколько понадобится времени, чтобы я пришла в норму? Два месяца? Четыре?

Но не успела я раскрыть рот, чтобы предложить это, как Нейл Путман сказал:

– Они предпочли другого кандидата.

– Простите?

– Того, у кого больше опыта.

– Но вы сказали, что меня приняли!

– Неофициально. Но потом появился более подходящий человек.

Я закрыла глаза.

– Они пришлют вам официальное письмо, но я хотел заранее предупредить вас.

– Понятно, – сказала я после некоторой паузы. – Конечно.

Может быть, они как-то узнали о катастрофе? Знали ли они, с чем мне пришлось столкнуться?

– Мы желаем вам удачи и надеемся, что вы скоро поправитесь.

Похоже, они все-таки знали.

Я нажала кнопку «конец» и с трудом выдохнула.

– Черт!

Подняв глаза, я увидела, что Ян и новая медсестра внимательно наблюдают за мной.

– Меня только что уволили, – пояснила я – Ну, не то чтобы уволили, поскольку это была еще не официальная договоренность. Но прямо перед катастрофой они сказали, что берут меня. Это была сказочная работа, о которой я могла лишь мечтать.

– Они не смеют так поступать! – воскликнула медсестра, исполненная сочувствия ко мне, словно мы давно были с ней друзьями.

– Разумеется, смеют, – возразил Ян. – Это в порядке вещей.

Никакого сочувствия. Сухой, как бумага.

– Не повезло, – сказала медсестра, пожав мою руку. И лишь когда она дотронулась до меня, я осознала, насколько холодными были мои руки. – Мне очень жаль.

Я пожала плечами:

– Все в порядке.

И в определенном смысле так оно и было. По крайней мере, я испытала облегчение. Мне не придется теперь решать сложную задачу, к которой пока еще не была готова.

Мне было достаточно тех проблем, которые в настоящий момент стояли передо мной.

Но по большому счету все было не в порядке. Да, я не только хотела получить эту работу – она была мне просто необходима. В надежде на мое светлое будущее я уже купила роскошный дом. И мне нужно было оплатить кредиты, которые я брала на обучение и на покупку машины. К тому же я не знала, какими будут счета за лечение.

Паника относительно будущего охватила меня. Еще одна часть моей прошлой жизни только что рассыпалась в прах.

Но самым странным было то, что я испытывала разнообразные эмоции и в то же время как бы не испытывала их. Не знаю, как это объяснить, но готова поклясться, что это правда. Я чувствовала себя охваченной паникой и в то же время оцепеневшей. И я не знала, смогу ли я когда-нибудь чувствовать себя снова нормально. Но при этом надеялась, что пройдет еще много времени, прежде чем это случится.

И лучше было бы, если этого никогда бы не случилось.

Ян снова вернулся к текущим делам.

– Итак, – сказал он, слегка раскачиваясь на ногах, – давайте подведем итоги. Мы практически полностью оценили состояние вашего тела. И в предстоящие недели мы будем укреплять то, что работает, и пытаться пробудить то, что не работает. – Он говорил, не отрывая взгляда от моей медицинской карты, словно эта тема в целом и я в частности были ему невыносимо неинтересны. – В случаях с повреждениями позвоночника много неопределенного, и мы не всегда

можем сказать, кто поправится, а кто нет. Ваша проблема лежит в области ниже колен, и мы в первую очередь сосредоточимся на ней. У вас есть ко мне вопросы?

Ожидая моего ответа, он, не отрываясь, смотрел в окно.

Я покачала головой.

– Тогда встретимся завтра, – сказал он, поворачиваясь. И уже у двери бросил через плечо: – Вам предстоит попотеть.

Мы с медсестрой молча смотрели ему вслед. Ян меня раздражал, надо полагать, но я была слишком уставшей, чтобы злиться. На самом деле с его уходом меня покинули остатки энергии. День подошел к концу. Мне предстояло лишь перебраться на кровать. А потом я смогла бы закрыть глаза и погрузиться в небытие.

Но в тот момент, когда я повернулась в поисках доски, на пороге появилась другая фигура.

Китти.

Снова.

– По-моему, я сказала тебе «нет», – возмутилась я.

– Это было давно, – сказала Китти.

– Это было *вчера*.

– Я надеялась, что ты передумала.

– Нет.

– Толстяк Бенджамен признался прошлым вечером, что все еще со школы хранит мою заколку для волос. А потом попытался сунуть язык мне в ухо.

Я мрачно уставилась на нее.

– У меня сейчас много проблем, – сказала я. – Но язык Толстяка Бенджамена в твоем ухе не входит в их число.

Китти обиженно посмотрела на меня:

– Я не прошу тебя решать мои проблемы.

– Нет, просишь. Как делала всегда.

Но больше это не повторится. Я не сказала этого, но она потеряла право просить у меня что-либо.

– Но не сейчас, – настаивала Китти. – Я здесь для того, чтобы помочь тебе.

– Я уже говорила тебе, что ты не можешь этого сделать.

Она закрыла глаза.

И я повторила то, что сказала в прошлый раз:

– Твое присутствие только все ухудшает.

– А что, если я принесу тебе кексы?

– Нет.

– А если я принесу тебе бульварные романчики и роллы из того тайского ресторана, который ты так любишь?

– Нет.

Она заигрывала со мной, но я была не в настроении отвечать ей.

– Я говорю серьезно, – сказала я. – Уходи. Возвращайся домой. Можешь даже вернуться в Нью-Йорк. Я не могу сейчас общаться с тобой.

– Не можешь? Или не хочешь?

– И то, и другое.

Кит ушла, но появилась следующим вечером, когда я заканчивала ужинать. С пирожными.

Я прогнала ее.

А на следующий вечер она снова пришла, с миндальным печеньем. И я снова прогнала ее.

А когда на следующий вечер она не появилась, я обнаружила, что разочарована. Я ждала ее. Более того, ее присутствие больше не казалось мне странным или угнетающим. На самом деле я даже предвкушала тот момент, когда она снова появится на пороге, с сумасшедшей прической и татуировкой на теле, одетая в балетную пачку или во что-нибудь еще более несусветное. Не говоря уже о том, что она принесет кейк-попы^[6], или шоколадные пирожные, или пончики.

Я вдруг испугалась, что она бросила меня, и стала сожалеть о своей холодности.

И когда она, наконец, появилась, в руках у нее был безупречный, изысканный шоколадный кекс из моего любимого кондитерского магазина, расположенного на другом конце города.

– Ты пытаешься меня подкупить? – спросила я, когда она протянула мне его.

– Я пытаюсь показать, – ответила Китти, – что я здесь не для того, чтобы избежать сексуальных отношений с Толстяком Бенджаменом и найти себе новое место для ночлега. Я здесь для того, чтобы сделать все возможное и скрасить твой день. Начиная с кексов.

Я посмотрела на кекс. Потом взяла его в руку.

– И я также хочу извиниться за то, что целых три года игнорировала тебя.

– Хорошо, – сказала я, откусывая кусочек кекса и наслаждаясь вкусом глазури. Потом, проглотив этот кусочек, добавила: – Ты можешь остаться.

– Правда?

Я откусила еще кусочек и сказала чуть громче, чтобы мои слова были весомее:

– Но если ты станешь создавать проблемы, я тебя выгоню.

– Не стану.

– Например, – с вызовом объявила я, – сейчас время ложиться спать.

Кит взглянула на часы, висевшие на стене.

– Но еще нет и девяти часов.

К этому моменту я уже успела прикончить кекс.

– Да, – сказала я с таким видом, будто весь мир уже давно улегся спать. – Постели свою постель, и давай отправимся на боковую.

Я стала наблюдать за тем, как она разложила кресло и накрыла его простыней, которую достала из шкафа. Она принесла с собой подушку и клетчатый плед, и ее постель сразу стала напоминать о ночевках в палатке. Я смотрела на ее движения, на ее такой знакомый силуэт, и мои глаза стали закрываться сами по себе. Я помню, как подумала о том, что я слишком устала и никогда больше не смогу проснуться. И последнее, что я помню – это мои размышления о том, будет ли Китти спать с этим дурацким кольцом в носу.

Я проснулась через несколько часов. Сестра стояла около меня и шептала:

– Эй, эй! Проснись!

Я открыла глаза. В палате было еще темно. Китти склонилась надо мной. На ней была длинная футболка, в которой она спала. Я с трудом перевела дыхание.

– Что случилось? – спросила я.

– Тебе приснился страшный сон.

Она не ошиблась.

– Мне снилось, что я тону, – сказала я. – Я лежала под водой, зажатая в самолете.

– Так и поняла, что тебе снится что-то страшное.

Я закрыла глаза и попыталась ровно дышать.

Мои волосы – то, что от них осталось – были влажными от пота, и я вся дрожала. Китти принесла из ванной мокрую белую мочалку из махровой ткани и положила ее мне на лоб. Потом, не сказав ни слова, забралась в мою постель, стараясь не дотрагиваться до моей шеи. Она была худенькой и легко поместилась на кровати. Она легла на бок и стала гладить меня по волосам.

– Твои волосы в жутком беспорядке, – прошептала она.

– Они сгорели во время катастрофы, – сказала я.

– Ну что ж, в некотором смысле тебе повезло, – отозвалась она. – Угадай, что я делала с тех пор, когда ты в последний раз видела меня три года назад?

– Что?

– Стригла волосы.

Я нахмурилась:

– Ты парикмахер?

– Стилист. Я уже знаменита. У меня сорок шесть тысяч подписчиков в Инстаграме.

– Ты знаменита?

Она кивнула.

– И еще я набиваю татуировки. Я работаю в салоне красоты в Бруклине. Там даже делают пирсинг.

– Ты сама бьешь татуировки?

– Угу. Татуировки и стрижки. Я очень амбициозна. Знаешь, что еще? Я сплю с управляющим. Или, возможно, это он спит со мной...

Его звали Итан, но у него были огромные усы, кончики которых он смазывал воском, и все называли его Усы. Даже Китти.

И она стала рассказывать мне обо всем успокаивающим тоном, пока я ждала, чтобы мое тело расслабилось и перестало дрожать. Она рассказала мне о его мотоцикле, о его кулинарных способностях и о его любимых книгах.

Наконец, спустя какое-то время я спросила:

– Так ты зовешь его «Усы»? «Усы, подойди сюда!» Или «Усы, что у нас на ужин?»

– Нет, в лицо мы все зовем его Итан. Но когда мы говорим о нем, мы называем его «Усы».

– А как он называет тебя?

– Не могу это произнести. Это очень неприлично.

Когда я в последний раз видела ее перед отъездом, она работала секретарем в офисе. Тогда она носила туфли на высоких каблуках и плохо сидевший на ней серый костюм, который она отказывалась поменять на что-нибудь более привлекательное.

– Ты и вправду очень изменилась.

– К лучшему.

– Может быть. За исключением кольца в носу.

– Тебе оно не нравится?

– Ты с ним похожа на корову.

– Но сексуальную.

Моя сестра – парикмахер-стилист, с кольцом в носу!

– Ты сможешь постричь меня?

– Конечно. Я сделаю тебе прелестную прическу. Она будет намного симпатичнее твоей прежней.

Безусловно, не будет. Но я была слишком уставшей, чтобы спорить.

– Помнишь, как в летнем лагере я постригла ту девчонку и она расплакалась? – спросила Китти.

– На самом деле, получилось очень мило.

– Но я укоротила ее волосы почти на десять дюймов.

– Она попросила родителей приехать и забрать ее из лагеря, – вспомнила я.

– Мне нужно послать ей подарочный сертификат. Сейчас я могу кого угодно сделать привлекательным. – Она слегка толкнула меня локтем в бок. – Даже тебя.

Я знала, что она шутит. Но все равно закатила глаза.

– Я пошутила, – сказала она, увидев, что я затихла.

– Мама даже не может смотреть на меня, – пожаловалась я.

– Это не твои проблемы. Это ее проблемы.

– Но мое лицо *обожжено*.

Китти только фыркнула.

– Это скорее похоже на солнечный ожог. За исключением волдырей. Это ерунда. Я покажу тебе завтра.

Наш разговор казался мне очень странным. Словно я его подслушивала, а не участвовала в нем. С одной стороны, мы разговаривали в привычной для нас манере – с подшучиваниями и подколками. Мы никогда не общались с ней по-другому. Это не подходило к текущей ситуации, но это было единственным способом общения, который мы знали. И вели себя соответственно. Хотя и в несколько приглушенном варианте. Как будто все краски исчезли и остался лишь серый цвет.

Но именно таким все и казалось мне – все, что я говорила, или думала, или чувствовала. Все было безрадостным, бесцветным и непохожим на мою прежнюю жизнь.

– Китти? – спросила я после некоторой паузы.

– Что?

– Побудь здесь всю ночь, хорошо? Я не хочу оставаться одна.

– Я и так здесь.

– Нет, я имела в виду в моей кровати.

– О'кей.

– Я не хочу больше видеть кошмары, – сказала я.

– Я присмотрю за тобой.

– Спасибо.

Мы затихли и удобнее устроились в постели. Но я не смогла не сказать кое-что еще:

– Кстати, здесь ты пить не сможешь. Я ставлю такое условие.

– Пить? – переспросила она.

– Потому что, когда ты выпьешь, ты становишься неуправляемой, а дополнительных волнений я уже не вынесу.

– Я не брала в рот ни капли спиртного за последние три года, – сказала Кит. – После того как папа отправил меня в реабилитационный центр.

Это должно было бы очень обрадовать меня, но я не была в состоянии чувствовать что-либо.

– Это здорово. Я не знала.

– Да, папа подумал, что ему лучше не говорить об этом.

– Так ты поэтому уехала?

– Отчасти.

– И не хотела общаться с нами, потому что чувствовала себя слишком ранимой?

– И поэтому тоже. Я когда-нибудь все тебе расскажу. Но не сегодня ночью. А то тебе опять приснится кошмар.

Ну что ж, это было разумно.

– Так ты... совсем отказалась от спиртного?

– Совсем. Я справилась, хотя мне пришлось нелегко.

– Мне очень жаль.

– Все в порядке. Всем приходится с чем-то бороться. И на самом деле, мне стало легче жить.

– А мама знает?

– Не имею представления.

– Тебе нужно бы сказать ей.

– Нет.

– Это может помочь вам помириться.

– Ну, все дело как раз в этом, – сказала Кит. – Я не уверена, что хочу помириться с ней.

Я чувствовала, что она готова ответить на вопросы, которые мучили меня долгое время, но почему-то мне казалось, что ее ответы повлекут за собой еще больше вопросов. Что случилось в ту ночь, когда она столкнула маму в бассейн? Из-за чего они поругались? Кто на кого разозлился? Что могло заставить Кит, которая так жаждала внимания, вычеркнуть нас из своей жизни так надолго? Я хотела знать это и в то же время не хотела. Наверное, у них с мамой были серьезные проблемы, а в тот момент я не была в состоянии справиться даже с самой маленькой их них.

Хотя, когда я думала обо всем этом, это немного отвлекало меня от собственных трудностей, а в той жизни, которую я теперь вела, даже небольшое отвлечение было для меня отрадой.

– Сказать тебе, что утешительного есть в твоём положении? – спустя минуту внезапно спросила Кит.

– Не надо.

Но это ее не остановило. Тот вопрос был просто вступлением.

– Правда? Ты не хочешь, чтобы я тебя подбодрила?

– Нет.

Она не поверила мне:

– Все нуждаются в утешении.

Как я могла объяснить ей, что никакие ее слова не могли бы успокоить меня? Даже если она только попытается, это лишь все

ухудшит. В моем положении не было ничего утешительного. Никакого просвета.

Но я была уверена, что она не сможет понять этого.

– Не утешай меня. Не говори ни слова. Просто спи, не то я прогоню тебя.

– Ладно.

Так мы и провели всю ночь, в одной постели. Присутствие Кит на самом деле должно было дать мне некоторое утешение, но я упорно противилась этому.

И до тех пор, пока она просто спала – легонько посапывая, как обычно, – все было хорошо. Я больше не верила в хорошее, и я точно знала, что я никогда, никогда не стану чувствовать себя лучше. Но то, что она была рядом, что я не была больше одна, по крайней мере, не заставляло меня чувствовать себя хуже. А это уже было кое-что.

Глава 10

Когда на следующее утро я проснулась, Китти уже исчезла. Она так аккуратно сложила свою кровать, что казалось, ее вовсе здесь и не было. Я даже подумала, что она больше не вернется, но потом заметила ее вещи, сложенные в углу комнаты. И я решила, что она ушла пораньше для того, чтобы случайно не столкнуться с мамой.

И так начался очередной день. Я снова была совсем одна, и все было как обычно почти до самого вечера, когда Ян проводил меня в палату после еще одного неловкого, молчаливого занятия и мы обнаружили в моей комнате ожидавшую нас медсестру, которую я прежде не видела.

Она с сияющей улыбкой посмотрела на меня:

– Хотите услышать хорошие новости?

Я взглянула на Яна, который слегка пожал плечами, и заколебалась:

– А они... еще бывают?

Медсестра улыбнулась еще шире:

– Да, у меня для вас есть такие.

Я ждала, не уверенная в том, что смогу ответить ей с должным воодушевлением, какого она явно ожидала.

– Давайте, – сказала я, наконец. – Что это за новости?

Она указала пальцем на мои трусы:

– Мы собираемся вынуть у вас катетер.

Но не было никакой гарантии, что мне его снова не поставят. Хирург, специалист по позвоночнику, сказал мне, что в области крестца нервные окончания не были повреждены. И он был настроен весьма оптимистически. Он надеялся, что у меня сохранилась чувствительность в этой области и я смогу не только чувствовать, когда мне захочется писать, но и управлять своими мышцами, чтобы сделать это. Хотя никто не мог дать мне стопроцентной гарантии, что у меня это получится.

И выяснить это можно было лишь на практике.

Сестра положила на кровать впитывающую пеленку, прежде чем помочь мне перебраться на нее, а потом выдернула катетер без

излишних церемоний. Затем она помогла мне надеть ночную сорочку с разрезом на спине «для удобства».

– Когда вы почувствуете, что хотите писать, – сказала она, – не теряйте времени. Нажмите кнопку вызова сестры. Не пытайтесь перелезть в кресло самостоятельно.

– Хорошо.

– И не ждите, пока уже не сможете больше терпеть.

– Не буду.

Она пообещала скоро вернуться, чтобы проверить, как у меня обстоят дела. Мне предстояло выяснить, почувствую ли я что-нибудь. А если почувствую и смогу добраться до туалета, не описавшись, смогу ли управлять своими мышцами?

Я никогда прежде не задумывалась над тем, насколько сложно и вместе с тем гениально устроена мочевыделительная система. А теперь она стала играть огромную роль в моей жизни. Многие пациенты с такими же повреждениями, как у меня, вынуждены были проводить весь остаток жизни с катетерами, мирясь с унижительным положением и дискомфортом, не говоря уже о частых инфекциях. И теперь мне предстояло выяснить, окажусь ли я в их числе.

После того как медсестра ушла, я осталась лежать в полной тишине в своей палате, прислушиваясь к разговорам снаружи и напряженно ожидая, смогу ли я почувствовать это забытое восхитительное ощущение – желание пописать? Каким оно вообще было? Я едва помнила это. Я молилась, чтобы моя маленькая храбрая уретра не подвела меня.

А потом я заснула.

Я спала до тех пор, пока не появилась Китти с коробками китайской еды.

Она толкнула меня со словами:

– Эй, ты что, спишь?

Я прикрыла глаза рукой.

– Не надо меня будить!

– Я принесла ужин, – сказала она, словно это все оправдывало, а потом принялась распаковывать контейнеры.

Но когда я окончательно проснулась, я кое-что заметила.

– О, мой Бог! Мне нужно пописать! Я это чувствую!

Кит посмотрела на меня так, словно сочла сумасшедшей.

– Ура?

Я указала ей на доску:

– Мы должны добраться до туалета.

Чтобы не тянуть резину, скажу коротко – я сделала это. Мы сделали это – я и моя уретра. Все прошло как по маслу.

За исключением того момента, когда я посмотрела на Китти и обнаружила, что она пытается сфотографировать меня, сидящей на унитазе.

– Кит! Какого черта! Не фотографируй меня, когда я писаю!

– Это для Инстаграма, – пояснила Китти, как будто от этого мне должно было бы стать легче. – Это называется фотожурналистика!

Она что, всегда была такой сумасшедшей? Мы только что стали налаживать наши отношения!

– Прекрати это немедленно.

– Я шучу, – сказала Кит. – Но мои подписчики и *вправду* болеют за тебя.

– Это правило номер два, – продолжала я. – Никаких фотографий. Никогда.

– Даже селфи?

– Это моя палата и мои правила. Никаких утешений. Никаких фото. И никаких чертовых селфи.

– Хорошо.

– Хорошо. И помоги мне пересесть в кресло.

Мы благополучно добрались до кровати, и, когда я на ней устроилась, Кит разложила передо мной китайскую еду, словно это был праздничный пир. Жареные пельмени, яичные роллы и цыпленок в кунжуте. Все мои любимые еще с детства блюда.

Я отлично знала, чего она добивалась.

– Надеюсь, эту еду ты принесла не в качестве *утешения*?

Кит прищурилась:

– Это все то, что я сама очень люблю. Ты не можешь винить меня за то, что находишь эту еду *утешительной*.

– Я буду винить тебя, сколько мне захочется, – сказала я, но улыбнулась. Хотя эта улыбка далась мне с трудом, словно мышцы и на лице тоже атрофировались.

Кит подцепила палочками кусочек цыпленка.

– Ну, разве ты не рада тому, что я здесь?

Я и вправду радовалась. Гораздо больше, чем готова была признать.

– Только тогда, когда ты не фотографируешь меня сидящей на этом проклятом унитазе.

Я не могла есть много, но Кит могла. И она прикончила все яичные роллы и все пельмени, макая их в соус и облизывая пальцы. А потом, после того как все было убрано, она объявила:

– А теперь будем стричься!

Я сморщила нос:

– Я слишком устала.

– Ты только что спала!

– Да. Это был мой вечерний сон.

– Нет! – возразила Кит. – Я запланировала настоящий девичник.

И она начала доставать из сумки разнообразные предметы: коробку шоколадных конфет, маникюрный набор и лаки, пакет с попкорном, Ботгл^[7], пару выглядевших крайне неприлично любовных романов и какие-то провода.

– Да, похоже, ты запланировала неслабую вечеринку.

Она кивнула:

– Настоящую оргию.

– Теперь я рада, что ты меня разбудила.

Она снова кивнула, словно не заметив моего сарказма:

– Я могу подключить компьютер к телевизору. Будем смотреть «Бриолин».

Я невольно улыбнулась. Когда мы были детьми, то обожали этот фильм. Мы включали его и начинали танцевать, забираясь на мебель и распевая дуэты.

Хотя она всегда заставляла меня исполнять партию Дэнни.

Кит встала и подняла одну руку вверх, словно собралась танцевать.

Я никак не отреагировала.

– Ну же! Я разрешаю тебе сегодня быть Сэнди.

Слишком поздно.

– Я не хочу быть Сэнди.

– Нет, хочешь.

– И я не в настроении петь.

– Ты всегда в настроении петь.

– Уже нет.

Она прищурилась:

– Когда ты пела в последний раз?

– Не помню.

– Я читала статью о том, что, если у вас есть талант и вы не в состоянии найти ему применения, это может разбить вашу жизнь.

Я посмотрела на нее в упор:

– Слишком поздно.

– Это самое мрачное высказывание, которое я от тебя слышала.

– Очень хорошо.

Она давила на меня, и мне не оставалось ничего другого, как отвечать ей тем же.

– И это даже не правда.

Я почувствовала, как во мне закипает злость. Если я говорила, что моя жизнь уже разбита, значит, она, черт возьми, была разбита!

– Сойдемся на том, что каждый останется при своем мнении.

Я могла прочесть по ее лицу, что она думает, будто я просто упрямлюсь.

И чем дольше она смотрела на меня, тем больше я ожесточалась. Она что, собирается стоять передо мной на своих здоровых ногах и испытывать недовольство тем, что я не кричу от восторга?

– Похоже на то, что мы поменялись ролями, – наконец сказала она.

Я приподняла бровь, словно говоря: «Неужели?»

– Кажется, в первый раз я стараюсь улучшить положение, в то время как ты пытаешься ухудшить его, – продолжала она ровным тоном, словно мы обсуждали погоду за окном.

И вдруг я впала в бешенство.

– Я не стараюсь ухудшить положение, – возразила я сдавленным голосом, словно моя гортань стала сухой, как наждачная бумага. – Все уже и так очень плохо.

– Все всегда может стать еще хуже, – объявила Кит.

И я выкрикнула против своей воли:

– Но не для меня!

Меня всегда поражало, как быстро братья и сестры могут разозлиться друг на друга. словно все, что их бесило друг в друге,

накапливалось и складывалось в некий эмоциональный шкаф, и в такие моменты, как этот, в считанные секунды дверцы распахивались, и разгорался скандал.

– Ты должна прилагать усилия! – настаивала Кит таким тоном, словно говорила мне это уже раз сто.

– Я и так *стараюсь!*

– Нет, не стараешься!

С сестрами всегда так. И вообще с семьей. Я едва приоткрыла окошко в мою жизнь, и она уже ворвалась туда и стала чувствовать себя как дома – фотографировать меня и командовать мною. Мы даже еще официально не помирились, а она уже диктовала мне, как я должна жить.

Не успела я подумать об этом, как она объявила:

– Тебе необходимо петь.

И при этих словах во мне вспыхнула такая злость, что я почти физически ощутила ее. Словно пламя охватило меня.

– Я не хочу петь! – закричала я.

Я чувствовала себя так, словно вся злость, которую я отказывалась испытывать по отношению к Чипу, к матери, к сотрудникам больницы, которые заставляли меня проделывать невозможные вещи – постепенно накапливалась и превратилась во взрывоопасный газ. А Кит только зажгла спичку.

Я ударила кулаками по постели.

– Я не собираюсь петь! – Мой голос в тот момент был и слишком громким, и в то же время недостаточно громким. – Ты не можешь заставить меня петь! Неужели ты и вправду думаешь, что это так легко? Ты не можешь вот так просто заявиться сюда с разными побрякушками и веселыми фильмами и сразу все наладить! Перестань пытаться исправить ситуацию! Дай мне, черт возьми, передышку!

Кит моргнула. Потом моргнула еще несколько раз. Мне показалось, что она вот-вот заплачет или выбежит из комнаты. Но она только кивнула.

Последовало долгое молчание. И я постепенно остыла.

– Ладно, – тихо произнесла Кит спустя некоторое время. – Ладно, ты права.

Я глубоко вздохнула.

– Тебе необязательно петь, – продолжала Кит, пожав плечами и как-то по-новому глядя на меня.

Я сказала таким же тоном, как и она:

– Совершенно верно, необязательно.

– Я тебя услышала, – сказала она. – И я сдаюсь. – Потом взглянула на меня из-под ресниц: – Могу я, по крайней мере, постричь тебя?

Спустя час весь пол палаты был усыпан волосами. Я переползла в кресло, чтобы ничего не попало на кровать, и вокруг колес образовался настоящий ковер из моих локонов.

Китти все хлопотала и хлопотала вокруг меня, и стрижка длилась гораздо дольше, чем ожидалось, поскольку в моей сестре проснулся присущий нашей семье перфекционизм. Но, наконец, она объявила о том, что закончила, и протянула мне зеркало. Я взяла его в руку, но заколебалась.

– Посмотришь в зеркало, – сказала она.

Я сморщила нос.

– Ты не хочешь видеть, что получилось?

Мне хотелось увидеть новую прическу, но я не знала, как это сделать так, чтобы не смотреть на свое лицо.

– Знаешь, что? – сказала я, покачав головой. – Я уверена, что стрижка замечательная.

– Ты боишься, что ужасно выглядишь? Но это не так.

Да. Я боялась, что выгляжу ужасно. Конечно. Я должна была быть настоящим монстром, если моя родная мать не могла смотреть на меня. Но и это было еще не все. Как только я узнаю, как выгляжу, я буду *помнить* это всегда. Я не смогу притвориться, что я этого не видела.

Будет как тогда, когда моя тетя подвела меня к гробу моей бабушки, чтобы я с ней попрощалась. Я посмотрела на забальзамированную, уплощенную версию того лица, которое так долго знала и любила. И потом при воспоминании о бабушке у меня в памяти всплывал лишь этот искаженный образ. Он затмил то лицо, которое я хотела видеть. И я не желала, чтобы это повторилось еще раз.

Я не хотела, взглянув в зеркало, обнаружить, что меня прежней больше нет.

Кит словно прочитала мои мысли:

– Ты выглядишь такой же, как всегда. Словно немного обгоревшей на солнце. И на подбородке у тебя несколько волдырей. – Она дотронулась до своего лица. – А с самой роскошной прической из всех, что у тебя были, ты очень привлекательна. И ты все такая же, как раньше.

Я чуть-чуть приподняла зеркало.

– Не бойся, – настаивала Кит.

Но я все равно боялась. Мои руки были совсем холодными. *Ни о чем не думай*, уговаривала я себя. Настало время взглянуть в лицо своему будущему, как бы я ни выглядела. Я затаила дыхание и подняла зеркало. Сантиметр за сантиметром я приближала его к своему лицу, пока не увидела его целиком.

Мое лицо. Немного обветренное, но такое знакомое, как старый друг.

– Видишь? – спросила Кит. – Ты все такая же красавица.

Я с трудом перевела дыхание.

– Мне необязательно быть красавицей. Я просто хочу быть узнаваемой.

– Ты и так узнаваема, – сказала Кит. – Только теперь намного более элегантная.

Я никогда прежде не носила челку. Но теперь волосы густыми прядями спадали на лицо, а сзади были коротко постриженными. Как у эльфа. У меня всегда были длинные волосы. Я полагаю, что не стригла их из-за страха, что мне это может не понравиться и придется ждать очень долго, прежде чем волосы снова отрастут. К тому же мама считала, что молоденькие девушки с короткими волосами выглядят безобразно.

Но эта стрижка не была безобразной.

Кит широко улыбалась.

– Ну, разве ты не хороша? – настаивала она. – Разве это не та прическа, о которой ты мечтала всю свою жизнь?

– Не могу сказать, что мне она не нравится.

– Да ты в восторге от нее. Ну же, признайся!

А потом я потихоньку поднесла зеркало к своей шее. Когда я увидела, что мое лицо было в лучшем состоянии, чем я ожидала, во мне вспыхнула надежда, что и все остальное не так уж плохо.

Но трансплантаты на шее были *хуже*, чем я думала.

Одна сторона шеи, от челюсти до ключиц, была совершенно неузнаваемой. Она была темно-лиловой, покрытой гусиной кожей и пятнистой, как пицца с красным перцем. Лицо, если я не буду расчесывать его, со временем заживет. Но трансплантаты, даже зажившие, будут всегда выглядеть как пластилин, о чем мне так тактично сообщил Чип. Я навсегда стану человеком, на которого окружающие будут стараться не смотреть. Я буду человеком, в обществе которого окружающие будут чувствовать себя неловко.

И во мне зародилось новое чувство: негодование.

Я знала, каково это – не любить какие-то части своего тела. Какая женщина не знакома с этим чувством? Вы «ненавидите» маленькие складки жира на животе или палец на ноге, который длиннее остальных, или кривоватый зуб. Все, что мешает вам в ваших попытках стать безукоризненной, обречено стать предметом вашей ненависти.

Но это было совсем другое. Эти трансплантаты даже не выглядели живыми.

Казалось, что какое-то чужеродное тело прилепилось к моей шее. Прежде я «ненавидела» те части тела, которые не были совершенными, и думала, что они «уродливы», но я даже не понимала значения этого слова до сего момента. И вид этих трансплантатов – морщинистых, липких, блестящих от мази – был таким шокирующим, что тошнота подкатила к горлу.

И я вынуждена была отвести глаза в сторону.

Именно этого чувства я и боялась. Но оно оказалось еще страшнее, чем я думала. словно часть меня прежней – нежной, ранимой и на удивление невинной – умерла. Одно дело размышлять об этом теоретически, и совсем другое увидеть, как это случилось на самом деле. Часть меня была уничтожена. Я крепко зажмурилась, испытывая жгучее сожаление. Почему я раньше никогда не ценила изящный изгиб моей шеи и нежность кожи, покрытой бледными веснушками? О чем я думала в тот вечер, наряжаясь в платье с открытыми плечами? Почему я не была более осторожной? Как могла я владеть таким бесценным сокровищем – моим телом! – и так глупо относиться к нему как к должному?

– Это могло быть твое *лицо*, – сказала Кит, дотронувшись до моего плеча. – Тебе повезло.

Повезло. Снова.

– Мне все без конца говорят об этом, – сказала я.

В тот вечер мы так и не посмотрели «Бриолин». Мне хватило стрижки и всего, что последовало за ней. Я позволила Китти включить компьютер, чтобы я могла проверить почту, но я быстро выключила его, когда увидела, что Чип опубликовал на Фейсбуке мою фотографию, сделанную им, когда я все еще находилась в реанимации и выглядела просто ужасно, и попросил всех молиться обо мне.

«После трагического события моя возлюбленная борется за жизнь в блоке интенсивной терапии».

– Трагического события? – с негодованием спросила Кит, когда я показала ей эту подпись. – Это *он сам* был трагическим событием в твоей жизни!

Он поместил фотографию на своей стене, на новостной ленте и в одной из газет.

Понятно, что многие люди стали переживать за меня. И с каждым размещенным комментарием Фейсбук присылал мне оповещение на почту, так что почтовый ящик оказался переполненным. Люди «молились» обо мне, посылали мне сердечки, поцелуи и изображения ангелов. Они писали о том, какая я замечательная, и всячески подбадривали меня. Но количество писем – больше сотни – показалось мне угнетающим.

Я внимательно вглядывалась в фотографию, пораженная тем, что Чип поступил так безумно и опубликовал ее. Я обычно не хотела смотреть даже на чужой педикюр, не говоря уже об обезображенных жертвах несчастных случаев, опутанных проводами, покрытых синяками и явно испытывающих жестокие страдания. О чем он думал? Что пытался доказать? Разве бы я допустила, будь моя воля, чтобы фотографию, на которой я выглядела куском сырого мяса, обнародовали и все могли глазеть на нее? Я сама едва набралась смелости посмотреть на себя в зеркале и, очевидно, была последней, кто увидел это. Мой бывший парень даже прислал мне картинку с щенками и котятами, которые облизывали друг друга.

Очевидно, именно так Нейл Путман и «Симтекс» узнали о моей истории. Похоже, о ней знал уже весь чертов город.

– Я больше никогда не стану заходить на Фейсбук, – сказала я.
– Правильно, – согласилась Кит. – Фейсбук – это место для наших бабушек. Просто заходи ко мне на Инстаграм.

Позже, когда мы уже умолкли и Кит начала тихонько посапывать во сне, мне пришлось разбудить ее.

– Кит! – прошептала я. И когда она не ответила, сказала погромче: – Кит!

Она вздрогнула и села в кровати.

– Отличные новости! – все так же шепотом сообщила я.

– Что?

– Мне нужно в туалет по-большому.

Она слегка наклонилась вперед:

– Это и есть «отличные новости»?

– Помоги мне выбраться из кровати.

– Разве ты не ходила в туалет перед тем, как мы легли?

Я щелкнула пальцами, словно торопя ее:

– Тогда я просто пописала.

Она встала и взяла мою доску.

– Ты же понимаешь, что это значит? – спросила я, переползая с ее помощью на доску.

Кит все еще никак не могла толком проснуться:

– Что это значит?

– Это значит, что я могу ходить в туалет сама.

– А значит ли это, что ты поправляешься? – спросила она.

– По крайней мере, мне не становится хуже.

– Могу я разместить в Инстаграме эту фотографию? – спросила она, когда я уселась на унитаза.

– Еще раз упомянешь Инстаграм – окажешься на первом же самолете, направляющемся в Нью-Йорк.

– Ясно, – сказала она.

Она какое-то время ждала меня около туалета, читая разные заметки в Интернете, чтобы скоротать время.

– Ты знала, что катетер изобрел Бен Франклин в 1752 году, когда его брат страдал от камней в почках?

– Не могу сказать, что знала.

– А ты в курсе, что из мочи можно сделать порох?

– Это может оказаться очень кстати.

– А ты слышала, что 73 процента людей не могут самостоятельно какать при повреждениях позвоночника?

– Это очень грустно.

– Но не для тебя.

– Где ты все это нашла?

– Надо знать места.

Я не спешила. Кит несколько раз намекала, что пора возвращаться в кровать, но торопить происходившее со мной чудо я ни за что не хотела.

Глава 11

На следующий день во время обеда не успела я сообщить маме о своем новообретенном умении ходить в туалет, как она объявила эту тему «неэстетичной» и вернулась к своим переживаниям касательно моих отношений с Чипом.

– Он приходил к тебе? – захотела выяснить она.

Мой сэндвич внезапно стал казаться безвкусным.

– Можем мы не говорить об этом?

– Я читала кое-какие статьи в Интернете, – сообщила мама.

Я взглянула на папу.

– Начинается, – сказал он.

Но мама невозмутимо продолжила:

– И я думаю, что, может быть, он боится видеться с тобой.

– *Боится?*

– Он боится видеть, какой ты стала. Ты стала воплощением его слабости и глупости.

– Правда?

– А какие еще могут быть объяснения?

– Я не могу сейчас заниматься психоанализом.

Мне и без того было непросто проживать день за днем.

– Но кто-то должен это делать!

– Похоже, ты неплохо с этим справляешься.

Мама положила свой сэндвич на столик. Этот жест означал, что она намерена перейти к делу. Она начала было говорить, но потом осеклась и повернулась к папе:

– Знаешь что, милый? Этот сэндвич мне не нравится.

Папа посмотрел на ее сэндвич.

– Мне неловко просить тебя, но не мог бы ты вернуться и купить мне вместо него салат «Цезарь»?

Папа только что успел откусить первый кусок своего бутерброда. Он какое-то время в замешательстве смотрел то на него, то на маму.

– Ты хочешь, чтобы я опять съездил в магазин?

Мама кивнула и жестом указала на меня:

– В любом случае нам нужно немного посекретничать по-женски.

Папа взглянул на меня. Потом кивнул, встал со стула, держа в одной руке сэндвич, а в другой – парковочный талон, и вышел из палаты.

Когда дверь за ним закрылась, мама придвинулась ко мне и тихо сказала:

– Прошлой ночью я читала статью о сексуальных отношениях после повреждения позвоночника.

– Мама! Зачем?!

– Потому что, если сексуальный аппетит Чипа таков же, как у его отца или любого другого мужчины, это будет важно для него.

Я сморщила нос:

– Пожалуйста, не нужно говорить со мной о сексуальном аппетите Джима Данбара.

– Я лучшая подруга Ивлин вот уже много лет, милая. И я знаю *все*.

Но я лишь качала головой:

– Нет. Пожалуйста. Нет.

– Хорошие новости состоят в том, – продолжала она, – что если мужчины в твоём положении часто теряют свои сексуальные способности, женщины обычно их сохраняют. Это означает, что даже если ты больше не сможешь ходить – а ты сможешь, я уверена, – ты все равно останешься полноценной партнершей в этом вопросе.

Что было хуже – обсуждать с мамой сексуальный аппетит отца Чипа или мой? Не могу передать словами, насколько мне не хотелось говорить с ней об «этом вопросе». Но мама только набирала обороты.

Она продолжила:

– Ты сможешь рожать детей и все такое прочее. На самом деле, единственная проблема женщин в твоей ситуации состоит в том, чтобы найти того, кто готов...

Она внезапно остановилась.

– Того, кто готов на что?

Но она перевела все свое внимание на сэндвич, заворачивая его в обертку, словно желая сохранить на потом.

– Готов на что?

Она начала объяснять снова, тщательно подбирая слова:

– Уровень женской сексуальности обычно не снижается, но проблема состоит не в их физическом состоянии, а в том, что никто...

Она замолчала, словно не в силах выговорить это.

– Никто больше не хочет их трахать?

Мама закрыла глаза:

– Ты знаешь, как я ненавижу вульгарные выражения.

Если бы в этот момент я могла выйти из комнаты, я бы сделала это.

Но, не имея такой возможности, я лишь откинулась на подушку.

– Это и есть то вдохновляющее сообщение, с которым ты пришла сюда сегодня?

У нее хватило совести немного смутиться. Она сложила свою салфетку и принялась разглаживать ее на коленях.

– Просто я прочитала ту статью и подумала, что тебе полезно ознакомиться с этой информацией.

– Зачем? – спросила я. – Что я должна теперь делать? Стараться еще больше, чтобы произошло чудо? Отрицать все законы человеческой физиологии?

– Я просто пытаюсь тебе помочь, – настаивала мама.

– Запугивая меня?

– Я хочу сказать, что нам нужно прилагать еще больше усилий. Нужно смотреть фактам прямо в глаза. Восстановление организма происходит в первые шесть или восемь недель после катастрофы, а ты уже потратила две из них.

– Ты хочешь сказать, что я лентяйка?

– Я хочу сказать, что ты должна бороться в полную силу.

В сумасшествии моей матери всегда была какая-то искаженная логика. И я уловила ее сейчас. Она не *случайно* сообщила мне, что я могу всю свою оставшуюся жизнь провести без секса. Она сделала это нарочно. Она попыталась мотивировать меня. Заставить меня сфокусироваться. Пробудить в моей душе протест и нежелание сдаться.

И самое худшее в этом было то, что она достигла своей цели.

Именно так она и мотивировала меня всю мою жизнь – заставляя меня бояться самого плохого сценария. Она пыталась напугать меня и тем самым побудить к действию.

Надеялась ли я, что смогу заставить позвоночник слушаться меня? Конечно, нет. Можно лишь усилием воли преодолеть что-нибудь? Конечно, нет. Можно ли противопоставить решимость невозможному? Нет, нет и нет.

Но какой у меня был выбор? Конечно, она играла не по правилам. Она вела себя как террорист. Но у нее были добрые намерения, и она не ошиблась. Я не хотела провести остаток жизни в инвалидном кресле. Я не хотела отказаться от всего, о чем мечтала. Я не хотела потерять Чипа.

Подождите, разве так обстояло дело? Превжняя я не хотела потерять прежнего Чипа. Но теперь, думая о нем, я не была уверена, что именно теперешняя я чувствует к теперешнему Чипу. Конечно, в свете маминых откровений было не важно, что я чувствую по отношению к нему. Судя по ее словам, если я не удержу его, я вообще останусь без мужчины. Точка.

Это был ее коронный номер. Если немного страха сможет зажечь во мне костер и вдохновить на подвиги, разве это было так плохо?

Мама почувствовала, как я загорелась. Для дамы, с таким невниманием относящейся к чужим чувствам, она была очень наблюдательна. Она положила недоеденный сэндвич обратно в коробку, подошла к кровати и взяла меня за руку.

– Родная, я знаю, что ты пережила шок.

Я ждала.

– Мы все пережили шок.

Я продолжала ждать.

– Даже Чип.

Вот оно!

– Я беспокоюсь о нем. Он, похоже, – она остановилась, подбирая слово, – дрогнул.

– Что значит дрогнул? – спросила я.

– Думаю, он как бы сбился с пути. Его мать говорит, что он все время пьет, возвращается домой под утро, даже не моется.

Чип постоянно принимал душ. Три раза в день.

Мама сжала мою руку.

– Ваши отношения были особенными.

– Согласна.

– Разве ты не хочешь вернуть их?

– А разве они для меня потеряны?

– Нет, – с силой сказала она. – Конечно, нет. Но... он навещает тебя?

– Редко, – сказала я.

Вообще не навещает.

– Я хочу сказать, что пора поправляться и налаживать свою жизнь.

Почему все должно лежать на моих плечах? Почему бы Чипу самому не поправиться и не начать навещать меня?

– Под «поправляться» ты подразумеваешь «снова начать ходить»?

Она сделала вид, будто эта идея даже не приходила ей в голову.

– Ну, разве это было бы не чудесно? Разве не стоит за это побороться?

Стоит побороться? У меня глаза чуть не вылезли из орбит. Что, по ее мнению, я здесь делала? Играла в компьютерные игры и пила пиво? Я боролась. Каждое утро, проснувшись и вспомнив о том, во что превратилась моя жизнь, я боролась. С каждым вдохом я боролась. Каждую секунду каждого дня я боролась.

Я сделала медленный вдох и задержала дыхание. А потом сказала:

– Я сейчас просто рада тому, что могу самостоятельно покакать.

Глаза мамы расширились, но, прежде чем она успела мне ответить, в дверь постучали.

– Войдите! – хором сказали мы с мамой, продолжая смотреть друг другу в глаза.

Дверь распахнулась, и на пороге с безумным видом появилась Китти.

Мама не видела Китти три года. Не видела ни ее торчавших во все стороны светлых волос, ни татуировок, ни пирсинга. Я даже не уверена, что она сразу узнала ее.

Но когда узнала, она замерла на месте.

Не отрывая от мамы взгляда, Китти вошла в палату и остановилась по другую сторону моей кровати. Я наблюдала за тем, как они пожирают друг друга глазами.

Когда мама снова заговорила, ее голос прозвучал очень тихо:

– Я думала, что ты приходишь сюда только по вечерам.

– Я хотела увидеться с тобой, – сказала Кит.

Мама вопросительно подняла бровь:

– Не могу в это поверить.

– Мне нужно кое-что сказать.

– Мне кажется, что мы уже все друг другу высказали.

– Только не я.

Эти слова пробудили во мне любопытство. Но не в моей маме.

– Как ты можешь заметить, – сухо сказала она, – я сейчас очень занята.

– Я хочу, чтобы ты рассказала Маргарет, почему я ушла из дома.

Мама в упор посмотрела на Кит:

– Нет.

– Она имеет право знать.

– Я не согласна.

– Она злится на меня за то, что я уехала. На *меня!*

– С этим я ничего не могу поделать.

– Но ты можешь сказать ей, почему это случилось.

Так они общались всегда – Кит давила на маму, пока та не взрывалась. На этот раз ждать этого пришлось недолго. Мама немного наклонилась вперед и почти прошипела:

– Разве ей и без этого не пришлось многое пережить?

Когда мама говорила таким тоном, я сразу же затыкалась. Но Кит всегда была смелее меня:

– Не думаю, что ты беспокоишься о ней. Думаю, что ты беспокоишься о себе.

– Это просто нелепо, – сказала мама, отводя глаза в сторону.

И в тот момент я поняла, что о чем бы они с Кит сейчас ни разговаривали, Кит была права.

– Скажи ей, – продолжала давить Кит. – Скажи прямо сейчас. Это продолжается слишком долго.

– Нет.

– Скажи ей, или я сделаю это сама.

Взгляд у мамы был совершенно сумасшедший. Она не ожидала такого поворота событий. И все произошло так быстро – неожиданное появление Кит и ее требования. Только что мама пыталась манипулировать мной и стояла на твердой почве, и вдруг она сама стала объектом шантажа со стороны Кит. Я чувствовала, что у нее голова пошла кругом. Она лихорадочно пыталась найти способ остановить Кит.

Кит повернулась ко мне:

– В тот вечер я уехала потому, что мы с мамой поругались.

– Прекрати, – сказала мама. Все ее тело было напряжено.

– Ну да, – сказала я. – Ты столкнула ее в бассейн.

– Я сделала это потому, что она не хотела ответить на мой вопрос.

– Замолчи! – снова сказала мама, глядя на Кит. – Чем я могу тебе пригрозить? Тем, что больше никогда не стану разговаривать с тобой?

– Ты *уже* не говоришь со мной. И не уверена, что вообще когда-либо говорила.

Но мама продолжала искать способы заставить Кит замолчать:

– Я вычеркну тебя из своего завещания! Не отдам тебе бабушкин рубиновый перстень!

– Мне не нужно твое завещание, – сказала Кит. – И мне не нужен перстень. Мне нужно лишь, – и тут ее голос сорвался на крик, – чтобы моя единственная сестра поняла, что, черт возьми, происходит!

Мама моргнула.

Кит опять повернулась ко мне:

– Помнишь, я какое-то время работала у генеалога?

Я покачала головой:

– Смутно.

– Она занималась тем, что помогала людям отыскать их предков и проследить семейную историю.

Я прищурилась:

– Что-то припоминаю.

Я не понимала, к чему она клонит.

– Она уговорила меня сделать анализ ДНК. У нее была большая скидка в лаборатории. Она как раз посылала им несколько образцов, и я из любопытства решила сделать и свой анализ.

Я нахмурилась:

– Этого я не помню.

– Я не рассказывала вам, – продолжала Кит. – Я вообще никому об этом не говорила. К чему мне было это делать? Результаты не должны были быть особенно интересными.

Это правда. Мы могли проследить свою родословную в той же мере, как и большинство американцев. У мамы были ирландские, английские, немецкие, канадские и французские корни. По слухам, даже индейские, племени гурон. А семья отца, напротив, была исключительно норвежской. Его предки эмигрировали в чисто норвежский город в штате Миннесота, где жители вступали в брак только с местными на протяжении многих поколений. До того дня,

когда отец моего отца переехал в Техас и нарушил семейную традицию.

– Угу, – сказала я. – Значит, ты отправила на анализ свою кровь?

– На самом деле слюну.

Последовала пауза.

Кит посмотрела на маму.

Мама посмотрела на Кит.

– И ты обнаружила что-то интересное? – наконец спросила я.

– Да, – сказала Кит.

Мама затрясла головой:

– Тебе не стоит делать это.

– Нет, стоит! Раз ты не хочешь сама сделать это!

Мама стала шарить глазами по комнате с таким паническим выражением на лице, которого я у нее никогда прежде не видела. Казалось, она искала способ остановить то, что происходило. Но она ничего не могла поделать, разве что силой заткнуть Кит рот.

– Все, что случится, будет на твоей совести, – прошипела она, наконец.

– Ну, – прищурилась Кит, – я думаю, что по меньшей мере небольшая часть этого будет на твоей.

Вся фигура и выражение лица моей матери, казалось, молили о пощаде. Она покачала головой, словно говоря: «Не нужно!»

А Кит склонила голову набок, словно отвечая: «Ты не оставила мне выбора!»

В ответ на это мама шумно втянула в себя воздух и, не сказав больше ни слова, вышла из комнаты, громко стуча каблуками. Ее сэндвич и сумочка остались лежать на столе.

Когда она ушла, я посмотрела на Кит.

– Может быть, тебе не стоит ничего мне говорить, – сказала я. – Может быть, мы просто сойдемся на том, что у тебя были причины, а я пообещаю больше не злиться на тебя.

– Тебе нужно это знать.

Я покачала головой:

– Не уверена, что хочу.

Но Кит кивнула:

– Давно уже пора тебе это сказать.

Я вздохнула.

– Когда я получила результаты анализа, они оказались довольно неожиданными.

Я не понимала, как такая мелочь могла проложить пропасть между мамой и Кит.

– Насколько неожиданными?

– Ты знаешь, как папа гордится своим норвежским происхождением?

– Да, – сказала я. Любой после пятиминутного знакомства с ним уже знал об этом.

– Понимаешь, – сказала Кит, тяжело вздохнув, – в той лаборатории определяли принадлежность к разным народам.

– Понятно.

Кит продолжала:

– Мои результаты полностью подтверждали все, что мы ожидали от мамы: Англия, Ирландия, Восточная Европа – все, что мы и так знали. Но у меня еще нашлись греческие и итальянские корни.

Кит внимательно посмотрела на меня.

Я пожала плечами:

– Ну и что?

– Угадай, каких корней у меня не было? *Скандинавских!*

Я нервно хихикнула. Мне показалось нелепым, что в Китти Якобсен не оказалось скандинавской крови.

Но она лишь сложила руки на груди и смотрела на меня в ожидании, что смысл сказанного дойдет до меня.

– В моей родословной нет скандинавов.

Я нахмурилась. И покачала головой:

– Этого не может быть.

– Подумай немного, – сказала Кит.

Но я не могла думать об этом. Мозг отказывался думать об этом.

– Если наш отец полностью или по большей части норвежских кровей, – продолжала она, – а у меня их нет вообще...

Она сделала паузу.

Я снова покачала головой:

– Это нелепо. Наверное, какая-то ошибка.

Кит серьезно смотрела на меня:

– Это не ошибка.

– Должно быть, в лаборатории перепутали образцы! – сказала я.

– Я так и подумала. И мы повторили анализ. Те же результаты.

– Но этого просто не может быть. Сумасшествие какое-то.

– А потом я предъявила все маме. Три года назад, на той вечеринке Четвертого июля.

Мне показалось, что я сижу в вагоне, который на огромной скорости катится в пропасть.

– И что сказала мама? – спросила я.

– Что она сказала? Она ответила, что я сошла с ума, что я ошиблась, что я испорченная и эгоистичная девчонка. Она сказала, чтобы я от нее отвязалась и что это не мое дело. Она сказала, чтобы я забыла об этом и выбросила результаты анализов в помойное ведро. Что я уже и так почти разрушила ее жизнь. А потом нацепила на лицо огромную фальшивую улыбку и отправилась развлекать гостей.

Я несколько раз моргнула.

– И в тот момент я все поняла. Наш папа мне не отец.

Глава 12

Я потеряла глаза кулаками.

– Этого не может быть.

– Говорю тебе, это правда, – сказала Кит. – В тот момент, когда я сказала это маме, у меня уже не оставалось сомнений.

Она смотрела на меня с грустным видом, словно ей на самом деле не было нужды и дальше пытаться убедить меня. Словно факты говорили сами за себя, и ей оставалось лишь ждать, пока я все не переварю.

– Но послушай, – запротестовала я. Все это казалось мне невозможным. – У тебя же его улыбка! И такое же чувство юмора! И вы оба любите «Матрицу»! И попкорн!

Кит устало посмотрела на меня.

– Все любят попкорн. Это не передается по наследству.

– Это наверняка ошибка.

– Мама была в тот вечер просто вне себя от ярости. Она все отрицала, но делала это с такой злостью, что я поняла, что права. И, конечно же, после этого я напилась, потому что тогда не умела по-другому справляться с проблемами. А потом я столкнула ее в бассейн. Это был не лучший мой поступок. И, когда она вылезла из бассейна, насквозь промокшая, я пошла за ней и стала допрашивать ее, пока она, наконец, не сказала мне правду.

Я долго молчала, а потом спросила:

– И что это была за правда?

Кит посмотрела мне прямо в глаза:

– Я была ошибкой.

Я не отвела глаз.

Кит продолжала:

– Я была просто «несчастливым случаем». С кем-то, кто не был нашим папой.

Воздух со свистом вырвался из моих легких, словно из лопнувшего колеса.

– А папа знает?

Кит покачала головой.

Я попыталась сложить цельную картинку. Мама знала, конечно. Кит тоже знала, уже целых три года. Теперь знала и я. Знали все, кроме нашего папы.

Последовало долгое молчание. Потом, наконец, я сказала:

– Так вот почему ты уехала.

Кит кивнула:

– Я сказала ей, чтобы она сделала выбор. Или расскажет мне правду, или я уеду.

– Это тяжелый выбор.

Кит сердито взглянула на меня:

– Ты что, принимаешь ее сторону?

– Просто говорю, что выбор тяжелый.

– Не для Линды, – сказала Кит. – Она выгнала меня в ту же секунду.

На мгновение у Кит на лице появилось выражение горечи, но она тут же расправила плечи и сказала:

– Ну, да бог с ним.

– Только подумай, – сказала я, – она несла на себе бремя этой тайны все эти годы.

Кит кивнула.

– Должно быть, она пришла в ужас, когда ты предъявила ей результаты анализов.

– Поэтому она и захотела, чтобы я уехала, – объяснила Кит. – Я ведь свидетельствую ее неверности.

– А кто был твоим отцом? – спросила я.

Кит покачала головой:

– Она отказалась сказать мне это.

– Ты расскажешь об этом папе?

– Никогда!

– Но мне же ты рассказала.

– Я рассказала тебе, чтобы ты меня поняла.

Моя голова шла кругом. Мне многое нужно было осмыслить.

– Почему ты ждала так долго?

Кит вздохнула:

– Я не переставала верить, что она расскажет тебе все, но она этого не сделала. И я продолжала верить, что она свяжется со мной и попросит прощения, но и этого она не сделала. К тому же вначале у

меня были более важные проблемы. Мне нужно было пройти курс лечения в реабилитационном центре и выдержать первый год трезвости. А потом я основала салон красоты, и время потекло незаметно. Но правда заключается в том, что я была очень, очень, очень зла. Я думала, что никогда больше не захочу видеть кого-либо из вас.

– Но я-то ни в чем не виновата!

– Да, но ты настоящая папина дочь, а я – нет. Я знаю, это звучит дико, но мне казалось, что ты украла его у меня.

– Но это же неправда!

– Умом я это понимала, – сказала Кит. – Но ум с сердцем не в ладу.

Я попыталась представить себя на ее месте.

– Просто ты была зла на всех.

– На *всех*. И на *все*. Это всколыхнуло во мне все мои прошлые обиды. Я всегда думала, что тебя она любит больше. И, как выяснилось, я была права.

– Это не так, – сказала я, но тут же, уже не в первый раз, подумала, что в этом есть доля правды.

Кит пожала плечами:

– Это неважно. Она, конечно, просто невозможна, но я не хочу потерять и тебя тоже.

– Так, значит, это катастрофа заставила тебя понять, что ты скучаешь по мне?

– Катастрофа заставила меня понять, что я теряю драгоценное время.

– И ты вернулась, чтобы повидаться со мной.

– Но я не могла тебе все рассказать. Мне казалось, что я не имею права распоряжаться чужим секретом. Я хотела дать ей шанс хотя бы как-то объясниться.

– Но почему ты решила сделать это именно сегодня? – спросила я.

Это был закономерный вопрос. С ее появления прошло уже две недели. Почему она вдруг так взбеленилась?

– Сегодня утром в кафешке я столкнулась с Пайпер ПакАллен. Ты помнишь ее?

Я покачала головой.

Кит пожала плечами:

– Противная девчонка из моего класса, а теперь самодовольная мать двоих детей. Она сообщила мне, что все думают, будто я свихнулась и меня поместили в лечебницу для психов. Она сказала это *мне!* В кафешке! Очевидно, весь мир считает, что я повредила в рассудке. И я поняла, что самое время внести некоторую ясность. Я оставила свой кофе на столе и рванула сюда.

Я собиралась было предложить Кит пойти поискать маму, поскольку она оставила на столе свою сумочку, но в этот момент в дверь постучали, и, когда она открылась, на пороге появился наш папа.

Увидев его, я почувствовала прилив нежности и жалости к нему. Он был маминой школьной любовью. Они поженились летом, сразу же после выпуска, а через несколько месяцев родилась Кит. Отец очень хотел поступить в колледж в Калифорнии, но вместо этого записался на флот. И, разумеется, мама тоже оставила надежду поступить в колледж.

Так что ни один из них не смог полностью осуществить свои надежды.

Все это я давно знала, но, как оказалось, это была не вся история. Что подумал бы папа, если бы все знал? Изменило бы это его отношение к нашей семье? К Кит? К маме? Бросил бы он нас, узнав обо всем? Я не могла представить себе нашей семьи без него. Он был ее лучшим представителем.

И в тот момент я мысленно поклялась, что никогда ничего не расскажу ему.

– Привет, девчата, – сказал он, входя в палату. – Посмотрите, кого я нашел!

И из-за его спины показался Чип.

Чип выглядел ужасно, как и говорила мама.

Но даже такой Чип привел меня в трепет. Это было что-то вроде рефлекса Павлова. Вижу Чипа, чувствую волнение. Хочу я этого или нет. Как бы он ни выглядел. Заслуживал ли этого или нет. Это меня даже удивило: мой ум говорил мне одно, а сердце совсем другое.

К тому же только что мама целый час запугивала меня.

Чип нерешительно потоптался на пороге, чувствуя, что они с папой появились не вовремя.

Он выглядел так, словно спал в одежде. Он был небрит, а в руках у него был конверт. Он приветственно помахал Кит рукой, а потом перешел прямо к делу.

Он направился к моей кровати, не сводя с меня глаз. Мы все внимательно смотрели на него.

– Я только что получил этот конверт из Федерального авиационного агентства. – Он поднял конверт над головой. – Они закончили расследование обстоятельств катастрофы. «Ошибка пилота». – Он опустил голову и горько усмехнулся: – Мы и сами могли это им сказать.

– Я думала, что это была «бессмысленная трагедия», – пробормотала я, и Чип непонимающе посмотрел на меня.

– Что у тебя в конверте, сынок? – спросил в этот момент папа.

Чип взглянул на конверт.

– Они разбирают обломки, и мне придется выплатить стоимость самолета. Но они нашли вот это.

Он достал из конверта кольцо своей бабушки и показал его нам. Оно было немного почерневшим от огня.

– Так они нашли его, – сказала я.

– Они узнали о нашей истории из интервью, так что сразу поняли, что это такое.

Я не знала, что сказать. Было очень странно вообще видеть Чипа, особенно такого. Он всегда, всегда был идеально собранным, уверенным в себе и ухоженным, как фотомодель. А этот потрепанный парень, стоявший передо мной, был словно его полной противоположностью.

Не успела я подумать об этом, как мне в голову пришла мысль, что он, возможно, думает то же самое обо мне. Теперь, когда меня никто не захочет трахать, если верить маме.

– Ой, – вдруг сказал он. – Тебя постригли.

Я провела рукой по своим торчащим в разные стороны волосам.

– Да.

Чип пожал плечами:

– Не беспокойся об этом. Они скоро отрастут.

– Чип, – спросила я, – что ты здесь делаешь?

Он снова пожал плечами:

– Я принес тебе кольцо.

Я в шоке смотрела, как он плюхнулся на одно колено, покачнувшись и едва не упав, а потом протянул мне кольцо, как мальчишка, играющий в короля Артура.

– Маргарет, – трагическим голосом начал он, потом оборвал сам себя: – Вот дерьмо! Какое у тебя второе имя?

– Розмари, – подсказал папа из-за кулис.

Чип начал снова:

– Маргарет Розмари Якобсен, у нас был тяжелый месяц. Я очень сильно подвел тебя. Больше, чем могу выразить словами. Но я думаю, что это кольцо символизирует для нас новое начало. Я клянусь, что стану лучше. Я знаю, что смогу стать лучше. И теперь, несмотря на все, что нам довелось пережить, я спрашиваю тебя, перед лицом твоего отца и твоей сумасшедшей сестры: ты выйдешь за меня замуж?

Я знала свою роль. Но я молчала.

Я долго смотрела на этого совершенно другого Чипа. Конечно, маме удалось усилить мое беспокойство относительно моего будущего. Она почти убедила меня, что я могу не получить лучшего предложения, чем то, которое делала мне эта обескураживающая, помятая, слегка пьяная версия мужчины моей мечты. Если бы мама была здесь, она бы уже шипела мне, чтобы я сказала «да» и ухватилась за него, пока он не протрезвел.

Но я не могла это сделать.

Хотела ли я выйти за него замуж?

Я так много лет хотела стать его женой, что уже почти не представляла, как можно *не* хотеть этого. Часть меня по-прежнему хотела этого так же сильно, как и всегда – даже, может быть, больше. Но другая часть была охвачена сомнениями.

Он смотрел на меня. Ждал. Словно говоря: «Ну же?»

Ответ мог быть таким простым. Но для меня больше не существовало ничего простого. Если вообще когда-то существовало.

– Не думаю, Чип.

Его шекспировский накал ослаб, и он поднялся:

– Нет?

– Ты сам сказал, что у нас был тяжелый месяц.

– Я стараюсь сделать его более радостным.

– Я понимаю, но не думаю, что это хорошее решение.

Чип словно съежился:

– Мне так мучительно жаль, что все так случилось. Я не мог предвидеть, что все так обернется. Я отдал бы все-все – чтобы поменяться с тобой местами.

– Дело не в катастрофе, – сказала я.

– Тогда в чем?

– Сколько раз ты навестил меня здесь? – спросила я.

Я на самом деле этого не знала.

Он, казалось, тоже был озадачен.

– Не уверен.

– Три, – подсказал папа. – Если считать ту ночь, когда вас доставили сюда после катастрофы.

Я посмотрела на Чипа:

– Три раза за три недели. Ты что, считаешь, что этого достаточно?

– Просто, – голос Чипа дрогнул, – просто каждый раз, когда я вижу тебя – обгоревшую, изувеченную, – я чувствую себя безмерно виноватым, потому что из-за меня твоя жизнь разрушена. Мне кажется, что я буквально задыхаюсь.

«Неужели?» – подумала я.

– О'кей, – сказала я. – Первое: присяжные еще не вынесли вердикта, что моя жизнь разрушена. И второе: пошел ты к черту. Ты должен был приходиться ко мне в любом случае. Мне наплевать, что ты чувствуешь себя виноватым. Ты должен был проводить со мной каждую минуту каждого дня. Ты должен был спать здесь, и просыпаться здесь, и покупать мне мягкие игрушки в магазине подарков, и приносить мне китайскую еду. *Китти* была мне лучшим другом, чем ты.

Китти бросила взгляд на папу.

Чип опустил голову:

– Прости меня.

– Так что сам понимаешь, почему идея «в болезни и здравии» кажется мне сейчас несколько бессмысленной.

Чип кивнул.

– И дело не в катастрофе, – сказала я, – а в том, что происходило после катастрофы.

– Но ты ведь нерываешь нашу помолвку? – спросил он, посмотрев на меня.

– Но я и не соглашаюсь на эту чертову помолвку.

– Хорошо, можем мы тогда просто отложить ее?

Три пары глаз выжидательно смотрели на меня. Мне хотелось наказать его. Я хотела сказать ему, что между нами все кончено. Навсегда. Я хотела, чтобы все поняли, что я не потерплю такого оскорбительного отношения к себе.

Но вместо этого я лишь вздохнула:

– Хорошо, давай отложим это.

Чип расплылся в улыбке:

– Ну, это уже что-то.

Он не имел права улыбаться. Но я не могла сказать «нет», и мы оба знали это. Я еще не была готова бросить Чипа. Да, он не выдержал испытания. Но я не могла – не хотела – считать это испытание решающим.

– И ты наденешь кольцо? – давил на меня Чип.

Хотела ли я надеть это обгоревшее, помятое кольцо? Не слишком. Это было уже знаком прощения. Но я позволила ему надеть это кольцо мне на палец. Я слишком устала, чтобы сопротивляться. К тому же расстаться одновременно со своим прошлым и со своим будущим было мне пока не под силу.

Когда Чип надел мне кольцо на палец, он издал звук, похожий одновременно на рыдание и на смех. И в этот момент я почувствовала исходящий от него запах алкоголя.

– Оно немного помялось, – пробормотал Чип.

– Зато теперь оно крепче держится на пальце.

– Могу я поцеловать тебя? – спросил Чип.

Я кивнула, но не смогла встретиться с ним взглядом. Я скорее почувствовала, чем увидела, как он наклонился ко мне. Я замерла, собираясь с духом. И, когда его губы коснулись моих, я изо всех сил старалась почувствовать что-нибудь. И кое-что я почувствовала, но не то, что чувствовала раньше, когда меня целовали. Этот поцелуй был просто напоминанием о том, какой была моя жизнь прежде. И мое сердце болезненно сжалось при мысли о том, что, возможно, такой она уже больше никогда не будет.

Глава 13

Когда Чип прижался своими губами к моим, папа и Китти вышли из комнаты, решив, как могли решить и вы, что мы с Чипом хотим остаться наедине.

По правде говоря, я жаждала совсем другого – поговорить с Китти. И обнять папу, чтобы немного загладить нанесенные ему обиды, о которых он даже и не знал. И выяснить, куда, черт возьми, подевалась мама.

Но Чип довольно долго не отрывался от моих губ.

И что-то в его поцелуе спровоцировало зуд на моем лице. Я спрятала руки под одеяло, чтобы напомнить себе, что мне нельзя чесаться.

Я терпеливо ждала, когда Чип решит закончить поцелуй, и в это время в палату вошел Ян.

– Время поцелуев истекло, – объявил он.

Чип поднял голову, и мы оба повернулись к Яну.

Ян всегда выглядел недовольным, но сейчас он был супернедоволен.

– Пора заниматься, Мэгги Якобсен. Может быть, ваш парень поможет вам перелезть в кресло, пока я схожу за кофе.

Я слегка покачала головой, словно говоря: «Не выйдет».

– Он не умеет.

Ян поднял брови.

– В этом нет ничего сложного.

Чип повернулся ко мне:

– Что он сказал?

– Он шотландец, – пояснила я. – Он хочет, чтобы ты помог мне пересесть в кресло. Он говорит, что это несложно.

Чип нахмурился, словно это было еще одно испытание, которое он не пройдет.

– Может быть, вы покажете мне, как это делается, – сказал он Яну.

Ян насупился:

– Вы хотите, чтобы я показал вам?

Чип кивнул, и я, как всегда, угадала, что он думал. Он думал, что таким образом ему не придется делать это самому.

Ян пожал плечами:

– Это не бином Ньютона, парень, но если тебе нужно учебное занятие, я готов. Хотя бы ради Мэгги.

Чип посмотрел на меня:

– Он только что назвал тебя Мэгги?

Я пожала плечами:

– Он не может выговорить «Маргарет». – Я снова повернулась к Яну. – Мне не нужна помощь.

Но Ян покачал головой:

– Нет, нужна.

– Вы раньше говорили совсем другое.

– Раньше я преподавал вам урок.

– Какой? – спросила я. – Типа вы что-то вроде засранца?

Ян прищурился, и я не могла угадать его мысли.

– Нет, урок заключался в том, что вы в состоянии сделать это сами, – сказал он. Потом посмотрел на Чипа: – Но это не означает, что вам не нужна помощь.

Чип повернулся ко мне:

– Я его совсем не понимаю. Такое впечатление, будто у него дефект речи.

Но Ян, не отрываясь, смотрел на меня:

– Поосторожнее на поворотах, малыш.

И тут в дверь постучали, и я услышала папин голос:

– Вы закончили целоваться?

– Да, – хором сказали мы с Чипом.

Папа вошел в комнату, и за ним с потрясенным видом шла мама.

– Смотрите, кого я нашел! Возле автомата с шоколадками!

– А где Кит? – спросила я.

– Ей пришлось уйти, – сказал папа. А потом добавил театральным шепотом: – У нее свидание с Толстяком Бенджаменом.

Мама, стоявшая в нескольких футах позади отца, держала в руке нераспечатанный шоколадный батончик. Она была бледной и выглядела ошеломленной. Я попыталась применить телепатию и передать ей сообщение «Я никогда ему не скажу». Но не думаю, что у меня это получилось.

Папа был очень весел, и то, что он пребывал в блаженном неведении, делало ситуацию еще более грустной. Он обнял маму и

слегка прижал ее к себе. Потом сказал Яну:

– Я тоже хотел бы посмотреть, как пересаживать ее в кресло.

– Ты слышал наш разговор? – спросила я.

– Конечно, – ответил папа. – В коридоре все слышно. Так мы и узнали, что ты закончила мириться со своим красавцем.

– Тогда зачем вы спрашивали, можно ли войти?

Он приподнял брови:

– Чтобы смутить вас.

Ян кашлянул. Потом взял доску и опустил кровать.

Я внимательно посмотрела на Чипа. Рядом с Яном он действительно выглядел как *малыш*. Я всегда считала его «подтянутым» и «стройным», но по соседству с Яном он казался немного тщедушным.

– Главное во всем этом, – сказал Ян, обращаясь ко всем сразу, – просто быть рядом. Нужно дать Мэгги возможность сделать как можно больше самой. Но оставайтесь поблизости. Когда человек, которого вы любите, пытается изо всех сил сделать что-то, всегда возникает искушение оказать ему по возможности большую помощь. Но вы должны помнить, что только собственные усилия делают ее крепче.

Я пристально посмотрела на Яна. Мне могли грозить многие вещи, но «по возможности большая помощь» уж точно не была в их числе.

Но Ян не смотрел на меня. Он глядел только на Чипа, пытаясь смутить его.

– Самое главное, – повторил он, – быть рядом.

Отвернувшись от Чипа, он похлопал рукой по доске и поманил меня пальцем.

Я отбросила одеяло, и из-за того, что на мне была особая сорочка, подходящая для моих туалетных дел, все увидели мои голые ноги.

Чип видел эти ноги тысячи раз, ласкал их, целовал, один раз даже брил в порядке эротического эксперимента, что оказалось на практике не так интересно, как в теории. Но теперь это были не те ноги, которые он знал. Даже за короткий промежуток времени они атрофировались до такого состояния, что стали напоминать ноги новорожденного теленка – тощие, мягкие и непослушные.

Мне стало стыдно при этом зрелище. Я ненавидела их. Мне хотелось ударить по ним кулаками. Мне хотелось избить их до

синяков.

Но Ян оставался невозмутимым:

– Вам понадобятся брюки для занятий, детка.

Я указала маме на шкаф, и она отыскала спортивные брюки и мой последний чистый бюстгальтер – ярко-розовый в тигровую полоску. Она также достала одну из футболок, у которых мы отрезали левый рукав и распорили верхний шов.

Ян принялся осторожно помогать мне надеть брюки, и, когда нужно было просунуть их под моей попой и натянуть на бедра, он наклонился, чтобы я могла руками обхватить его за шею. Я вдохнула его восхитительный запах. Похожий на аромат имбиря. Сладкие кондитерские специи и легкий мускусный шлейф.

Не могу выразить это словами, но когда в ресторане к вам подкатывают тележку с десертами, вы сразу же понимаете, чего именно хотите. *Вот это*. И я так же отреагировала на его запах. Вот это.

Когда пришла очередь надевать верхнюю часть туалета, мы с мамой попросили мужчин выйти из комнаты.

– Даже я? – спросил Чип.

– В особенности ты, – ответила я.

Спустя несколько минут, когда мужчин снова впустили в палату, я уже была одета, как для занятия аэробикой, при этом бретелька моего бюстгальтера со стороны обгоревшего участка шеи и плеча болталась у меня под мышкой. На обычной девушке этот наряд выглядел бы сексуально. На мне он смотрелся очень грустно. Мама пообещала привезти на следующий день что-нибудь более подходящее.

Ян начал свой урок, но я даже не слушала его. Я была слишком занята тем, чтобы еще раз уловить аромат его тела.

Позже, в физкультурном зале, когда Ян работал с моими ногами, я сказала:

– Простите, что я назвала вас засранцем.

Ян даже не взглянул на меня:

– Вы назвали меня «чем-то вроде засранца». Это другое.

– Не совсем.

Если бы он был нормальным человеком, это могло бы послужить началом диалога, но Ян промолчал. Мы продолжили заниматься, и я с

завистью смотрела, как другие тренеры разговаривают со своими пациентами, подбадривают их, заигрывают с ними. И я чувствовала себя так, словно мне чего-то недодали.

Каждая моя попытка начать разговор заканчивалась неудачей.

– Вы женаты? – спросила я.

– Нет.

Я ждала продолжения.

Ни слова больше.

Неловкая пауза.

И снова я:

– А дети у вас есть?

Он стиснул зубы.

– Нет.

Пауза.

Я:

– Хобби? Что вы делаете в качестве развлечения?

Следующая пауза была такой долгой, что я подумала, что он вообще мне не ответит. Это был самый трудный разговор, который я могла себе представить. Наконец он сказал:

– Триатлон.

– Вы занимаетесь триатлоном. В качестве развлечения.

– В качестве вызова.

– А в качестве развлечения?

– Вызовы *и есть* развлечения.

В целом я бы сказала, что разговор со мной доставлял ему такое же удовольствие, как разговор с Майлзом. Но, черт возьми, я же была не Майлзом! Я не дразнила его. Не провоцировала его. Не пыталась разозлить его.

Ну, может быть, немножко и пыталась.

В то время я не осознавала, что замкнутость Яна благотворно действовала на меня. Когда некоторые люди – не все – пытаются убежать, это вызывает в вас ответное желание догнать их. Так было и с Яном – он был таким отчужденным, что это заводило меня.

Я сделала еще одну попытку:

– Спасибо, что показали моим родным, как пересаживать меня в кресло.

Ничего.

– Моя семья сейчас немного напугана.

Но он даже не кивнул. Он массировал мои лодыжки и даже не поднял голову.

Я предприняла решительный шаг:

– Вы знаете, что можно пить свою мочу?

Он с удивлением вскинул голову, и на его лице мелькнула растерянная улыбка, но он тут же снова склонился над моими ногами.

– Нет, этого я не знал, – сказал он, продолжая работать.

Но теперь я уже знала, что он умел улыбаться. И мне захотелось заставить его улыбнуться еще раз.

– И ею красят некоторые твидовые куртки.

Ничего.

– А древние римляне чистили ею зубы, чтобы отбелить их.

Когда и это не вызвало никакого ответа, я бросила беглый взгляд на его лицо, чтобы выяснить, не пытается ли он сдержать улыбку. Он пытался.

Он надел мне на лодыжки эластичную ленту и повернул меня на живот. А потом сказал, чтобы я попыталась дотронуться пятками до своих ягодиц, преодолевая сопротивление ленты, которую он держал в руке. Очевидно, это должно было укрепить мои подколенные сухожилия, которые все еще работали.

– Вы хотите, чтобы я дотронулась пятками до своей задницы?

– Просто попытайтесь.

– И мне необязательно дотрагиваться до задницы?

– Нет.

– Вы хотите сказать, что попытка важнее результата?

– Всегда.

Последовало очередное долгое молчание, во время которого я тщетно пыталась дотронуться пятками до своего зада.

– Вы не слишком разговорчивы, – сказала я, наконец.

– Я не люблю разговаривать во время работы.

– Другим, похоже, это удается без труда.

– Я не другие.

– Это видно.

– Мы здесь для того, чтобы сделать вас сильнее. А не для того, чтобы обмениваться шутками.

И в это время остальные тренеры расхохотались над какими-то словами одного из пациентов.

Я посмотрела Яну в глаза:

– Хорошо.

Но я не могла просто так сдаться. Я никогда, никогда не чувствовала себя комфортно в обществе молчаливых людей. Я всегда заводила разговор со всеми – с массажисткой, с маникюршей, даже с таксистами. Я не могла находиться в обществе других людей, особенно тех, которых я мало знала, и не разговаривать, хотели они этого или нет. Я наблюдала, как другие тренеры так участливо беседовали со своими подопечными. Если бы кто-то из них занимался со мной, возможно, я была бы более пассивной и не так старалась поддерживать разговор. Но, оказавшись в обществе чемпиона по молчанию, я почувствовала, как моя навязчивая потребность говорить рвется наружу. И я начала болтать без умолку, как сумасшедшая.

Очевидно, я решила в тот момент, что хоть что-то будет лучше, чем ничего.

Поэтому я произнесла целый монолог, обращенный к потолку, пока Ян заставлял меня толкать ногами разнообразные предметы.

– Вы знаете, что я обручилась в тот самый день, когда произошла катастрофа? Наверное, знаете. Похоже, все в курсе. Медсестры постоянно об этом говорят. Я слышу, как они разговаривают в коридоре. Им жалко меня. Но они не представляют, каково это – оказаться на моем месте. И это смешно, потому что я сама это не совсем представляю. Один и тот же день стал самым счастливым в моей жизни и самым несчастливым. И как это отразится на моей свадьбе? Если она вообще состоится? Если мой принц на белом коне не превратится в отъявленного алкоголика и не умрет в канаве. А теперь я ношу это кольцо, хотя вовсе не хочу этого. А может быть, хочу. Я больше не знаю, какая я есть. Я привыкла быть бойцом. Я участвовала в трех марафонах. Я не заняла никакого места, но я научилась заставлять себя бороться до конца. Я знаю, что такое преодолевать себя. Когда мне приходилось нелегко, я отправлялась на пробежку. Я бегала в дождь. Я бегала ночью. Или в четыре часа утра. А что мне делать теперь? Отправляться *покататься в кресле*? Я не могу двигаться. Я едва могу дышать. Но кто я такая, чтобы жаловаться? Есть девушки, которых продают в рабство. Есть дети,

которых бьют. Половине мира приходится тяжелее, чем мне. Но я то чувствую себя раздраженной и плаксивой, то начинаю размышлять о том, какие на мою долю выпали нечеловеческие страдания. Я никак не могу принять то, что случилось со мной. Я знаю лишь, что моя жизнь круто изменилась. Все стало не таким, как прежде. Вкус еды кажется не таким, как прежде. Голоса кажутся не такими, как прежде. То, что мне раньше нравилось, теперь я ненавижу. А то, что я ненавидела, я ненавижу по-прежнему. Я не хочу никого видеть. Я не хочу ни с кем разговаривать. На моем телефоне сейчас около пятидесяти сообщений, на которые я не хочу отвечать. Я ненавижу себя, и я ненавижу всех остальных. Я думаю о том, что хорошо было бы умереть. Мне это кажется самым простым выходом. Но в то же время я не хочу умирать. Просто и жить я тоже не хочу. Моя мама говорит, что единственный способ поправиться – это твердо верить в то, что я поправлюсь. Стать таким маньяком, которого не останавливают даже законы природы. Но когда я смотрю на эти макароны, которые прежде были моими ногами, я не могу в это поверить. Это все равно что заставить себя поверить в то, что небо зеленое. Но небо не зеленое, знаете ли, и я не могу притвориться, что оно зеленое. Я знаю только одно – я больше ничего не чувствую, даже надежды.

Где-то посреди своего монолога я закрыла глаза. И когда я истощила весь свой словарный запас и замолчала, я заметила, что Ян оставил мои ноги в покое. Он больше не дотрагивался до меня. Он что, куда-то ушел? За кофе? Или его дежурство на сегодня закончилось? Я знала, что он меня не слушает. Но то, что его даже не было рядом, задело меня.

Я открыла глаза и обнаружила, что он склонился надо мной, протягивая руки.

– Сядьте, – не глядя на меня, сказал он таким тоном, будто я раздражала его.

Я взяла его за руки, но он не попытался помочь мне. Он просто крепко сжимал мои руки, пока я не села самостоятельно.

А когда я, наконец, смогла принять сидячее положение, он отпустил меня.

Потом он наклонился и впервые за весь день встретился со мной взглядом. Он пристально смотрел мне в глаза, пока полностью не завладел моим вниманием. А потом сказал:

– Будете ли вы ходить или нет, я абсолютно уверен лишь в одном.
Я несколько раз моргнула.

– В чем же?

Он глубоко вздохнул:

– Людей излечивает *стремление к цели*. Это все, что вам нужно делать. Просто стремитесь вперед.

И больше он не сказал мне ни слова в течение всего оставшегося дня.

Глава 14

Позже я почувствовала себя неловко.

Я *достала* его своей болтливостью. Он явно не хотел разговаривать со мной, и он уж точно не просил, чтобы я утомляла его своей жалостной историей. Все это время у него было каменное лицо, а после того, как я закончила свой монолог, он был еще решительнее настроен оставаться бесстрастным.

И, учитывая все это, его слова «людей вылечивает стремление к цели» на самом деле застряли у меня в голове.

На следующее утро, по каким бы то ни было причинам, я проснулась с намерением вылечиться.

В этот день, после всех рутинных утренних процедур, я провела «час отдыха», который раньше использовала для того, чтобы тупо смотреть в пространство, за поиском в Интернете статей о повреждениях позвоночника. Моя мама была не единственным человеком, умевшим читать. Я начала с Фонда Кристофера Рива^[8], а потом стала читать все подряд – о перспективах, терапии, стратегии, оборудовании, одежде и теории эксперимента. Я обогатила свой лексикон новыми терминами, такими как «ветвление коллатеральных нервных волокон» и «нейрогенез», и выучила наизусть названия и номера всех позвонков. Я внимательно изучила анатомические таблицы со строением человека и особенно его позвоночника. Я набрала в поисковике фразы «травмы позвоночника» и «чудесные исцеления» и прочитала все статьи, которые читала мама, и даже те, которые она не читала. Я сознательно уговорила себя почувствовать воодушевление. И составила список причин, по которым должна была испытывать надежду. Я заставила себя посмотреть на небо и убедиться, что оно зеленое.

И потом, в такие моменты, случались ли они вечером, когда мои мышцы болели после занятий с Яном, или ранним утром, когда я просыпалась и не могла снова уснуть, я чувствовала себя немного прежней. Потому что именно таким образом я преодолевала все проблемы в своей жизни – безупречной организацией и неумной движущей силой. Я попросила Кит купить мне картотеку и упаковку

шариковых ручек. И заставила папу подключить принтер к моему компьютеру. И я начала распечатывать статьи, раскладывать их по разным папкам и надписывать маркерами.

Моя мама высказала здравую мысль – у меня не было времени на то, чтобы оплакивать свою судьбу. Все, что я читала, подтверждало ее слова. Возможность исцеления существовала, и было глупо на это не надеяться. Я потеряла больше двух недель, пребывая в ступоре, а страховка покроет еще только четыре. Значит, в моем распоряжении был месяц. Месяц для того, чтобы приложить все возможные усилия и попытаться вернуться к прежней жизни.

В одной статье я прочитала, что нужно разговаривать со своим телом и объяснять ему, чего ты хочешь. Я стала делать это. В другой статье предлагалось массировать свои ноги, чтобы пробудить нервные окончания. Это я тоже стала делать. А еще в одной статье говорилось, что нужно составить список конкретных целей и вычеркивать их по мере достижения, и я так и поступила.

Вот что у меня получилось:

- пошевелить пальцами ног
- вытянуть носки вперед
- сжать пальцы ног «в кулак»
- сделать круговое движение стопами
- напрячь икроножные мышцы
- сделать шаг
- простоять 5 минут без посторонней помощи
- снова начать ходить

Изо всех пунктов этого списка я могла с некоторой натяжкой выполнить лишь один – я могла стоять на ногах около двух минут, но только если я держалась за что-нибудь или за кого-нибудь. Но все равно, стоять на своих ногах было замечательно. Многие люди не могут сделать это.

Но из всех советов, которые я прочитала, и из всех мысленных упражнений, которые я освоила, больше всего мне понравилась визуализация моей конечной цели. Я повторяла это упражнение снова и снова. Знаете, какой была моя конечная цель? Ласковым весенним днем выкатиться на кресле из больницы, чтобы отправиться домой, и наткнуться на Чипа.

В моем воображении я всегда была одета в свои любимые джинсы и серо-голубую рубашку с воротником, которая скрывала все мои шрамы. А Чип направлялся за мной в больницу, но застыл на месте, увидев меня, потому что я выглядела намного лучше, чем он ожидал. Вдали от тошнотворных больничных ламп и сиреневых стен, освещенная солнцем, которое согревало мою кожу в первый раз за такой долгий период времени, я буквально сияла. И он внезапно смотрел на меня не как на инвалида, которого все жалеют, а как на меня прежнюю. И в эту секунду, когда он был ошеломлен этим зрелищем, я вставала с кресла и делала шаг по направлению к нему. Потом еще шаг и еще, и он был так потрясен, что едва мог дышать.

Вот оно! Грандиозный финал! Я снова была такой же, как прежде, и даже намного лучше. Потому что теперь я всех поразила. Я совершила невозможное. Я вернулась из ада и стала мудрее и сильнее. И я была чертовски благодарна за те дары, которых в обычной жизни мы не замечаем.

Глядя на меня, Чип испытывал благоговейный трепет, который быстро сменялся чувством страстной любви. И тут в моей фантазии наступал кульминационный момент. Потому что, идентифицируя себя с ним, я начинала испытывать те же чувства. И это было огромным облегчением, потому что к моему изувеченному, неработающему телу в эти дни я испытывала только презрение. Нет, подождите, «презрение» – это слишком слабо. Мне нужно более сильное слово. Разочарование. Отвращение. *Ненависть*.

Но в моих фантазиях этого уже не было. Все эти чувства сменялись восхищением. И я так явственно видела это восхищение на его лице, что тоже начинала чувствовать его. И это было настоящим блаженством. Я подседала на это чувство, которое заставляло меня снова и снова возвращаться к этому моменту. Чип был поражен моей силой и решительностью. А потом я падала в его объятия, и он целовал меня, и таким образом я справлялась еще с одним вызовом. И даже мои волосы становились такими, как раньше, даже лучше, потому что *почему бы и нет?*

И, как уверялось в статье, это не было потаканием своим желаниям. Это было терапией.

Я должна была видеть то, чего мне так хотелось. Я должна была *захотеть* того, чего мне хотелось. Я должна была визуализировать то,

к чему стремилась. И чем больше я проводила времени, концентрируясь на этом, тем сильнее становилась моя решимость двигаться к цели. И я позволила себе страстно желать вернуть свою прежнюю жизнь, основываясь на теории, что чем больше я этого хотела, тем сильнее становилась в своем намерении получить это.

Было ли то, что в центре моих фантазий был Чип, отчасти антифеминизмом?

Возможно.

Можно сказать и так. Можно считать, что это было фантазией на тему «быть спасенной принцем на белом коне». Хотя в действительности в моих мечтах Чип не спасал меня. Он просто замирал в благоговении. Я все делала сама. Наверное, мой профессор в колледже указал бы на то, что все мои достижения не имели бы для меня смысла или значимости, если бы не были высоко оценены мужчиной. Безусловно. Ладно. Это справедливо. Может быть, мне нужно будет впоследствии поработать над этим. Но у меня было всего четыре недели, и эта визуализация была мощным стимулом. А я должна была использовать все возможные средства для движения к своей цели.

И то, что я поставила перед собой эту цель, помогло мне почувствовать, что все находится в моих руках. Это вернуло мне ясность мышления. Возможно, самым плохим в прошедших двух неделях было то, что я утратила способность мыслить здраво и стала пассивной и растерянной.

Как-то вечером Кит вошла в мою палату с целой охапкой статей о пользе пения для здоровья и плюхнула ее на стол.

– Я весь день просидела в Интернете, – сказала она, – и провела исследование на тему, почему ты должна петь.

Я мрачно посмотрела на стопку бумаг:

– Я не буду петь, Кит.

Она взяла со стола несколько статей:

– Здесь рассказано о положительном влиянии пения на эмоциональную сферу.

– Мне это неинтересно.

Она взяла со стола еще несколько статей:

– А здесь описано положительное влияние пения на социальную сферу.

Я покачала головой:

– Мне наплевать.

Она подняла последние статьи и приняла позу статуи Свободы:

– А вот эти посвящены положительному воздействию пения на физическое состояние.

Я вздохнула.

Кит принялась загибать пальцы на руке:

– Во-первых, пение высвобождает окситоцин, дофамин и эндорфины. Во-вторых, снижает уровень тревоги и депрессии. В-третьих, борется со стрессом и регулирует работу эндокринной системы. В-четвертых, оно насыщает кровь кислородом и улучшает сон. В-пятых, повышает уровень антител и укрепляет иммунную систему. И, наконец. – Она шагнула ближе ко мне, чтобы произвести большее впечатление.

– Только не говори мне, что оно делает тебя счастливой.

Но она сказала:

– ...оно делает тебя счастливой.

Я откинулась на подушку:

– Я не хочу быть счастливой.

– Хорошо. Не будь счастливой. Но все равно пой. Потому что это полезно для твоего здоровья во всех отношениях.

– А пение снижает воспалительный процесс в позвоночнике?

– Нет данных, указывающих на то, что не снижает.

Нужно было отдать ей должное. Она основательно подготовилась. Эта девчонка собиралась заставить меня петь, даже если в процессе я могла умереть. Она рассказывала мне о проведенных исследованиях. Она приводила вдохновляющие примеры. Она обрушила на меня шквал статистики. Исследователи в Дании – или в Голландии? – проследили судьбу трехсот онкологических пациентов, половина из которых пела в хоре по меньшей мере трижды в неделю, а другая половина не пела. У поющих пациентов выросла вероятность ремиссии, и они проживали в среднем на полгода дольше, чем непоющие.

Когда я начала протестовать, она сказала:

– Знаю, знаю. Тебе сейчас не до пения. Но знаешь что? Похоже, ты думаешь, что можешь петь только тогда, когда ты *уже* счастлива. Но я уверена, что само пение может *сделать* тебя счастливой. И, похоже, наука подтверждает это. К тому же пара лишних эндорфинов тебя не убьет.

– Послушай, я просто не думаю, что смогу когда-либо снова почувствовать себя счастливой.

– Думаю, что сможешь.

– Почему ты так давишь на меня?

– Потому что ты любишь петь.

Я и вправду *раньше* любила петь.

– Я люблю петь не больше остальных.

– Неправда. Это в тебе говорит наша мама.

Я посмотрела на нее, как на сумасшедшую:

– Мама никогда не говорила об этом.

– Верно. И не ценила и не поощряла это. И не признавала твой талант.

– У меня нет таланта. Я обычный человек.

Кит кивнула и добавила:

– С большим диапазоном голоса.

– У меня нет большого диапазона.

– Ты можешь брать *любые* ноты. Любые! Ты что, думаешь, что всякий на это способен?

Я пожала плечами:

– Нет. *Никто* этого не может.

– Подумаешь, какая важность.

– Да, важность. Тебе не следовало зарывать свой талант в землю.

А теперь ты будешь петь, или мне самой начать?

Но она даже не стала ждать моего ответа. Она просто не давала мне времени опомниться. И когда она исчерпала все свои доводы, она нажала на кнопку «play» на своем телефоне, и заиграла песня «Let It Be».

Она знала, что я не смогу устоять перед этой песней.

Она начала петь, а я наблюдала за ней, скрестив руки на груди и сжав губы. А потом она стала нарочно путать слова, и я не удержалась и стала поправлять ее. А она от души веселилась. Она снова и снова

путала слова, а я снова и снова поправляла ее. И, наконец, песня закончилась.

– Ты догадываешься, что она у меня стоит на повторе?

И когда снова зазвучали глубокие и задушевные ноты рояля, которые напомнили мне о детстве и о том, как мы слушали старые пластинки нашего папы, я откинулась на подушку и устремила взгляд в потолок. Я очень любила эту песню. Она всегда утешала меня. И я решила, что, если немного попою, это меня не убьет.

– Хорошо, – сказала я, – только сейчас пой правильно.

– Как скажешь.

И мы запели.

И я действительно стала легко брать все высокие ноты.

Сделало ли это меня счастливой? Должна признать, что это не сделало меня несчастной.

И когда песня закончилась, мы снова повторили ее.

Глава 15

После этого моя жизнь потекла в соответствии со сложившимся графиком.

Первым делом каждое утро я пыталась пошевелить пальцами ног, что мне никогда не удавалось. Потом меня обтирали губкой, перевязывали и накладывали мазь «Сильваден». После этого приходила Прийя, которая была очень довольна моими успехами. Я уже без особого труда пересаживалась в кресло, чистила зубы, ходила в туалет, надевала кроссовки и завязывала шнурки, надевала и снимала носки и натягивала спортивные брюки. И у меня хорошо получалось управлять моим креслом. Я уже умела вписываться в крутые повороты и ездить по выложенной булыжником мостовой, и мне предстояло лишь научиться заезжать на тротуар и съезжать с него, а также преодолевать ступеньки. После этого Прийя должна была перенести наши занятия в специально оборудованную кухню, где я училась бы печь себе печенье.

Она также настаивала, чтобы я начала учиться вязать.

– Вязать? – спросила я.

– Иметь хобби очень полезно, – ответила Прийя.

В середине дня я всегда обедала с родителями, которые с неизменным оптимизмом кивали, когда я рассказывала им о прочитанных в Интернете историях о людях с такими же повреждениями, как у меня.

А после этого наступало время занятий с Яном, который продолжал молчать. Мы использовали почти все тренажеры, которые находились в физкультурном зале. Каждый день мы работали на велосипеде и на матах. Я также освоила параллельные брусья и гимнастические кольца. Он даже несколько раз заставлял меня заниматься на вертикализаторе. Он пристегивал меня ремнями к металлической раме, расположенной над бегущей дорожкой, а ноги ставил на дорожку и помогал мне ходить по ней.

Идея заключалась в том, что позвоночник и даже все мышцы имели собственную память. Ходьба, в теории, была таким привычным для человека движением, что мозг практически в этом не участвовал. Так что это было почти рефлексом.

Но мои ноги оставались безжизненными. Несмотря на все мое чтение, изучение строения скелета, на все поставленные мною цели, улучшение было минимальным. Однажды мне показалось, что я шевельнула большим пальцем ноги, но рядом не было никого, кто бы мог видеть это. А один раз, когда я занималась на велосипеде, мне почудилось, будто я нажала стопой на педаль. Но когда я попыталась повторить это движение, у меня ничего не вышло. И в таких случаях я падала духом. Все, что находилось выше колен, работало довольно хорошо. Но ниже колен мои ноги были обмякшими, как у тряпичной куклы. Но мама принесла мне несколько статей, в которых говорилось, что временно падать духом – это нормально. Это происходит в те моменты, когда тело просто приспособливается к прошлым достижениям. Так что я продолжала надеяться на успех.

Ян стал неизменным предметом наших с Кит разговоров по вечерам. Она всегда хотела знать все о его невольных улыбках, о вырвавшихся у него словах, обо всех случаях, когда в нем мелькало что-то человеческое. Мы провели так много времени за этим психоанализом, что выдвинули теорию: женщины обсуждают мужчин для того, чтобы отвлечься от реальных проблем в их жизни. Разговоры о Яне стали таким приятным отвлечением в то время, когда других возможностей отвлечься у меня не было.

Возможно, мы должны были бы разговаривать о Чипе. Но в тот момент я не находила в нем ничего, что могло бы апеллировать к моим чувствам. Несмотря на все свои обещания, за неделю он нанес мне лишь три коротких визита. В одном случае он даже не присел, а в двух других сидел так напряженно, словно ждал, когда зазвонит школьный звонок. И он как нарочно выбирал для своих посещений самое неудачное время: когда приходил санитар, чтобы обтереть меня губкой, или когда Прайя заставляла меня надевать и снимать мои спортивные брюки, или когда я направлялась в туалет. Было видно, что он чувствует себя неловко в моем присутствии, и после непродолжительного визита он сухо целовал меня и с облегчением уходил. Я весь день ждала его, постоянно краешком глаза поглядывая на дверь в надежде, что он вот-вот появится. Но когда он, наконец, приходил, я начинала почти с таким же нетерпением ждать его ухода.

И все это сбивало меня с толку, мягко выражаясь.

Ян был куда более интересным предметом для разговоров. Он казался таинственным вымышленным персонажем. Чип же, со всеми его недостатками, был слишком реальным.

После долгих обсуждений Кит выдвинула интересную теорию касательно Яна. Она уверяла, что внутри его был спрятан веселый человек, который скребся по его ребрам, чтобы вырваться наружу. Она назвала это «теорией о красавице и чудовище» и настаивала, что в прошлом с ним произошло что-то ужасное. Но я была с этим не согласна. У меня была другая теория, согласно которой он провел детство в каком-то шотландском приюте, где ему слишком долго не уделяли внимания. Поэтому у него просто не было навыков общения с окружающими людьми.

– А он и вправду сирота? – спросила Китти.

Я пожала плечами:

– Понятия не имею.

И каким бы ни был Ян на самом деле, его общество шло мне явно на пользу.

В течение дня я мало разговаривала с другими сотрудниками больницы, но когда появлялся Ян, я выплескивала наружу все мысли, теории, мечты и суждения, которые накопились у меня с прошедшего вечера. Отчасти это было из-за того, что я плохо переносила долгое молчание. Но я все чаще стала замечать, что мне нравилось играть с ним. Это было все равно что провоцировать стражника у Букингемского дворца. То, что он никак не реагировал на мои слова, только подогревало меня. Я хотела добиться от него хоть какой-нибудь реакции. Я пробовала шокировать его. Я пробовала удивить его. Я пробовала шутить с ним. Его каменное лицо все больше искушало меня. Он не отвечал мне, но он меня слушал, и в предвкушении нашего очередного занятия я стала искать в Интернете всякие забавные факты, чтобы всегда быть наготове с новым материалом.

– Вы знаете, – говорила я, – что у осьминогов три сердца?

И, не получив ответа, продолжала:

– А вы знаете, что отпечаток человеческого языка так же уникален, как и отпечаток пальца?

А когда он продолжал молчать, я делала следующую попытку:

– А вы знаете, что в Японии есть подводный почтовый ящик?

Это было единственным временем в течение дня, когда я чувствовала себя почти что прежней. Это было единственным временем, когда туман вокруг меня рассеивался. Дразнить его было так интересно, что я почти забывала о своих проблемах даже в тот момент, когда пыталась пройти от одного конца параллельных брусьев до другого.

Это время должно было бы быть худшим за весь день, потому что мне не удавалось выполнить ни одного задания Яна. Но почему-то оно было самым лучшим.

На той же неделе с моей груди сняли повязки, с тех участков под ключицами, откуда брали кожу для пересадки. Теперь в дополнение к тому шоу ужасов, которое представляло собой мое тело, добавились два жутких мясистых шрама, похожих на сырой бекон. Но, по крайней мере, мое лицо становилось все лучше. Два волдыря на моем подбородке подсохли и превратились в корочки. Корочки, конечно, более заметны, чем волдыри, но я двигалась в правильном направлении, и все остальное мое лицо больше даже не выглядело обожженным. Оно, безусловно, страшно чесалось, как и предупреждал врач, но я никогда не чесала его.

Китти продолжала появляться по вечерам с разнообразной едой, как из наших с ней любимых ресторанов, так и из таких, о которых я даже не слышала. Она не обошла стороной ни одну кухню мира. Она приносила эфиопские блюда, индийские, тайские, мексиканские, итальянские, японские, французские и вьетнамские. Она словно задалась целью удивлять и радовать меня.

Она также загорелась идеей Прайи о пользе вязания. И она настаивала, чтобы я вязала шарф во время просмотра наших с ней любимых мюзиклов. И я даже больше не сражалась с ней по поводу пения. Я без какого-либо протеста начинала петь при первых же звуках любой песни, сначала потихоньку, а потом все громче и громче.

Шарф, который они заставили меня вязать, получался просто чудовищным. Я думала, что выбрала голубые нитки, но на поверку они оказались просто серыми. И в результате конечный продукт напоминал огромного слизняка, покрытого опухольями.

– Мы украсим его помпонами, – сказала Кит. – Не расстраивайся.

По правде сказать, в некоторых отношениях я довольно быстро вернулась к своим прежним привычкам и наклонностям. Я, как и

раньше, находила окружающих людей интересными, а разговоры с ними – самым лучшим способом отвлечься. И когда появлялся кто-то, с кем можно было поговорить, я начинала болтать без умолку, смеяться и шутить. И в такие моменты я чувствовала себя не то чтобы хорошо, но, по крайней мере, лучше, чем обычно.

Но бывали и серые, мрачные моменты, когда я чувствовала себя очень плохо. Не буду этого отрицать. На самом деле, таких моментов было очень много. И я с трудом пыталась заставить себя не впадать в уныние. Когда я оставалась одна, или когда видела по телевизору что-то, что напоминало мне о моей прошлой жизни, или когда просыпалась утром и вспоминала, где нахожусь, меня охватывало отчаяние. И таких моментов в моей нынешней жизни было большинство.

Как-то днем, в перерыве между моими утренними занятиями с Прией и обедом, в то время, которое я привыкла посвящать дневному сну, ко мне заявила неожиданная посетительница. Ивлин, мать Чипа.

Она пришла, когда я спала, и принялась громко двигать стул для посетителей, а когда я открыла глаза, с напускным удивлением спросила:

– Ты что, спала?

Она отлично знала, что я спала.

– Да.

– Похоже, мой приход удивил тебя?

Удивил. Все это время, пока я находилась в больнице, я виделась только с самыми близкими людьми. Это был мой осознанный выбор.

– Просто я не принимаю посетителей.

– Я сказала им, что я твоя свекровь. Будущая.

– Очевидно, это сработало.

Она не видела меня с той поры, как я лежала в блоке интенсивной терапии.

– Ты выглядишь намного лучше.

Ее слова были добрыми, но взгляд был испытующим. Она пристально изучала меня, и мое лицо внезапно начало чесаться под этим взглядом. Она продолжала:

– За исключением этих шрамов на шее и – о, боже!

Она увидела участки под моими ключицами, с которых брали кожу на пересадку. Она невольно отступила на шаг и попыталась восстановить хладнокровие.

– Им что, пришлось обрить твою голову? – спросила она спустя некоторое время.

– Нет, – сказала я. – Это просто такая модная стрижка.

– Я уверена, что твои волосы скоро снова отрастут.

– Я планирую сохранить эту прическу. Мне она нравится.

– Ну что ты! – сказала Ивлин. – Она чересчур мужская.

– Я считаю, что это прикольно.

– Не сомневаюсь, что ты передумаешь, когда придешь в себя.

Мать Чипа была во многом похожа на мою. Чрезмерно собранная. Чрезмерно сфокусированная на том, как все выглядит, а не на том, какие чувства люди при этом испытывают. Чрезмерно требовательная как к себе, так и к окружающим, но слишком хорошо воспитанная, чтобы сказать об этом во время светской беседы.

Но все же иногда и она допускала забавные оплошности.

Я знала ее достаточно долго для того, чтобы понимать, о чем она думает. Она и моя мама вместе играли в теннис, вместе делали педикюр и очень дорожили своей дружбой. Они уже десять лет жили в соседних домах, и за все это время, по-моему, у них не было ни единой размолвки. То, что две такие женщины оказались соседками, было по-настоящему удивительным совпадением. У них были одинаковые взгляды почти по всем вопросам, и суть всех их разговоров сводилась к тому, чтобы поддержать мнение друг друга. Можете себе представить?

Конечно же, у них были виды на нас с Чипом. Они, безусловно, мечтали стать одной счастливой семьей.

И поэтому я не ждала никакого подвоха, когда она нахмурилась, немного придвинулась ко мне на своем стуле и сказала:

– Я хочу поговорить с тобой о Чипе.

Слышать его имя было для меня странно. Во время его последнего посещения я заметила, что он снова начал принимать душ. И это показалось мне некоторым прогрессом. Он также прислал мне несколько букетов, и, хотя я дала указания, чтобы все цветы относили в детское отделение, его букеты все-таки доставляли мне.

Моя мама непременно красиво расставляла их на подоконнике.

Надо отдать ему должное, он, безусловно, прилагал некоторые усилия.

– Он, кажется, немного пришел в себя, – сказала я. – Кажется, он снова начал принимать душ.

– Да, – согласилась Ивлин. – И он больше не сидит по ночам в барах.

– Это прогресс, – заметила я.

– Но, – сказала она, беря меня за руку и крепко сжимая ее, – не думаю, что он счастлив.

Счастлив? Разве такой вариант имел право на существование? Я ожидала услышать, что он испытывает угрызения совести.

– Именно поэтому я здесь, – продолжала она. – Я беспокоюсь о нем.

– Я беспокоюсь обо всех нас, – сказала я.

Но у нее было что сказать, и она была твердо намерена сказать это:

– Он так угнетен всем, что случилось. Это было для него настоящим ударом. Он силой заставляет себя приходить сюда. Всякий раз, когда он смотрит на твое бедное лицо, его просто убивает чувство вины.

– Вы что, предлагаете мне пожалеть Чипа?

В ее голосе послышались нотки негодования:

– Ему тоже пришлось нелегко, Маргарет.

– Не сомневаюсь. По крайней мере, нелегко пришлось его печени.

– Не все такие сильные, как ты.

– Я *не* сильная. Я просто загнана в ловушку. Мое тело продолжает дышать против моей воли.

Но ее невозможно было сбить с толку:

– Не драматизируй.

Я откинулась на подушку и закрыла глаза. И из-за этого я должна была лишиться своего дневного сна?

Ивлин воспользовалась моментом и снова принялась за свое:

– Мы с отцом Чипа обсудили все это и решили положиться на твое великодушие.

Я открыла глаза:

– Великодушие?

– Ты знаешь, как Чип дорожит своей честью. Ты знаешь, как важно для него поступить по совести. Ты знаешь, что он никогда, никогда сам не разорвет вашу помолвку.

– Я даже не уверена, что мы с ним по-настоящему помолвлены, – сказала я.

Разве мы уже все решили?

– Ты носишь кольцо моей матери с бриллиантом в два карата. Я думаю, что это кое-что да значит.

– Будь по-вашему.

– Я просто не уверена, чего ты ждешь от будущего – учитывая твою ситуацию.

К чему она клонит?

– Мою ситуацию? *В которой виноват Чип?*

– Ты же не захочешь, чтобы он женился на тебе только из-за чувства вины, разве не так?

– Что вы хотите сказать?

Она слегка выпрямилась на стуле:

– Ему сейчас очень нелегко.

– Так же как и всем нам, черт возьми!

– Следи за своим языком.

– Вы что, шутите?

Она секунду молча смотрела на меня:

– Мы все стараемся, как можем, справляться со сложившейся ситуацией.

– Некоторым это удастся лучше, чем другим. – И тут мне в голову пришла одна мысль: – Постойте – это он прислал вас сюда? Это он прислал *свою мать*, чтобы разорвать наши отношения?

– Он не знает, что я здесь.

– Значит, вы решили сами вмешаться не в свое дело?

– Мой ребенок – это мое дело.

– Но он *не* ребенок!

Она снова выпрямилась:

– Брак... совместная жизнь должна строиться на прочном фундаменте, – она огляделась по сторонам, как бы подыскивая нужное слово, – на фундаменте желания.

Желании? Мы что, теперь заговорили о *сексе*?

– Желании?

– Помимо всего прочего.

Странный, жгучий гнев охватил меня. Она не имела права заваливаться в мою палату и невозмутимо заявлять, что ее сын больше не хочет трахаться со мной.

– Ну что вы, у него желания хоть отбавляй, – сказала я.

Она что, в самом деле хотела обсуждать это? Прекрасно. Я могу обсуждать это. Сколько угодно, хоть весь день.

– Его охватывало желание в раздевалке его гольф-клуба. И в его детской спальне. И на скамейке в саду рядом с вашими жуткими маленькими статуями херувимов. И в вашей хозяйской ванной, когда вы бывали в отъезде. И даже в маленькой кладовке рядом с кухней во время рождественского обеда. Ваш «ребенок» – настоящий мартовский кот. У него желания даже слишком много. Я думаю, он найдет способ утолять его.

Мне хотелось получить удовлетворение от моей атаки, но я его не получила.

Ивлин на какое-то мгновение словно окаменела.

– Но ситуация изменилась, – сказала она, наконец.

– Да, черт возьми!

Она отвела глаза в сторону, снова услышав это ругательство, и в этот же момент мы обе увидели фигуру на пороге комнаты.

Чип.

Если бы в этот момент я могла дать ему пощечину, я сделала бы это.

– Ты решил прислать свою *мать*, чтобы она разорвала наши отношения?

Чип посмотрел на мать:

– Что ты здесь делаешь?

– Я пытаюсь помочь тебе. – Ее голос внезапно задрожал. – Мы с твоим отцом очень беспокоимся.

Она поднесла руку к лицу, и я обнаружила, что она утирает слезы. И внезапно она стала казаться очень хрупкой, и я даже немного пожалела о том, сколько раз сказала «черт».

Ни один сын не может сердиться на плачущую мать.

Его голос стал нежным.

– Мама, – сказал он, – ты не можешь мне помочь. И не помогай мне, о'кей?

Он подошел к ней, помог подняться и повел к двери. По дороге он сделал жест рукой, показывая мне, что вернется через пять минут. Было ясно, что он собирался проводить ее до стоянки и отправить домой.

И только когда они ушли, я обнаружила, что дышу с трудом. У меня пекло в груди, словно некая воображаемая кислота прожгла в ней дыру. Несколько минут я уговаривала себя, что чувствовать *хоть что-то* было неплохо, но потом решила, что все это полное дерьмо. Почему только самые плохие эмоции проникали через мой защитный барьер?

Когда Чип вернулся, я заметила, что впервые после катастрофы он выглядит прежним. Это был тот Чип, в которого я влюбилась. Тот Чип, который был уверен в себе, уверен, что может сделать все на свете. Он был похож на фотографию на обложке глянцевого журнала. Он постригся. На нем была свежая рубашка поло и безупречно отглаженные брюки. И он почистил зубы, а может быть, даже поработал зубной нитью.

Было невероятно здорово снова видеть его. Слово настоящий Чип все это время был где-то далеко, но сейчас, наконец, вернулся.

И вся досада, вся неприязнь, которые я испытывала по отношению к новому Чипу, рассеялись при виде его прежнего.

– Мы с тобой помолвлены? – дружелюбно спросила я.

Он уловил теплоту в моем голосе и одарил меня своей знаменитой улыбкой.

– Ты сама знаешь, что помолвлены, во всяком случае, я так считаю. – Он флиртовал со мной! – Твоя позиция менее ясна. Но ты все еще носишь мое кольцо.

– Твоя мама считает, – сказала я, – что ты больше меня не «желаешь».

Он громко хохотнул, а потом сел на тот же стул, на котором сидела его мать, и так же, как она, взял меня за руку.

– Желаю. Бог мой! По-прежнему желаю – так сильно...

Я выдохнула с облегчением. В тот момент у меня было странное чувство, что у нас с ним все будет в порядке.

Пока он не продолжил:

– ...тебя прежнюю.

Что?

– Я все время о ней думаю. – Чип опустил голову мне на руку, и его плечи затряслись. – Мне так ее не хватает, – пробормотал он приглушенно.

– Тебе ее не хватает? Но она же никуда не делась, – сказала я, даже не пытаясь скрыть свое удивление. – Она буквально находится прямо здесь.

Но Чип продолжал плакать:

– Я скучаю по ее волосам. И по ее походке в туфлях на высоком каблуке. И по тому, как джинсы облегают ее бедра.

Это было просто низко с его стороны.

– Ты осознаешь, что говоришь обо мне в третьем лице? – спросила я.

– Прости, – пробормотал он.

– Твоя мать думает, что ты нерываешь помолвку из-за чувства вины, – сказала я. – Она думает, что ты больше не хочешь жениться на мне, но теперь, когда ты *парализовал меня*, ты считаешь себя обязанным жениться.

– Нет. – Он поднял голову и покачал ею. – Я по-прежнему хочу жениться на тебе. Я хочу этого больше всего.

– Ты хочешь жениться на ней? На той девушке, которой тебе так не хватает? Или на мне? – Словно это не был один и тот же человек. – На мне прежней или на мне настоящей?

– На любой из них. На той, которую смогу заполучить.

Это заставило меня улыбнуться. Слегка. Мне хотелось вернуть то мое восторженное состояние, в котором я пребывала, когда он сделал мне предложение.

– Значит, ты все еще хочешь жениться на мне?

– Больше, чем могу выразить словами.

Мне было приятно это слышать. Не буду лгать.

Чип выпрямился на стуле и отпустил мою руку, чтобы вытереть лицо. Он сделал глубокий вдох, словно собирался что-то прокричать, а потом на секунду задержал дыхание. И когда он заговорил, это было шепотом:

– Я хочу жениться на тебе, Маргарет, но думаю, что не смогу.

Я замерла.

Он опустил глаза.

– Я думаю, – продолжал он, – что в конечном счете ты не позволишь мне этого.

И в этот момент я уже знала, что он собирался мне сказать. В который раз я обнаруживала, что иду на несколько шагов впереди Чипа. И мне предстояло принять решение.

Я могла закончить этот разговор и спустить ему это с рук. И никогда не услышать того, что он собирался мне сказать. Если я сделала бы это, мы продолжили бы наши отношения. Мы с грехом пополам как-нибудь довели бы дело до конца, стараясь залатать дыры в наших отношениях. Я списала бы все сказанное нами на «последствия трагедии», простила бы его и продолжала бы надеяться на лучшее.

Я так легко могла бы избрать этот путь. И я испытывала сильное искушение сделать это.

Но я не смогла не спросить:

– Чип, что случилось?

Он опустил глаза и покачал головой.

– Чип, – настаивала я, – скажи мне.

Он не пошевелился.

– Скажи мне!

И тогда он сказал. Но сначала закрыл глаза.

– Я переспал с другой женщиной.

Я не ошиблась. Я знала, что именно это он и собирался мне сказать. Но когда слова были произнесены, это означало конец наших отношений. Они разъединили нас. Вот так. Он сделал выбор, и я тоже сделала выбор. Уверена, что в тот момент я испытывала много разных эмоций, но я помню только одно свое чувство – одиночество.

– С кем? – спросила я.

– Это не имеет значения.

– Имеет, черт возьми!

Чип поднялся на ноги – так быстро, что опрокинул стул, который с грохотом упал. Он не стал поднимать его, а принялся нервно расхаживать по палате.

– С Тарой, – признался он, наконец.

– С твоей бывшей подружкой? Той, которую ты называл «Плакса»?

Он кивнул.

– Но она тебе даже не нравится!

– Я знаю.

Я даже не знала, с чего начать.

– Чип. – Это скорее был вздох, чем слово.

– Она увидела мой пост в Фейсбуке и связалась со мной. Она стала приходить, чтобы узнать, как я себя чувствую. Она принесла суп.

– Она принесла *суп*?

Он пожал плечами:

– Я ничего не ел. И она беспокоилась. А потом пошло-поехало...

– Не рассказывай мне.

Мне показалось, что я просто выдохнула эти слова. Я не хотела ничего знать.

Но теперь его уже было не остановить:

– Однажды вечером она пришла и увидела, что я плачу...

– Я должна пожалеть тебя?

– ...и я никак не мог остановиться. И она просто обняла меня...

– Прекрати.

– ...и стала меня укачивать...

– Чип. Заткнись.

– ...а потом я не успел опомниться, как мы уже целовались...

– Прекрати! Я серьезно, черт возьми! Прекрати!

Я не осознавала, насколько громко я кричу.

И в этот момент дверь моей палаты распахнулась, и вошел Ян.

Он секунду смотрел на Чипа, прежде чем повернуться ко мне:

– Все в порядке?

– Убирайся отсюда, приятель, – сказал Чип. – Мы разговариваем.

Ян продолжал смотреть на меня:

– Я спрашивал не тебя, подонок.

Я посмотрела на Яна. Он стоял неподвижно, но был напряжен до предела. И я поняла, что мой папа был прав. Слышимость между моей палатой и коридором была отличная. Я прекрасно слышала, что делается в коридоре, но и в коридоре было отлично слышно все, что происходит в моей палате.

И Ян стал свидетелем этого унижительного, разрушающего жизнь разговора. Во всяком случае, большей его части.

– Могу я что-нибудь для вас сделать? – спросил он меня, и в его голосе прозвучало сочувствие, которого я никак не ожидала от него. –

Подать вам стакан воды? Выбить дерьмо из этого мерзавца?

Я едва заметно улыбнулась, но Ян это увидел. А потом я покачала головой.

– Можем мы закончить наш разговор, пожалуйста? – спросил Чип, хотя я не поняла, обращался он ко мне или к Яну.

– Мэгги? – спросил Ян, ни на секунду не отводя от меня взгляда. – Вы хотите продолжать этот разговор?

Я покачала головой:

– Полагаю, мы уже закончили.

– Вот так, подонок. Проваливай.

Но Чип не был готов уйти:

– Маргарет!

В мгновение ока Ян оказался рядом с Чипом, возвышаясь над ним на добрых шесть дюймов.

– Ты слышал ее. Убирайся.

Чип поднял руки над головой и отступил на шаг:

– О'кей.

Он немного попятился, не поворачиваясь, как видно, размышляя, есть ли у него выбор, а потом, потому что выбора не было, повернулся и направился к двери.

И в этот момент я окликнула его:

– Чип! Подожди!

Он обернулся, и я сорвала с пальца погнутое кольцо и бросила его в Чипа изо всех сил.

Он увернулся, и я промахнулась.

Кольцо отскочило от стены и покатилося под пустую кровать, стоявшую рядом с моей. И Чипу пришлось встать на колени, чтобы добраться до него. Это было унижительно, и я почувствовала некоторое удовлетворение.

Но только некоторое.

Но как только он ушел, меня как будто накрыло туманом.

Я словно задыхалась от недостатка воздуха.

Я начала тяжело дышать, делая глубокий вдох, потом выдох, потом снова вдох и выдох. Но мне казалось, что хотя я и вдыхала воздух в легкие, они отказывались насыщаться кислородом. И на

мгновение я как бы ослепла. Комната не стала черной – она стала белой. Все вокруг перестало существовать.

Кроме голоса Яна. Он все еще был здесь.

– Не спешите, – услышала я его голос прямо рядом с моим ухом. – Медленнее. Сделайте вдох на четыре счета. Вот так. Теперь сделайте выдох на четыре счета. Хорошо.

По мере того как мое дыхание замедлялось, я начала приходить в себя и почувствовала ладонь Яна на моем лбу. Он гладил меня по волосам. Я открыла глаза и увидела его лицо в нескольких дюймах от меня.

– Вы в порядке, – повторял он. – Вы в порядке.

– Ян, – сказала я, когда почувствовала, что уже могу говорить. – Мне нужно от вас одно одолжение.

– Что хотите, – отозвался он. – Разумеется.

– Мне действительно очень, очень нужно, – сказала я, – чтобы вы помогли мне выбраться отсюда, черт побери!

Глава 16

Ян выпрямился и внимательно посмотрел на меня. Потом протянул руку и откинул мое одеяло.

– Хорошо, – сказал он. – Сядьте на край кровати.

Я спустила ноги с кровати, а он повернулся ко мне спиной и присел на корточки.

– Забирайтесь.

– Что? *На вас?* На закорки?

Он кивнул:

– Притворитесь, что я лошадь.

– Наверное, клейдсейдаль^[9]?

– Давайте. Сожмите бедрами мои бока.

И я смогла сделать это, что явилось для меня хорошей новостью. Мои бедра работали хорошо. Не работало лишь то, что было ниже колен. Я наклонилась вперед, пока моя грудь не коснулась его спины, а потом обхватила его ногами за талию. А руками обняла за шею.

– Только не задушите меня, – сказал Ян. – Возьмитесь пониже, рядом с ключицами.

Он передвинул мои руки чуть ниже, а потом поднялся.

– Так хорошо?

Я не помнила, когда в последний раз меня катали на закорках.

– Да.

– Мы не потревожили ваши трансплантаты? Или ваши шрамы на груди?

– Все хорошо. Мне следует почаще так путешествовать.

Он подхватил с моей кровати одеяло и подушку. А потом мы вышли из палаты и пошли по коридору. Все, кто там был, прервали свои занятия и изумленно уставились на нас. А когда мы проходили мимо сестринского поста, Ян, не замедляя шаг, схватил со стола пачку печенья.

Он шагал очень широко, и мы продвигались быстро. Он, в самом деле, был настоящим клейдсейдалем. Он даже не шел, он бежал рысцей. Я уже много недель не перемещалась так быстро в

пространстве и, несмотря на все случившееся, чувствовала себя возбужденной. И мне очень хотелось смеяться, но я сдерживала себя.

Мы добрались до лифта, доехали до верхнего этажа, а потом направились к дальнему концу коридора, к двери, на которой было написано «НЕ ВЫХОДИТЬ – СРАБОТАЕТ СИГНАЛИЗАЦИЯ».

– Эй, это не выход, – сказала я, когда мы подошли к двери. – Эй! Сейчас сработает сигнализация!

Но Ян все равно невозмутимо открыл эту дверь. И сигнализация не сработала.

– Она отключена, – объяснил он, когда дверь за нами захлопнулась. – Сестры ходят сюда покурить.

И мы оказались на крыше. У меня перехватило дыхание. Стоял ясный мартовский вечер. Небо было усеяно звездами. И это показалось бы мне восхитительным в любой ситуации, а я в прямом смысле не была на улице с момента катастрофы. Сколько времени прошло с тех пор? Я уже почти три недели находилась в палате, а перед этим провела неделю в блоке интенсивной терапии. Так что целый месяц я не видела неба, не чувствовала дуновения ветерка, не дышала свежим воздухом. Неудивительно, что у меня в голове все перемешалось.

Да еще учитывая все остальное.

Ян пересек крышу и остановился у дальнего края, откуда открывался прекрасный вид на город. А потом, все еще не спуская меня со спины, он расстелил на полу одеяло и бросил на него подушку и печенье. Опустившись на колени, он выпрямился, чтобы я могла соскользнуть с его спины. У меня немного закружилась голова. Когда я оказалась на одеяле, я перекатилась на бок, а потом легла на спину. Ян подложил подушку мне под голову, чтобы я могла лежать и смотреть на звезды, не касаясь своих трансплантатов.

Звезды. Легкий ветерок обдувал меня и трепал мои волосы. Мне было немножко холодно, но мне нравилось это ощущение. Оно заставило меня осознать, что, хотя моя жизнь изменилась, мир продолжал существовать. И я подумала, что я все еще жива. Эта мысль впервые пришла мне в голову там, на крыше.

Я была жива.

В следующую секунду я почувствовала, как Ян накрыл меня своей флисовой курткой, а потом лег на спину рядом со мной. Потом

он взял печенье и помахал им около моего носа. Я протянула руку и выхватила у него это печенье.

Мы оба молчали, и, наверное, впервые в своей жизни я находила это молчание приятным. Мы прислушивались к шелесту ветра, приглушенному шуму транспорта, долетавшему до нас снизу, и хрусту печенья, которое мы жевали. Очень много времени в своей жизни мы проживаем неосознанно. Многие моменты существуют лишь для того, чтобы подготовить нас к тем, которые последуют за ними. Но тот момент казался сам по себе конечным пунктом назначения.

Чувствовала ли я себя в тот момент счастливой? Не совсем. Когда вы испытываете ощущение счастья или ликования, в вашей груди словно разливается тепло. А мое сердце было слишком оцепеневшим, чтобы чувствовать это тепло.

Если говорить о человеческих эмоциях, как о музыке, мои были похожи на оркестр без дирижера. Я слышала множество разнообразных звуков, но я не знала, как интерпретировать их или как сложить их в мелодию, которую я поняла бы. И в то же время не было сомнений в том, что инструменты моего тела играли – играла моя кожа, овеваемая ветерком, и мои глаза, любующиеся звездами, и мои легкие, упивающиеся свежим воздухом. И это было музыкой – хорошей музыкой, – даже если это не было мелодией, которая была мне знакома.

Было странно, что в такой момент я могла испытывать такие приятные чувства, но я была уверена, что это не надолго. Мой мозг все еще помнил, что все мое будущее разрушено. И признание Чипа означало не просто конец наших отношений – оно означало для меня конец той моей жизни, которую я знала.

Но чисто физическое удовольствие оттого, что я в первый раз за столь долгое время оказалась на свежем воздухе, было слишком реальным, чтобы его можно было игнорировать. Позже будут несчастливые моменты – моменты ярости, и уныния, и горечи потери, когда я буду пытаться осознать, что сделал Чип и почему. Но не сейчас. Не в эту ночь. Ян сделал мне этот потрясающий подарок – маленький отдых от всего этого. Ощущение полноты жизни, с которым ничто не могло сравниться.

И в течение долгих мирных мгновений не было ничего, кроме нас с ним, и ветра, и звезд.

А потом я услышала голос Яна, прямо у меня над ухом:

– Майлз уволит меня за это, вне всякого сомнения.

Я повернула голову. Вот это да! Ян сам начал разговор!

– Правда? Seriously?

Он смотрел на небо, закинув руку за голову, и его поза была такой расслабленной, такой беспечной, такой *дружелюбной*, что это просто шокировало меня.

– Может, и нет. Он сам, своими глазами, не видел нас, в конце концов. А сестры могут не выдать нас.

– Но разве тренеры не выводят все время своих пациентов на прогулку?

– Конечно. На обучающие экскурсии. Группами. Но не на крышу и не поодиночке.

– Но что, по его мнению, вы можете сделать мне?

Последовало классическое Яновское молчание. Но вместо того чтобы почувствовать себя неловко, я внезапно стала размышлять над тем, что Ян потенциально мог сделать со мной – прямо в этот момент. И чем дольше длилось молчание, тем ярче становились образы, складывающиеся у меня в голове. Он был всего в нескольких дюймах от меня. Он мог так легко повернуться на бок и приблизить свое лицо к моему. Или погладить меня по боку своей огромной рукой. И эта мысль так захватила меня, что я почти чувствовала, как это происходит, ощущала тяжесть его руки, шероховатость подбородка, теплоту его губ.

И я погрузилась в мечты о том, как Ян целует меня, но тут его голос вывел меня из этого полузабытья:

– Я мог бы проделать самые разные неджентльменские вещи с вами здесь, на этой крыше, – наконец объявил он. – И я уверен, что Майлз обвинит меня во всех них.

Мне было немного странно и неловко признать, что на несколько секунд я погрузилась в яркие, безудержные, невероятно эротические фантазии о моем тренере, и это менее чем через час после того, как я бросила обручальное кольцо в моего бывшего жениха. Но это важно упомянуть. Потому что в эти секунды кое-что произошло. Я почувствовала наплыв очень сильных, очень захватывающих, очень *физических* чувств в ответ на эти фантазии.

И это означало, что я могу испытывать эти чувства. Это было потрясающей новостью.

Достаточно сказать, что время, проведенное в больнице, не было самым эротическим опытом в моей жизни. На моей шкале ценностей в этот месяц сексуальная жизнь находилась на самом последнем месте. Возможно, если бы мне пришлось выбирать между будущим, в котором я смогла бы ходить, и будущим, заполненным сексом, я выбрала бы первое. Но этот выбор передо мной не стоял. Я знала, что скорее всего с сексуальной стороны моей жизни было покончено навсегда. И если бы мне представилась возможность проверить это, я побоялась бы проверить. Я не хотела знать правду. *Не ищи неприятностей себе на голову!*

Но сейчас, внезапно, благодаря этой крыше, я знала.

Мое тело могло испытывать чувства. С большим энтузиазмом.

Правда, мое тело только что испытало эти чувства по отношению к мужчине, который по большей части не хотел даже находиться в одной комнате со мной. Но я не была намерена переживать из-за таких мелочей. Это было важнейшим открытием, черт возьми, и неважно, каким нелепым образом я это открытие совершила! Я могла *чувствовать чувства!* Одно из самых больших удовольствий в жизни все еще фигурировало в моем меню!

Испытала ли я восторг по этому поводу? Нет. Восторг, похоже, больше не входил в число моих возможных эмоций. И я не уверена, что могу назвать испытываемое мной чувство «счастьем». Самое большее, на что я была в тот момент способна – быть приятно удивленной. Мне было *приятно*. И, может быть, я испытала облегчение. Облегчение, которого даже не ждала.

Я попыталась сесть, но потеряла равновесие. Ян отреагировал молниеносно. Он тоже сел и помог мне принять сидячее положение.

– Вы в порядке? – спросил он.

– Угу.

– Мне показалось, что вас тошнит.

Как он был далек от истины!

– Я в порядке.

– Хотите вернуться в палату?

Я повернула голову и встретила с ним глазами:

– Я не хочу возвращаться туда *никогда*.

Он слегка пожал плечами и сказал:

– О'кей.

– Расскажите мне о вашем незадачливом боссе, – сказала я, когда мы устроились поудобнее и стали смотреть на городские огни. – Что у вас с ним происходит?

– Только если вы наденете мою куртку.

– Мне и так хорошо.

– Наденьте.

– Опять командуете, – сказала я.

Но я все же надела ее и в процессе снова уловила этот восхитительный запах Яна. Он был настолько неотразимым, что я с трудом сдержалась, чтобы не зарыться лицом в мягкую ткань. Я только сделала глубокий вдох. И мастерски скрыла свои чувства, притворившись, что «молнию» заело. Потом я посмотрела на Яна, чтобы дать ему понять, что все еще жду его рассказа.

Но он молчал, и я заговорила снова:

– Итак? Вы думаете, что Майлз уволит вас за то, что вы привели меня сюда?

– Майлз совершенно точно уволит меня за то, что я привел вас сюда.

– Хотя в этом смысле я вам совершенно не нравлюсь.

Это было одним из тех заявлений, которые девушки делают в слабой надежде, что парень станет возражать.

Но Ян не стал возражать. Он продолжал невозмутимо смотреть вдаль.

– Нет. В этом смысле вы мне совершенно не нравитесь.

– Значит, вы в безопасности.

– Вовсе нет.

– А что происходит между вами и Майлзом?

– Это долгая история.

Прядь моих волос постоянно падала мне на глаза от порывов ветра. Я попыталась заправить ее за ухо, но она была слишком короткой.

– В моем распоряжении сейчас уйма времени.

Ян вздохнул:

– Я раньше работал здесь. На самом деле, поэтому и переехал в Техас – чтобы устроиться работать в эту больницу. Я пришел сюда

совсем молодым и дослужился до должности управляющего физкультурным залом. Майлз поступил на работу почти одновременно со мной, но меня повышали снова и снова, а его нет.

– Почему?

– Потому что он помешанный на правилах тупица и жалкий тиран.

– Похоже на то.

– Ну, так вот, спустя примерно год к нам пришла работать тренером одна девушка. Ее звали Кайла. Мы с первого взгляда понравились друг другу и начали встречаться.

Это было неприличным любопытством с моей стороны, но я не могла удержаться:

– А какой она была?

Он слегка пожал плечами:

– Симпатичной. Напористой. Она терпеть не могла дураков. И могла быть очень злой.

Он произнес это с огромным восхищением.

Он задумался, явно размышляя о ней, и спустя какое-то время я спросила:

– А какое отношение ко всему этому имеет Майлз?

Ян медленно выдохнул.

– Майлзу она тоже нравилась. Он утверждал, что первым увидел ее, а я у него ее отбил.

– А это так и было?

– Может быть, она понравилась ему первому, – сказал Ян, снова пожав плечами. – Но ей он никогда не нравился. Я не мог украсть то, что ему не принадлежало.

– Конечно, нет.

– Но этот факт был для него несущественным. Она ему нравилась, и только это имело значение.

– И поэтому он ненавидит вас?

Ян кивнул:

– И поэтому он меня ненавидит. Я разрушил его жизнь, и теперь он намерен разрушить мою.

– Но ей он был не нужен!

– Он уверен, что смог бы завоевать ее.

– Но сейчас вы уже не с ней? – спросила я.

– Нет.

– Вы прекратили отношения?

Ян на мгновение задержал дыхание.

– Можно сказать и так.

– И что у него за проблема?

– Я много думал об этом. Мне кажется, Майлз из тех людей, которым всегда нужен враг. Ему нужен враг, чтобы бороться с ним и чувствовать себя героем.

– Но он *не* герой!

Ян посмотрел на меня и слегка пожал плечами:

– Но, возможно, в этой драме я был злодеем.

Я молча ждала.

– Я вел себя с ним не слишком хорошо. Когда я завоевал Кайлу, я стал немного злорадствовать по этому поводу. Я хотел бы повернуть время вспять и изменить это. Я был не слишком добр к нему.

Я ничего не сказала ему на это. Я-то знала, что такое сожалеть о прошлом.

Ян продолжал:

– Мы с Кайлой были вместе уже около года, когда мне в голову пришла идея попробовать себя в самостоятельном плавании. Я хотел открыть физкультурный реабилитационный зал для людей, признанных безнадежными, но которые были все равно исполнены готовности поправиться. Для людей, у которых не было медицинской страховки. К тому моменту были уже проведены разные исследования на тему того, как можно стимулировать нервную систему, заставить головной мозг и спинной мозг «перезагрузиться» и по-новому управлять телом. И я хотел воспользоваться результатами этих исследований.

– Это блестящая идея.

– И Кайла решила присоединиться ко мне. Мы взяли кредиты, купили оборудование, составили бизнес-план, заказали футболки с названием нашей новой компании и вложили в дело все свои сбережения.

Он бросил на меня короткий взгляд.

– Я заразил своей идеей лучших работников этой больницы и уговорил их присоединиться ко мне. Я вскружил им голову рассказами о том, как это будет интересно и каких результатов мы сможем

добиться. Мы смогли бы изменить судьбы множества людей. Мы смогли бы вернуть им радость жизни.

– А что Майлз? – спросила я.

– Он не был приглашен.

– Потому что он тупица.

Ян кивнул:

– Он на самом деле отвратителен, во многих отношениях. Мелочный, злопамятный и сварливый. Не тот человек, с которым хотелось бы иметь дело. Я не хотел работать с ним. И держал свой план в секрете. Но он каким-то образом пронюхал о нем и стал просить меня взять его в свою команду. Я снова и снова отказывал ему. Я был очень резок с ним. Когда он захотел узнать, почему я ему отказываю, я ответил ему в недвусмысленных выражениях.

– Типа того, что он не подходит для этой работы?

– Я сказал ему, что он идиот и что все его ненавидят.

– О'кей. Это было начистоту.

– И когда мы все уволились, почти никого из тренеров в больнице не осталось. Так он и получил повышение в должности.

– А теперь Майлз стал боссом.

– Что меня не волновало до тех пор, пока...

Я взглянула на него:

– Пока что?

– Пока мой бизнес не прогорел. И я остался без сбережений и без работы. А потом здесь открылась вакансия. И я оказался у него под началом, что стало для меня настоящим испытанием.

– Ваш бизнес прогорел?

Ян кивнул.

– Как? Почему? У вас же была такая команда! И такая блестящая идея!

Он покачал головой, и я видела, что он не хочет распространяться на эту тему.

– По разным причинам.

Я долго смотрела на него, но он не стал продолжать.

В конце концов, мы снова вернулись к Майлзу.

– Он стал травить меня с первого же дня, как только я вернулся в больницу. Это было за несколько недель до того, как вы сюда попали. Он ищет предлога уволить меня.

– И для вас пытка работать с ним.

Он кивнул.

– Он из кожи вон лезет, чтобы досадить мне. Если я не стану скрупулезно выполнять все инструкции, я вылечу отсюда. Но я никогда не умел работать по инструкции.

– А вы можете устроиться на работу куда-нибудь еще?

Он пожал плечами:

– Нигде больше нет вакансий.

– Может быть, в другом городе? – предложила я и тут же возненавидела эту идею.

– Я не искал в других городах. Но, может быть, стоит этим заняться.

Внезапно я осознала, что плечом прижимаюсь к его плечу. Я отстранилась. Но сделала это чересчур поспешно. И чтобы сгладить неловкость, спросила:

– Значит, вы не всегда были таким брюзгой?

Он слегка улыбнулся:

– Не всегда.

– Вы когда-нибудь шутили?

– Конечно.

– И подбадривали пациентов?

– Это часть моей работы.

– Я решила, что мне пошло на пользу то, что вы были так грубы со мной.

– Я и близко не был так груб, как хотел.

Я взглянула на него:

– Почему?

Он отвел глаза в сторону:

– Думаю, меня остановило что-то в ваших глазах.

– Они растопили ваше каменное сердце?

– Скажем, быть грубым с Майлзом доставляет мне удовольствие.

А когда я груб с вами, это портит мне настроение.

Я не знала, что на это сказать, так что просто промолчала.

– Спасибо, что рассказали мне о своих проблемах, – спустя какое-то время сказала я.

– Это было не слишком профессионально с моей стороны.

– Значение профессионализма слишком переоценено.

Он повернулся и посмотрел на меня так, словно я открыла для него истину, и это удивило его.

Потом он сказал:

– Пора возвращаться.

Я покачала головой.

Но он кивнул:

– Уже поздно. Вам нужно отдохнуть.

Я внезапно почувствовала, как на мои глаза навернулись слезы. Я вытерла их курткой.

– Я не хочу возвращаться.

Но Ян помог мне встать на колени, чтобы я смогла забраться к нему на спину.

– Я предложил бы вам печенье, но мы его съели.

– Пообещайте мне, что мы еще раз придем сюда, – сказала я, забираясь на него.

– Обещаю.

– Скоро.

– Скоро, – сказал он.

Когда он поднялся на ноги, я взглянула на открывшийся передо мной вид, и от дуновения ветерка, и прикосновения его спины, к которой я прижималась грудью, и бескрайнего неба над нами у меня закружилась голова, и я вынуждена была закрыть глаза.

Глава 17

После признания Чипа в моей жизни наступил период, скажем так – разочарования. Когда я вернулась с крыши в свою мрачную камеру, у меня не осталось ничего, что могло бы отвлечь меня от реалий моей жизни. От всех ее горестных событий. Я словно утратила перспективу.

И моя мотивация к занятиям в физкультурном зале и ко всему остальному стала совсем слабой.

Нельзя отрицать, что в тот момент все, что имело для меня значение, было разрушено, сломано, уничтожено. Даже мои личные цели. Потому что та вдохновляющая меня фантазия, когда я иду навстречу Чипу, которую я использовала как оружие против окутавшего меня тумана, рассыпалась в ту минуту, когда я узнала о Таре и ее супе.

Я больше никогда не пойду навстречу Чипу.

Или еще точнее:

Я больше никогда не пойду. Точка.

Должна честно признаться, что в некотором смысле сдать было приятно. Это, безусловно, позволило мне расслабиться. Быть все время на пике надежды было утомительно.

Всю свою жизнь я ставила перед собой достижимые цели. Я хорошо училась в школе, чтобы попасть в хороший колледж. Я работала изо всех сил в колледже, чтобы поступить в хорошую бизнес-школу. Я надрывалась в бизнес-школе, чтобы получить классную работу, заработать большие деньги, стать лидером в деловом мире и заставить маму гордиться мною. Конечно, это было не все, чего я хотела от жизни. Я не была настолько ограниченной. Я мечтала и о любви, и о дружбе, и о детях, и о радостном смехе. Но цели, ради которых я работала, всегда были яркими и четкими в моем сознании.

А чего ради я страдала теперь? Ради чего работала? Чтобы мои ноги стали шевелиться чуть больше? Чтобы инфекция *не* попала в мои трансплантаты? Чтобы хоть отдаленно стать похожей на себя прежнюю? Чтобы пережить очередной день и не потерять самообладание? Я не могла найти достаточную мотивацию для таких целей.

Каким-то образом присутствие Чипа в моих фантазиях было тем стержнем, на котором все держалось. А без него все строение рухнуло.

Моя мама скормила мне ложную надежду, и я проглотила ее целиком, как птенец с открытым клювом. Я не подвергала ее анализу, потому что мне этого не хотелось. Но между решимостью и самообманом есть четкая граница. Некоторые вещи попросту невозможны.

Моему дедушке в детстве попала в глаз пуля из пневматического ружья. Он потерял этот глаз и всю свою жизнь прожил со стеклянным. Он клал его на ночь в стакан с водой, а стакан ставил на столик рядом с кроватью. Мы с Китти любили пробираться в его комнату до того, как он проснется, и уносить этот стакан. А после этого дедушка, включаясь в нашу игру, выходил из спальни в халате, закрывая рукой отсутствующий глаз, и объявлял: «Кто-то украл мой глаз!» Мы хихикали до тех пор, пока он не находил его. И он никогда не жаловался. Но ни желание, ни решимость, ни отказ сдаваться не помогли бы вырасти новому глазу.

До сих пор я не позволяла себе думать обо всем этом.

Теперь же у меня хватало сил лишь на то, чтобы продолжать дышать, но и это казалось мне слишком сложным. Вдох-выдох, потом еще. В некоторые дни это казалось легче, в некоторые – труднее. Но я хочу, чтобы вы поняли: я уже ничего – ничего – не ждала от будущего.

Например, на следующий день после того чудесного вечера на крыше Ян вошел в мою палату, чтобы проводить меня в физкультурный зал, но я просто-напросто отказалась двинуться с места.

Он, как и всегда, был предельно собран и деловит. Никакой теплоты, которую он проявил прошлым вечером. Он вошел в палату с таким сухим и официальным видом, будто никогда не носил меня на закорках по коридорам, не заставлял меня надеть его куртку, не рассказывал мне о своих ошибках. Если судить по выражению его лица, я была просто никем, одним из множества пациентов на параде инвалидов колясок. Но я именно такой себя и ощущала в тот момент.

Он достал доску и положил ее между кроватью и креслом, но я не пошевелилась и продолжала тупо смотреть в окно.

– Ну, хорошо. Вставайте, – сказал он настойчиво.

Но я не проронила ни слова. И даже не повернулась к нему.

Он подошел ближе, чтобы заглянуть мне в лицо и убедиться, что я не сплю.

– Мэгги, – сказал он. – Пора идти.

Я не старалась быть грубой с ним. Просто для того чтобы отозваться, нужно было приложить слишком большое усилие.

– Пойдемте, – снова настоятельно сказал он.

Но я лишь продолжала ровно дышать.

– Значит, вы не хотите заниматься? Это ваша благодарность за то, что я вытащил вас из камеры?

Я по-прежнему смотрела в окно, но я услышала свой голос:

– Просто я не вижу в этом смысла.

– Вам и не нужно видеть в этом какой-то смысл. Вам нужно просто пойти со мной.

– Только не сегодня.

– Мэгги, – сказал он, понизив голос. – Вы можете взглянуть на меня?

Я наклонился так, что его лицо было на одном уровне с моим. Но я не могла сфокусировать свой взгляд. Его лицо казалось мне размытым пятном.

– Вам нужно заботиться о себе. Вы не можете позволить ему победить.

– Кому? – спросила я, все еще не в силах сфокусировать взгляд.

– Тому мерзавцу, который разбил вам сердце.

Но я не была уверена, есть ли все еще у меня сердце. Я чувствовала себя так, словно оно сторело во время аварии. И я продолжала безжизненно лежать в кровати. Вдох, потом выдох, потом снова вдох и снова выдох.

– Вы отказываетесь от лечебной физкультуры?

Мне не приходило в голову, что я могу отказаться. Я продолжала тупо смотреть в окно.

– Да. Пожалуй, отказываюсь.

На следующий день я отказалась снова. И через день тоже.

Моя семья забеспокоилась. Ян сообщил о моем отказе заниматься моему лечащему врачу, а тот проинформировал социального работника и штатного психолога. И еще моих родителей. Специалисты сошлись на том, что «некоторая доза депрессии» была совершенно нормальным

и даже здоровым явлением в моей ситуации, но мои родители, и даже Китти, не согласились с этим.

Это нарушало нашу семейную экосистему. Я всегда была трудолюбивой, жизнерадостной и законопослушной, а Китти всегда была источником всех наших проблем.

Вот так просто.

А как им было реагировать на то, что теперь я стала проблемой?

Это побудило их пойти на крайние меры. Позже я узнала, что, несмотря на существующее напряжение между мамой и Китти, которое все усиливалось, уже через сорок восемь часов после признания Чипа Китти и родители собрались на тайные переговоры, чтобы обсудить способы привести меня в чувство.

Они были настроены по-деловому, готовые на примирение ради важной цели и сосредоточенные на текущей проблеме. Они встретились в кафе, а потом отправились на поиски литературы из серии «помоги себе сам», чтобы подобрать для меня вдохновляющее чтение, которое могло бы вернуть меня на правильный путь. Китти и мама молча согласились на время забыть о своей вражде и закончили тем, что потратили сто долларов на книги типа «Радость Страдания» или «Почему Я? Ежедневное Руководство для Тех, Кто Хочет Вернуться к Нормальной Жизни».

Папа внес предложение, чтобы книги отнесла мне Китти, потому что ее я буду менее склонна воспринимать как врага.

– Но я ей не враг! – возмутилась мама.

Однако ее возражения были отклонены.

В определенном смысле они были довольны тем, что выработали какой-то план. Позже Китти призналась в этом. Какой смысл было раздувать конфликты, существующие между ними? Они решили на время забыть о них и сосредоточиться на более важной проблеме – на мне.

– И что, вы двое даже не извинились друг перед другом? – спросила я, когда Китти призналась мне в их тайном сговоре.

– Извинились? За что?

– Ну, – сказала я, – ты извинилась бы перед мамой за то, что выдала мне ее самый большой секрет против ее воли. А мама извинилась бы за то, что скрывала от тебя правду все эти годы.

Китти покачала головой:

– Не было никаких извинений. Ты когда-нибудь слышала, чтобы мама извинялась хоть за что-то?

Это правда. Извиняться было не в мамином стиле.

И, разумеется, я отказалась читать все те книги, которые они купили для меня. Они должны были предвидеть это. А когда Китти начала читать мне вслух отрывки из них, я зажала уши руками и стала громко петь. Так что ночью, после того как я уснула, Китти прочитала эти книги при свете ручного фонарика.

Если я не собиралась сама помогать себе, она была настроена сделать это за меня.

Больше всего их волновало то, что у нас было очень мало времени. Оставалось всего три недели до того момента, когда надежда на улучшение навсегда покинет нас. А учитывая охватившую меня депрессию, процесс улучшения замедлился.

По правде говоря, процесс улучшения замедлился еще до признания Чипа. В течение целой недели до этого у меня не было никакого прогресса. Но заметили мы это только после нашего с ним разрыва. А до того, когда я все еще верила в свои фантазии, я рассматривала это замедление как естественный ход событий. Просто как период адаптации на пути к моему головокружительному успеху.

Теперь же это замедление я рассматривала совсем в другом ключе: как начало конца.

Я никому не говорила об этом, но, полагаю, это и так было очевидно.

А потом родители решили, что мне нужен «наставник».

Мама начала этот разговор за обедом. Мы ели вьетнамский салат с лапшой из их любимого ресторана, и папе он так нравился, что он даже причмокивал.

– Итак, – сказала мама, – сегодня первый день из оставшихся у тебя трех недель.

– После этого, – продолжил папа, – срок страховки истекает, и ты поедешь жить к нам.

Я фыркнула:

– Я *не* поеду жить к вам.

Родители переглянулись. Потом мой отец ласково спросил:

– А где же ты будешь жить, родная?

– У себя, – ответила я.

Но папа осторожно заметил:

– У тебя трехэтажный дом. С лестницами.

Я закрыла глаза.

– Я перееду на первый этаж.

Теперь он почти уже шептал:

– На первом этаже нет ванной. И кухни.

Я, конечно, знала об этом.

– Я что-нибудь придумаю.

Но мы все отлично понимали, что я ничего не смогу придумать. Что бы я стала делать – ползать по лестницам на коленях? Хотя это, может быть, мне и удалось бы.

– Ерунда, – сказала мама своим самым безапелляционным тоном. – Ты не сможешь жить там. Я уже разговаривала с риелтором. Он сказал, что сейчас самый удачный момент для продажи. Ты неплохо на этом заработаешь. – А потом она добавила: – И ему очень понравился твой декор.

И это говорила мне женщина, которая убедила всех соседей в том, что к лету я буду как новенькая.

– Я не собираюсь жить с родителями, – объявила я. – Я уже не ребенок!

– Это же просто временно, – сказал папа, всегда готовый подсластить пилюлю. Но я указала пальцем на маму:

– Не смей разговаривать с риелторами! Не смей продавать мой дом! Ты сама сказала, что я буду как новенькая!

Это было так по-детски – винить ее в моих бедах. Маленькие дети иногда так поступают прежде, чем поймут, что во многих отношениях их родители так же бессильны, как и они сами.

Но в то же время это было и декларацией независимости. Всю свою жизнь я обращалась к маме за инструкциями – как поступить, куда пойти, как сделать что-то. А мама убеждала и меня, и врачей, и, похоже, всех наших соседей, что я *преодолею* этот паралич.

Но, может быть, она больше уже не должна была вмешиваться в мою жизнь.

Хотя, если быть честной, я сама позволяла ей это.

В натянутом молчании, которое последовало за этим, мы все чувствовали вибрацию моих мыслей, как заставляющий землю

немного дрожать сдвиг тектонических плит.

Столкнувшись с таким моим поведением, которое раньше было присуще только Китти, мама сдалась. Она подняла руки:

– Хорошо. Мы не будем продавать твой дом.

– Конечно, нет. Если ты этого не хочешь, – подтвердил папа.

– Я не хочу.

Как они могли подумать, что я этого захочу? Разве я уже и так не отказалась от многого?

– Но весь вопрос состоит в том, – сказала мама, возвращаясь к главному, – что у тебя уже почти не остается времени.

– Я это знаю, – сказала я, упрямо не прикасаясь к своему обеду.

– Поэтому мы считаем, – с напускной жизнерадостностью заявил папа, – что нужно прямо сейчас сделать все возможное, чтобы ускорить твое выздоровление.

Я долго молчала, переводя взгляд с одного на другую, прежде чем сказать почти рычащим голосом:

– Вся моя жизнь сейчас состоит в том, чтобы делать «все возможное». И пяти минут не проходит, чтобы я не старалась «ускорить свое выздоровление»!

Моя мама наклонилась ко мне:

– Я не рассказывала тебе о том, что недавно прочитала очень обнадеживающую историю? О девушке – бывшей балерине, – которая оказалась в точности такой же ситуации? Она много недель усердно работала над собой, и безо всякого результата. А потом, в одно прекрасное утро, она вдруг смогла пошевелить большим пальцем правой ноги. А на следующее утро пошевелила большим пальцем левой ноги. А еще через день она шевелила всеми пальцами. Через день она уже сгибала колени, а к концу недели смогла встать на ноги!

Потихоньку, незаметно для них я попыталась пошевелить пальцами ног.

Ничего.

Я даже не была уверена, что помню, как делать это.

Мне казалось, что я не люблю все эти обнадеживающие истории. Но на самом деле я просто *ненавидела* их.

– К чему ты ведешь?

Мама слегка прищурилась:

– Мы думаем, что тебе нужен хороший наставник.

Наставник? Я нахмурилась и посмотрела на папу.

– Что это за идея? – спросила я.

– Просто наставник, который будет дополнительно заниматься с тобой, – сказал он.

– Не понимаю, – упорствовала я.

Папа пожал плечами:

– Личный наставник, если хочешь.

– Кто-нибудь, кто поможет тебе делать больше того минимума, который покрывает твоя медицинская страховка.

Слово «минимум» глубоко оскорбило меня. Это говорил человек, который понятия не имел, что это означает, когда «минимум» становится твоим кошмарным «максимумом».

Но мама продолжала:

– Мы хотим быть уверены, что ты делаешь все возможное, пока ты еще можешь.

– Я и так *делаю* все возможное! – возмутилась я.

Но мама скептически посмотрела на меня.

– Я видела, как ты готовилась к экзаменам. Сначала в школе, потом в колледже. Я знаю, что ты способна на большее.

Я очень тихо проговорила:

– Ты и понятия не имеешь, на что я способна.

Но тут вмешался мой папа:

– Я думаю, что мама просто пытается сказать, что мы хотим тебе помочь. Насколько сможем.

Но это было совсем не тем, что она хотела сказать. Внезапно я это ясно осознала. Она хотела помочь, но только в тех рамках, которые она сама определила. Моя мама всегда была готова прийти на помощь при том условии, что вы делали именно то, что она хотела.

Вся моя жизнь, подчиненная ее желаниям, пронеслась у меня перед глазами. Целая жизнь, в течение которой я никогда не подвергала сомнению ее высокие стандарты. Я работала как проклятая, чтобы соответствовать им. И в этот момент, возможно, впервые в жизни, мне пришло в голову, что она не может знать всего. Я всю жизнь следовала ее инструкциям беспрекословно. И чем это закончилось? Тем, что я лежу неподвижно в этой кровати. Она сказала мне, что я должна изучить курс высшей математики. Я изучила. Она сказала, чтобы я получила степень магистра по управлению бизнесом.

Я ее получила. Я была лучшей в классе. Всегда. Все время. Как безмозглая дура.

Сидя теперь на кровати, я пыталась вспомнить хотя бы один случай, когда я отвергла ее помощь и сделала то, что я хотела. Кстати, именно так всегда поступала Китти. Она всегда отвергала мамины советы, и в результате ее подростковые годы в нашем доме были мучительными и для нее, и для всех остальных. Но разве это сделало ее *жизнь* мучительной? Безусловно, временами ей приходилось нелегко, и у нее была безумная прическа, и слишком много пирсинга, и она вела решительно богемный образ жизни. Но она всегда была только Китти, без всякого сомнения. Она знала, кем она была. Она делала то, что ей нравилось. А кем была я? Какие у меня были достоинства, кроме того, что я содержала дом в образцовом порядке, была ухожена до кончиков ногтей и хорошо сдавала все экзамены? Что мне нравилось? К чему я стремилась? Каково это было бы – сделать то, что мне хотелось, а не то, чего ожидали от меня? Этого я не знала.

– Нет, – услышала я свой голос.

Мама недоумевающе уставилась на меня.

– Я хотела сказать, нет, спасибо. Мне не нужен наставник.

– Я не уверена, что ты осознаешь, как мало у тебя осталось времени, – сказала мама.

– Думаю, что осознаю.

– Через три недели срок твоего медицинского страхования истечет, и у тебя больше не останется шансов на выздоровление.

– Ну, может, не совсем не останется, – попытался смягчить папа.

Но моя мама уже разозлилась:

– Ты что, не хочешь, чтобы тебе стало лучше?

– Не могу поверить, что ты задаешь мне такой вопрос.

– Просто сейчас мне кажется, что ты этого не хочешь.

Я посмотрела на папу, взглядом прося о помощи.

Он тут же вмешался:

– Может быть, стоит найти другое слово вместо «лучше»?

– Слово «лучше» не нуждается в том, чтобы его чем-то заменяли, – сказала мама. – «Лучше» значит «лучше».

– Но не тогда, – проговорила я, – когда ты применяешь его по отношению ко мне. В этом случае оно означает «встать на ноги». Как ты и обещала всем соседям.

Но ее нельзя было сбить с толку.

– Разве ты не хочешь встать на ноги?

– Это вопрос не по существу.

Но она подняла бровь, как делала всегда, когда собиралась выиграть спор:

– Это единственный вопрос по существу.

Безусловно, в чем-то она была права. Передо мной стояли насущные, реальные проблемы, которые я должна была решить за то время, которое пробуду в больнице. И это был не тот момент, когда я могла позволить себе сдаться. Но в то же время я внезапно осознала, возможно, в первый раз за всю свою жизнь, что, когда родители говорят мне, что нужно делать, мне становится труднее, а не легче делать это. Это было лишь мимолетным ощущением, но оно помогло мне понять, что пытаться встать на ноги будет моей, и только моей, заботой.

– Я не хочу больше об этом говорить, – услышала я свой голос.

– Хорошо, – сказала мама. – Забудем на время об этом.

Я покачала головой:

– Насовсем забудем. И точка. Я не собираюсь больше обсуждать с вами этот вопрос. – Я заметила, что в моем голосе зазвучали те же интонации, что и у мамы, когда она объявляла свой приговор. – Если вы хотите каждый день обедать со мной, о'кей. Но тема моего выздоровления впредь будет запретной.

Мама посмотрела на папу.

– И если вы попытаетесь поднять ее, – продолжала я, – я буду громко кричать до тех пор, пока вы не выйдете из этой комнаты. – В моей прошлой жизни я бы сама вышла из комнаты, но в нынешней у меня уже не было этого выбора. – А если это не поможет, я стану петь современную попсу, – добавила я, зная, что мама больше всего ненавидит это.

Я почти видела, как она содрогнулась.

– Хорошо, – сказала она.

– Мне нужно принять решение. – И мой голос смягчился немного, когда я посмотрела на папу. – Вы не можете сделать это за меня. Я должна сделать это сама.

Я видела, что у мамы в голове зарождается множество протестов. И самым основным был: «Что, если ты примешь решение, которое

будет ошибочным?» Она была в чем-то права. Даже я сомневалась в том, что это был подходящий момент выбраться из-под ее опеки. Разве ставки не были слишком высокими? Разве не лучше было бы начать с вопроса о том, что мне следует есть на ужин, а потом перейти к более важным темам? Но я оставила эти вопросы без ответа. В первый раз в жизни я не могла найти решения проблемы. Она была больше, чем я могла переварить.

Она охватывала мое искалеченное тело и мою утратившую надежду душу.

Глава 18

То, что я осмелилась противостоять маме, воодушевило меня. В той жизни, которую я теперь вела и в которой ничем не могла управлять, даже маленькие события имели большое значение.

И когда на следующий день появился Ян, я охотно последовала за ним в физкультурный зал. Он молчал, и я тоже, но по мере того как мы переходили от одного тренажера к другому, я с новой решимостью делала все, что он просил.

На этот раз мы не разговаривали, но атмосфера между нами решительно отличалась от прежней. И вместо того чтобы без умолку болтать, стараясь заполнить тишину, я сосредоточилась на занятиях. А Ян, вместо того чтобы смотреть в окно, наблюдал за мной и даже – вы не поверите – помогал мне.

– Хорошо, – говорил он, когда я поднимала груз. – Отлично.

– Вы что, *подбадриваете* меня? – спросила я, не глядя на него.

И я скорее почувствовала, чем увидела, что он слегка улыбнулся.

– Нет.

И даже Майлз не мог помешать нам. Он несколько раз проходил мимо, делая замечания Яну, который, по его мнению, уделял мне мало внимания. Он также указал ему на то, что его пижама была не того голубого цвета, как этого требовали правила. Хотя она была всего на тон светлее, чем его собственная. А однажды он подошел к нам лишь затем, чтобы спросить, почему Ян не был утром на общем собрании.

Ян даже не взглянул на него.

– Меня не проинформировали об этом собрании.

Майлз бросил на него скептический взгляд:

– Не может быть. Всему штату рассылалось сообщение по электронной почте.

– Я его не получил.

– Ты хочешь сказать, что его получили все сотрудники, кроме тебя?

– Похоже на то.

– А я думаю, что ты скорее всего просто не любишь собрания.

– Я *ненавижу* собрания, – сказал Ян, выпрямившись во весь рост и глядя на Майлза сверху вниз. – Особенно дурацкие, которые просто

являются потерей времени. Но я никогда их не пропускаю. Если, конечно, кто-то не удалит мое имя из списка электронных адресов.

Я заметила, как на лице Майлза проскользнула растерянность, словно его поймали с поличным. Но он тут же снова взял себя в руки.

– Я ввел переключку, – сказал он. – Так что потрудись впредь не пропускать собрания. И не опаздывать на них.

– С удовольствием, – ответил Ян, отворачиваясь от него.

– Он и вправду мог удалить ваше имя из списка? – шепотом спросила я, когда Майлз отошел от нас.

– Без комментариев.

– А как вы планируете попасть на следующее собрание, если он не оповестит вас о нем?

Ян посмотрел мне в глаза:

– Я попросил других тренеров пересылать мне его сообщения.

После занятий я была такой уставшей, что с трудом перелезла в кровать.

Я погрузилась в сон, как в кому, а когда проснулась в то время, когда обычно появляется Китти с ужином, я была голодна, как зверь. Я уже приготовилась поведать ей о том, как отбилась от мамы и славно поработала в физкультурном зале. И проанализировать с ней взаимосвязь этих событий.

Но когда дверь открылась, это была не Китти.

Это был Ян.

Первой мыслью, которая пришла мне в голову, была: «Он увольняется. Он не может больше терпеть меня – или Майлза».

Он подошел к моей кровати и остановился, немного смущенный.

Я решила взять быка за рога:

– Простите, что вам пришлось так тяжело со мной в последнее время, – сказала я.

– У вас непростая ситуация, так что вас можно понять.

Это было очень мило с его стороны.

– И я считаю, что на самом деле вы замечательно справляетесь, – добавил он.

– Правда?

Он кивнул:

– Сегодня вы славно потрудились.

– Да?

– Разве вы не чувствуете разницы?

И этот вопрос заставил меня осознать, что, может быть, впервые в жизни я попыталась преодолеть трудности не ради кого-то, а ради себя самой.

Это было странным, новым для меня чувством, но это показалось мне шагом в нужном направлении.

– Чувствую, – сказала я. – Но не уверена, из-за чего.

– Вы очень сильная, Мэгги, – сказал Ян, и выражение его лица было серьезным, почти *скорбным*. – Гораздо сильнее, чем вы думаете.

– Надеюсь. Мне нужно много сил.

– И я думаю, что мы сможем сделать еще больше.

К чему он клонит?

– О'кей.

– Поэтому я здесь.

– Вы имеете в виду, сейчас?

– Ваш отец нанял меня, чтобы я дополнительно занимался с вами по вечерам.

Мой отец нанял Яна в качестве *наставника*? Разве только что я не отказалась от этой затеи?

– Но я же сказала ему, что мне не нужен наставник.

– Он сообщил мне об этом.

Я покачала головой.

– Дело в том, что я только что пережила настоящий триумф, когда сказала родителям, чтобы они перестали управлять моей жизнью. А потом я сделала большой шаг в сторону того, чтобы – как бы это сказать? – чтобы стать независимой и самой определять свой выбор. И этот дополнительный стимул привел к тому, что вы сегодня видели на занятии – я просто старалась обрести свою былую силу. И если я сейчас отступлю и пойду у них на поводу, это будет все равно что сдаться после выигранной битвы.

Не было ни малейшего шанса, что он проследит ход моих мыслей.

Но он кивнул:

– Я понимаю.

– Правда?

– Я совершенно уверен в том, – он немного помедлил, как бы подбирая нужные слова, – что вам необходимо обрести собственную

силу.

Он не собирался спорить со мной.

– Спасибо, – сказала я.

– Но только...

– Только что?

– Как бы ни приятно было выиграть битву, я хочу, чтобы вы выиграли войну.

– Что это значит?

– Это значит, что ваши родители правы.

Я посмотрела на него, словно говоря: «Неужели?»

– Вы не слишком мне помогаете.

– Вам *могут* пойти на пользу дополнительные занятия. Есть много чего, что мы могли бы сделать и что не входит в круг обязанностей штатного тренера.

– Например?

– Что угодно. Плавание. Йога. Верховая езда. Массаж. Рефлексотерапия. Акупунктура. Все, что только можно. В физкультурном зале мы ограничены в выборе, там предлагается лишь то, что входит в программу медицинского страхования. Это неплохая программа, но, конечно же, она не предоставляет всех возможностей.

Зачем он был здесь? Зачем согласился на предложение папы? Почему, ради всего святого, он соглашался торчать в больнице хотя бы на секунду дольше необходимого?

– Не хотите ли вы сказать, что положение у меня отчаянное?

Он покачал головой:

– Нет, не отчаянное. Но вам может помочь более творческий подход.

Я уставилась на него. Я была уставшей, голодной и готовой отправиться на боковую. И меня задело то, что папа встал на мамину сторону.

– Зачем вам все это? – спросила я. – Я знаю своего отца. Он не мог предложить вам большие деньги.

– Это все то, что мы делали в моем физкультурном зале, – сказал Ян. – И это то, что я люблю. Творчество, вызов, нестандартные решения.

Хотела ли я предоставить Яну шанс сделать то, что он любит? Конечно. Но после того как я вкусила радость делать что-то для себя

самой, я не хотела отступать и соглашаться на дополнительные занятия только ради того, чтобы Ян получил удовлетворение от своей работы.

Пока он не произнес следующую фразу:

– Кроме того, я смогу забирать вас отсюда.

– Что значит «забирать»?

Он пожал плечами:

– Если вы захотите ездить верхом, мы вряд ли сможем осуществить это в стенах этого здания.

– Вы хотите сказать, что будете вывозить меня отсюда?

– Да, для дополнительных занятий.

– Часто?

– Если у вас будет достаточно сил.

– А вы не наживете себе неприятностей с Майлзом?

– Я их уже нажил.

И ура! Внутренняя мотивация! Сделать что-то, что сделает моих родителей счастливыми или даст Яну удовлетворение от работы – это, конечно, несколько ограничивало мою новообретенную свободу. Но ничто, черт возьми, не могло сравниться с возможностью выбраться отсюда!

– Продано, – сказала я. – Я согласна.

Ян подавил улыбку.

– Отлично, тогда пойдете.

– Сейчас не могу, – сказала я. – Моя сестра должна принести мне ужин.

– Что ж, все в порядке. Я могу подождать.

– Вы голодны? Хотите есть?

– Это зависит от того, что вы можете мне предложить.

– Думаю, это будет итальянская кухня.

И тут, словно для того, чтобы подтвердить мои слова, в дверь вошла Китти с пакетом из Romano's.

– Кто это? – спросила она, проходя мимо Яна.

Было так странно вдруг обнаружить, что она никогда не встречалась с ним. Но он работал в дневную смену, а она приходила лишь вечером.

– Китти, это Ян, мой тренер. Ян, это Китти, моя сестра.

– И паршивая овца этого семейства, – добавила Китти, а потом окинула Яна оценивающим взглядом. – Ты не говорила мне, что он так

великолепен. – Потом она протянула Яну руку. – Можете называть меня Кити-кет.

– Не флиртуй с моим тренером, – сказала я.

– Он, похоже, в силах устоять передо мной, – возразила она, а потом повернулась к Яну: – Хотите соды?

Она вытащила из сумочки банку кока-колы. Я бросила на нее выразительный взгляд, говоривший: «Не могу поверить, что ты пьешь эту дрянь».

Она пожала плечами, словно отвечая: «Должны же у меня быть какие-то пороки».

– Нет, спасибо, – сказал Ян.

Кит повернулась ко мне с таким видом, словно она была ребенком, увидевшим киоск со сладостями.

– Он и вправду шотландец.

Я кивнула:

– *Не флиртуй* с моим тренером!

– Эй, он же *шотландец*. На него правила не распространяются!

– Папа нанял его в качестве моего наставника. Против моего желания.

При воспоминании об этом я попыталась пошевелить пальцами ног. Ничего.

– Я действительно верю, что смогу помочь вам, – сказал Ян.

– Ну, уж постарайтесь, – заметила я. – Моя мама хочет, чтобы я снова стала безупречной. На меньшее она не согласится.

– Аминь, – сказала Китти.

Но Ян смотрел на меня:

– А прежде вы были безупречной?

Я пожала плечами:

– Я чертовски старалась.

А Китти в то же мгновение сказала:

– Да.

– Кажется, вам приходилось проделывать большую работу, – подытожил Ян.

– И не говорите, – сказала Китти.

– А что вы делали для развлечения? – спросил Ян, глядя на меня.

Я посмотрела ему в глаза:

– Я все время работала.

– Это звучит не слишком весело.
– Не уверена, что вы можете судить меня, любитель триатлона.
– Но я веселый человек, – возразил Ян.
– Вы прямая противоположность веселого человека.
– После сегодняшнего вечера вы, возможно, уже этого не скажете.
Он чуть приподнял брови, словно говоря: «Внимание!»

Я подозрительно прищурилась:

– А что произойдет сегодня вечером?

– Я поведу вас плавать.

Я недоверчиво уставилась на него:

– Здесь есть бассейн?

– Да, – кивнул он. – Для занятий. На первом этаже.

Я осмотрелась по сторонам:

– Но у меня нет купальника.

– Нет, есть, – пропела Китти. – Мама привезла тебе один.

Внезапно я вспомнила про свои шрамы и повязку. И ожоги на шее.

– Постойте! А мне *можно* купаться? – Я указала на мои ключицы и на шею. – С этим?

Но Ян лишь слегка пожал плечами:

– Давайте узнаем.

Спустя час я была одета в свой самый нелюбимый купальник, который не надевала уже много лет – в горошек, раздельный, в стиле «ретро». Я сидела на краю бассейна, свесив ноги в воду. Я сидела так тысячи раз в своей прошлой жизни, но теперь все было по-другому. Во-первых, мои ощущения ниже колен были неравномерными. Некоторые места ощущали холодное прикосновение воды, а некоторые нет. Во-вторых, я не могла болтать ногами, так что они свисали с бортика наподобие мокрых полотенец.

Бассейн освободили в 9:30, и там так пахло хлоркой, словно я нюхала бутылку отбеливателя. А флуоресцентные лампы придавали ему сходство с общественными банями. И у меня было отчетливое ощущение, что мы не имели права находиться там.

Я ждала, пока Ян переодевался, размышляя над тем, были ли у него с собой плавки на случай, если ему вздумается поплавать после работы.

Как выяснилось, их у него не было. Когда он появился, на нем были обычные хлопковые шорты. И все. Он был без рубашки, и вид его обнаженных плеч и торса так шокировал меня, что я отвела взгляд в сторону.

– Вы собираетесь плавать в шортах? – спросила я, не глядя на него.

– Я могу плавать нагишом, если хотите.

– Вы что, только что пошутили?

– Я никогда не шучу, – сказал Ян.

Потом он нырнул в воду, как пушечное ядро, и поплыл к дальнему концу бассейна. Вынырнув на поверхность, он по-собачьи тряхнул головой, а затем развернулся и поплыл в мою сторону свободным стилем.

Когда он приблизился, я вытянула руки перед собой.

– Не намочите меня.

– Не намочу, – сказал он. – Потребуется еще много недель, чтобы раны под вашими ключицами зарубцевались. Уточните у вашего врача, но мне кажется, что после такой пересадки кожи вы сможете плавать не раньше чем через год.

– Через год?

Я об этом не знала.

– Но это не означает, что вы не сможете использовать воду, если будете осторожны.

– Я-то буду осторожной. А вот *вам* придется постараться.

Он немного нахмурился, а потом продолжил:

– Самое замечательное в воде то, что она все упрощает.

– И что мы будем делать?

– Мы будем ходить, – сказал он, словно это было самой простой вещью на свете.

Я внезапно испугалась, что он тут же стащит меня с бортика в воду.

– Осторожнее!

Он заметил испуг на моем лице.

– Послушайте. Это мелкая сторона бассейна. Здесь вода дойдет вам лишь до пояса.

– Но я не могу стоять на ногах.

– Возможно, в воде сможете.

– А что, если я упаду?

– Я поймаю вас.

– А что произойдет, если не поймаете?

Ян приподнял бровь:

– Если у меня случится инфаркт и я умру, когда вы будете посреди бассейна, я, возможно, не смогу поймать вас. В этом случае ложитесь на спину и плывите к бортику. А там кричите во всю мощь, пока кто-нибудь не придет к вам на помощь. Поскольку вы находитесь в больнице, вам очень быстро окажут медицинскую помощь. А поскольку вас уже кормят антибиотиками в большом количестве, маловероятно, что вы занесете инфекцию в свои раны. Но даже если вы и подхватите инфекцию, повторяю, вы и так уже в больнице.

– А что будет с вами?

– Я уже буду мертв. Просто оставьте меня в бассейне.

Я с трудом сдержала улыбку.

– Это может напугать других пациентов.

– Тогда выбросите меня в мусорный контейнер.

Я сделала глубокий вдох и приготовилась сползти в воду. Ян протянул руки, чтобы подхватить меня, и я замерла. Меня охватило радостное предвкушение, словно он собирался приласкать меня.

Я с трудом выдохнула.

Ян остановился, все еще не касаясь меня:

– В чем дело?

Но я никак не могла объяснить ему, насколько волнительным было ожидание того момента, когда его руки коснутся моего тела. Это была закрытая информация.

– Я боюсь щекотки, – сказала я вместо этого.

Он кивнул, словно говоря: «Буду иметь в виду», а потом положил ладони мне на талию. И вдруг внезапно он стал совсем другим. Он снова стал тем Яном с крыши. А не грубияном из физкультурного зала, который на мои вопросы отвечал односложно, или бурчал что-то себе под нос, или вовсе молчал. Он стал парнем, который только что пошутил – может быть, даже дважды! Он смотрел мне в глаза, и был очень внимателен, и уверял меня, что я могу ему доверять.

– А *вы* боитесь щекотки? – спросила я.

Он удивленно посмотрел на меня:

– А я *похож* на человека, который боится щекотки?

Я испытала сильное искушение проверить это. Но я боялась упасть в воду.

– Кто вы? – спросила я, глядя ему в глаза.

Он нахмурился, словно мой вопрос был лишен всякого смысла.

– Я тот парень, который поможет вам перейти бассейн.

С этими словами он осторожно притянул меня к себе, и я сползла с бортика. Но вместо того чтобы грациозно спуститься в воду, я взвизгнула и крепко обхватила его руками за шею. Я могу описать это только как очень «прилипчивое» объятие.

Я не хотела этого. Я просто собиралась погрузиться в воду, как всегда.

Но сейчас все было не так, как всегда. Мои ожоги казались страшно уязвимыми, и я не верила, что в воде мои ноги станут работать лучше, чем на суше. Кроме того, я не до конца доверяла Яну. И я повела себя как испуганный ребенок – обхватила его за шею и прижалась лицом к его мокрому плечу.

– Слишком быстро? – спросил Ян.

Я кивнула. Мне очень нравилось это новое ощущение – прикосновение его кожи к моему лицу.

– Отодвиньтесь немного. Иначе это будет не терапией, а просто обнимашками.

– Обнимашки тоже могут быть терапией.

– Но не той терапией, за которую собирается платить ваш отец.

– Он может заплатить и за это, если я его попрошу.

– Можете попробовать. Переведите дыхание.

Я послушалась. Потом стала отодвигаться от него, пока между нами не образовалось расстояние примерно в половину фута. И я кое-как привела ноги в нужное положение, словно это был какой-то чуждый объект. Он крепко держал меня за бока, а я впиалась руками в его плечи. И я *стояла* по пояс в воде. Я почувствовала, как на мгновение меня охватил безудержный восторг. Словно по мне пробежал электрический импульс.

Он видел это. Он видел, что я это почувствовала. Мне некуда было смотреть, кроме как на его лицо, и он моментально расшифровал мое выражение.

Я не смогла сдержать улыбку.

А он улыбнулся мне. По-настоящему улыбнулся. Это была первая настоящая улыбка, которую я видела у него. И по мне снова прокатился электрический импульс.

– Вы стоите, – сказал Ян.

– Вы улыбаетесь, – парировала я.

– Вовсе нет, – сказал он.

Но при этом улыбнулся еще шире. И откинул голову назад, словно собираясь расхохотаться.

И на мгновение, когда я увидела мышцы и жилы на его покрытой щетиной шее, я совершенно забыла о себе, и о том, почему мы были здесь, и о невозможной вещи, которую мы пытались проделать. На мгновение он стал просто парнем в мокрых шортах, а я просто девушкой, которую обнимали.

Но это длилось всего лишь мгновение.

Потом он выпрямился и сделался серьезным.

– О'кей, – сказал он. – Когда я шагну назад, вы шагните вперед.

Но я так давно не делала этого. Я покачала головой:

– Я не помню, как это делается.

– Не думайте об этом. Ваше тело все помнит. Вы знаете, как поднять колено. А потом позвольте воде помочь вам передвинуть ногу вперед.

И когда он отступил на шаг, я согнула ногу в колене. И вытянула ее вперед. А потом опустила ее на пол и перенесла на нее свой вес.

– Я сделала это! – прошептала я.

– Хорошо. Теперь сделайте шаг другой ногой.

И я послушалась.

Это было очень медленно. Но было так приятно выполнять эту старую знакомую работу. Сначала одна нога, потом вторая, в этом извечном человеческом движении. Это было и блаженством, и болью одновременно. Этого было *достаточно* для того, чтобы я вспомнила, чего я хочу, кем я была раньше и что потеряла. И, наверное, это заставило меня плакать, потому что к тому моменту, когда мы коснулись противоположной стенки бассейна, мое лицо было мокрым от слез.

Но я улыбалась. Я улыбалась и плакала одновременно. Я давно уже не была и такой опечаленной, и в то же время такой счастливой. И больше не бесчувственной, это уж точно.

– Мы сделали это! – сказала я. А потом, потому что все остальное казалось уже не достойным никакого внимания по сравнению с этим, я повторила: – Мы сделали это!

– Да. Сделали.

– Я хотела бы пожать вам руку, но боюсь отцепиться от вас.

– Не нужно пожимать мне руку. Мы сейчас еще пойдем обратно.

Мне казалось, что я могу ходить так всю ночь, но Ян сказал, что это у меня от перевозбуждения. Он заверил меня, что я устала больше, чем осознавала.

– Дело в том, – сказала я, когда мы отправились в обратный путь, – что мне кажется, что это не мои мускулы заставляют ноги двигаться. Я думаю, что мне просто помогает течение.

– Это нормально. Суть теории состоит в том, что чем больше ваше тело делает эти движения, тем больше оно будет вспоминать, как их делать. Выполняя эти движения, вы будите эти воспоминания. И это, по крайней мере, вселяет надежду.

– Спасибо, что не дали мне упасть.

– Мы пока еще не вышли из воды.

– И спасибо за то, что вы сегодня со мной такой милый.

Но на это у Яна не было ответа, и он снова замолчал.

Глава 19

Как-то вечером ко мне зашла девушка-волонтер, как раз сразу после того, как появилась Китти с марокканским тажином из баранины. Девушка набирала желающих поучаствовать в выставке поделок, которая должна была проводиться на этой неделе в детском отделении больницы. И не успела я открыть рот, чтобы избавиться от нее, как Китти спросила:

– А каких поделок?

– Да любых, – сказала девушка. – Вязаные игрушки, браслеты дружбы, скульптуры из воска, декоративные свечи. И все что угодно с большими глазами.

Китти посмотрела на меня:

– В детском отделении живут веселее, чем здесь.

– Хотите поучаствовать? – спросила девушка.

– Да, – громко сказала Китти, в то время как я сказала: – Нет.

Девушка посмотрела на Китти:

– Отлично.

– Можем мы представить на выставке вязаную игрушку? – спросила Китти. – Моя сестра вяжет слизняка.

– Ой, приносите его! – воскликнула девушка. – Детишки будут в восторге!

Китти приподняла бровь и посмотрела на меня:

– Может быть, мы придумаем ему большие глаза.

Когда девушка ушла, я сказала:

– Я туда не пойду.

– Нет, пойдешь. Тебя только что внесли в список участников.

– Это *тебя* внесли в список участников.

– А чем тебе еще заниматься?

– Перестань пытаться развлечь меня. Ты сама знаешь, что от этого я чувствую себя еще хуже.

– Зато ты хоть что-то чувствуешь.

– Да. Но из-за этого я чувствую себя виноватой.

– Послушай, только что в Инстаграме я вычитала классную фразу «Наша борьба делает нас сильнее».

– Еще раз упомяни Инстаграм, и я спалю это здание!

– Хорошо, но все статьи в мире говорят, что нужно учиться ценить то, что у тебя есть, и не размышлять о том, чего у тебя нет.

– Ты что, *издеваешься* надо мной?

Она заколебалась:

– Ну, хорошо, это прозвучало немного легкомысленно.

Я закатила глаза:

– Прошло всего четыре недели! Четыре недели с того момента, как я потеряла все, что любила. Можно дать мне пять минут на то, чтобы прийти в себя?

– Да! Конечно! А тем временем давай научим больных детишек вязать слизняков.

– Черт возьми! Прекрати пытаться облегчить мне жизнь!

В этот момент на пороге появился Ян, но это не утихомирило нас. Китти указала на него:

– Ян тоже старается облегчить тебе жизнь.

Я взглянула на него:

– Это его работа.

– И что?

– А то, что работа – это совсем другое.

– И это лучше?

Ян стоял на пороге и слушал нас, но я была твердо настроена победить в этом споре:

– Да! Потому что через три недели мы с ним распрощаемся навсегда. Он не будет думать обо мне, не будет беспокоиться обо мне, и он, черт возьми, не будет всю оставшуюся жизнь пытаться приободрить меня. Он почувствует лишь облегчение, когда я выкачусь из этой двери и вернусь к своей чертовой жизни.

Я собиралась продолжать свою речь, но Ян шагнул ближе.

– Это неправда.

Мы с Китти повернулись к нему.

– Что неправда? – спросила я.

– Я буду думать о вас, когда вы покинете больницу. Я полагаю, что буду думать о вас часто.

И что дальше? Ничего. Этот человек умел экономить слова.

Но этого было достаточно для того, чтобы мы устали на него и прекратили наш спор.

– Хотите марокканского тажина? – спустя несколько секунд спросила Китти, снимая крышку с контейнера и протягивая его ему.

Ян отказался.

– Мэгги вяжет слизняка, – сказала Китти. – Хотите посмотреть?

Она заставила его улыбнуться. Мне очень нравилось смотреть, как он это делает.

– Очень хочу.

– Эй, – сказала я, обращаясь к Кит. – Не смей!

– *Ш-ши*. – Кит подняла вверх палец. – Как шарф он ужасен. А как вязаный слизняк, просто очарователен. Так что продолжай делать из него слизняка и гордись своим мастерством!

Она кинула шарф Яну.

Он секунду рассматривал его, потом перевел взгляд на нас и сказал:

– Это очень красивый вязаный слизняк.

Кит повернулась ко мне:

– Неужели *все* сказанное с шотландским акцентом звучит так сексуально?

Потом она снова повернулась к Яну:

– Если бы вы были ребенком на выставке поделок, он понравился бы вам?

Ян непонимающе посмотрел на нее:

– Выставка поделок?

– Да, ее устраивают в детском отделении, но эта принцесса не хочет в ней участвовать.

Я мрачно посмотрела на Китти.

Но надо отдать ей должное, Яну, похоже, нравилось, когда она дразнила меня. Он слегка прищурился, и выражение его лица стало почти приветливым. А потом, словно он был нормальным и дружелюбным профессионалом, он покачал головой и с легкой усмешкой сказал:

– Вы напомнили мне о моей матери.

Мы с Кит обе нахмурились.

– О вашей матери?

– Она всегда говорила: «Когда не знаешь, что сделать для себя, сделай что-нибудь для других».

Мы пошли на выставку. Какой еще у нас был выбор? Ни у одной из нас не хватило духу возразить матери Яна.

И на этой выставке я получила самое большое удовольствие из всех, которые мне довелось испытать со времени моего заточения в больницу.

Здесь, окруженная детьми, я чувствовала себя более комфортно, чем все это время. В физкультурном зале все мое внимание было сосредоточено на том, чтобы попытаться оживить мои безжизненные ноги. В палате я была всего лишь в больничной палате. Но в комнате отдыха в детском отделении повсюду были яркие краски, надувные шарики, вязаные игрушки. Дети пели и раскрашивали себе лица. Шумно? Да. Хаотично? Абсолютно. Сидя рядом с Кит за столиком, болтая с ней и показывая детям, как нужно вязать, я чувствовала себя почти умиротворенной.

– Это общение тебе на пользу, – заметила Китти.

– Похоже, они приняли меня как свою, – сказала я.

– И ты более искусная вязальщица, чем я ожидала, – удивленно проговорила Кит, глядя на длинную змею, которую я вязала.

– Я и сама этого не ожидала, – сказала я, пожав плечами.

И именно здесь, посреди всего этого хаоса и веселья, Кит решила сообщить мне две новости.

Первая новость: она зарезервировала авиабилет до Нью-Йорка, правда, до ее отлета оставалось еще две недели. Она собиралась улететь в субботу, накануне моей выписки из больницы.

– Ты собираешься оставить меня одну? В мою последнюю ночь в больнице?

– Ты вряд ли будешь одна.

– Не могу поверить, что ты бросаешь меня.

– Это случится только через две недели.

– А теперь я со страхом буду ждать твоего отъезда.

– Я закончила все свои дела здесь, – сказала Кит. – Я наладила отношения с тобой. И предъявила свои претензии маме. И отправилась в эротическое путешествие с Толстяком Бенджаменом.

– Так ты приехала сюда из-за него?

Она слегка прищурилась:

– Полагаю, Толстяк Бенджамен оказался для меня сюрпризом.

– А ты *наладила* отношения с мамой? – спросила я.

– Настолько, насколько это было возможно, – ответила она.

– Потому что мы с тобой так и не обсудили, – здесь я заколебалась, не зная, как это сказать, – *ту информацию*, которую ты сообщила мне в тот день.

Кит пожала плечами:

– Ну, мы все были немного заняты другим.

Это правда, мы были заняты. Но это также было типичным для семейства Якобсен способом реагировать на ошеломительные новости – притвориться, что ничего не произошло.

Наверное, следующий вопрос можно было сформулировать поделикатнее, но я просто спросила:

– А разве ты не хочешь узнать, кто твой настоящий отец?

Кит притихла. Это был самый смелый вопрос из всех, что я решилась задать.

– Наш папа и есть мой настоящий отец.

Я что, причинила ей боль?

– Конечно, – поспешила я исправить свою оплошность. – Полагаю, я имела в виду твоего *биологического* отца.

Она задумалась.

– Я думала об этом. Мне любопытно было бы знать это. Но пока папа об этом не знает, мне кажется, это было бы предательством с моей стороны.

– А папа никогда не узнает.

И мы обе с этим согласились.

Вторая новость: Кит решила устроить вечеринку накануне своего отъезда. В физкультурном зале.

– Они никогда не разрешат тебе этого, – сказала я.

– Он закрыт по ночам. Они никогда об этом не узнают.

Это будет вечеринка в честь Дня святого Валентина, хотя уже наступит первое апреля.

– Это мелочи, – отмахнулась Кит. – Любовь может прийти в любое время.

– А ты осознаешь, что случилось со мной в последний День святого Валентина? – спросила я.

– Да, – ответила Кит.

Конечно же, она это знала. Все это знали. Но я все равно сказала:

– Я попала в *авиакатастрофу*.

– Ну, это я знаю. Просто я даю тебе возможность по-другому отметить этот праздник.

Я покачала головой:

– Нет.

Но глаза у нее уже горели:

– Я все сделаю сама. Тебе не придется ни о чем беспокоиться. Я поговорю с медсестрами, украшу зал. У меня талант к этому! Повсюду повесим маленькие шоколадки в форме сердечек, приготовим пунш, который назовем «любовным напитком», а у Толстяка Бенджамена есть шоколадный фонтан, который он украл на каком-то банкете. Повесим серпантин, устроим караоке исключительно с любовными песнями, а в моей детской спальне есть еще тот дискотечный шар. Обожаю такие вещи! Позволь мне что-нибудь сделать для тебя. Хорошо?

Может быть, оттого, что выставка поделок оказалась такой неожиданно веселой, я только вздохнула, а когда я чуть-чуть сгорбилась, Кит поняла, что она победила.

Она сделала победный жест.

– Но кого ты пригласишь? – спросила я. А потом погрозила ей пальцем: – Никого из Фейсбука. Никаких нормальных людей, о'кей?

– Только травмированных. Соседей по отделению. И медсестер. И всех подходящих людей. И, конечно же, Толстяка Бенджамена.

И тут я все поняла:

– Ты уже все спланировала заранее?

Она приподняла брови:

– Я хотела сделать тебе сюрприз, но ты же знаешь, что я не умею хранить тайны.

– Ты хитрая лиса!

– Посмотрим, сможешь ли ты злиться, – сказала Кит, – когда будешь пить из шоколадного фонтана.

Глава 20

Перед началом моей последней недели в больнице мне дали неожиданный выходной день.

Однажды вечером Китти появилась со спанкопитой^[10] и сказала:

– У меня потрясающие новости!

Я взяла нового слизняка.

– Какие?

– Мы придумали отпадный подарок тебе на день рождения!

Я призадумалась. Действительно, в воскресенье у меня будет день рождения.

– Я совсем забыла о нем, – сказала я.

– Ты не поверишь, какой грандиозный подарок получишь!

– Мое лицо уже совсем нормальное?

Кит нахмурилась и, прищурившись, посмотрела на меня.

– Не совсем, – сказала она, – но уже почти.

– Так что за подарок?

Кит выпрямилась во весь рост:

– Мы сразим тебя наповал.

– Кто это «мы»?

– Мама и я.

– С каких это пор мама и ты стали «мы»?

Китти помрачнела:

– У нас хрупкое перемирие. Мы не задаем вопросов и не отвечаем на них.

Я нахмурилась. Как такое возможно? Учитывая все обстоятельства?

– Не нужно недооценивать способности Линды избегать скользких тем, – сказала Кит. – Или мои.

– Так вы ни о чем не разговариваете?

– Мы разговариваем только о тебе.

– О'кей.

– Хотя она в ужасе от того, как я выгляжу.

– Неудивительно.

– Особенно от татуировок.

Я выразительно посмотрела на Кит. *Неудивительно.*

– На самом деле это была ее идея.

– Какая идея?

Кит притворилась, будто трубит в невидимую трубу:

– Объявляю последние новости о самом грандиозном дне рождения! Мы устраиваем тебе выходной!

– Выходной?

Кит понизила голос и снова заговорила нормально:

– Мама подумала, что тебе может понравиться идея есть спагетти и торт дома.

Наш традиционный обед на дни рождения. Спагетти и торт. При этой мысли мне сделалось грустно.

– Я не хочу ехать домой.

– Знаю. – Китти, казалось, была очень довольна собой. – И я ей это сказала. А папа поддержал меня.

– Так мне не придется ехать к маме?

– Нет. Все гораздо лучше.

– Тогда куда?

Китти сделала несколько танцевальных па.

– На озеро.

– На озеро? Наше озеро?

Она хлопнула в ладоши.

Но эта идея совсем никуда не годилась.

– Я не могу поехать на озеро, – сказала я.

Это был старый рыбацкий домик, принадлежавший моим дедушке и бабушке. Лишенный всяких удобств, чтобы не сказать больше. И вряд ли приспособленный для инвалидного кресла.

– Ты можешь! Все уже улажено!

– Они ни за что не выпустят меня отсюда.

– Мама уже добилась их согласия. Это все будет официально. Я не говорила тебе, пока все не устроилось.

– Но... – Я и не знала, что сказать. Китти хотела, чтобы я пришла в восторг, но мне это казалось ужасной, утомительной затеей.

– Мы все продумали. Мама всю неделю ездила туда, все намывала, и теперь дом просто сияет чистотой. Свежие простыни, никакой пыли. Плюс куча продуктов, которыми она забила кухню.

– А мама тоже там будет?

– Нет! В этом вся и прелесть! Я сказала ей: «Мама, Маргарет совсем молодая девушка! Она захочет провести свой день рождения с молодежью!» И папа поддержал меня.

– Тогда с кем я проведу его?

– Со мной!

Все хуже и хуже.

– Кит, ты не сможешь позаботиться обо мне. Ты с трудом заботишься о себе самой.

– Это грубо. И неправда. Я *могу* заботиться о тебе, потому что я уговорила твоего бойфренда поехать с нами. И он будет делать всю тяжелую работу.

Моего бойфренда?

– Кого – Чипа?

Я не видела его и ничего не знала о нем с того вечера, когда мы расторгли помолвку. Словно он вообще никогда не существовал.

Кит покачала головой:

– Нет. Твоего *шотландского* бойфренда.

Я прижала руку к губам:

– Не может быть.

– Может!

– Ты пригласила его?

Она кивнула.

– И он согласился?

– Очевидно испугавшись, что я угроблю тебя.

Я откинулась на подушку:

– Нет.

– В любом случае это твой настоящий подарок. И ты сможешь заняться запретным сексом со своим тайным избранником. – Потом она нахмурилась, наклонилась ко мне и прошептала: – Твоя вагина все еще работает, правда?

Я закрыла рукой глаза:

– Никаких тайных избранников. Никакого запретного секса. Опомнись, Кит!

– Ты считаешь меня дилетанткой? Ты думаешь, что я не распознаю сексуального влечения? Да сексуальное влечение – это моя стихия!

– Кит, посмотри на меня. Посмотри на мою жизнь.

– Ну?

– Мы уже не в школе. Через две недели меня выпишут из больницы, и у меня больше не останется никакой надежды.

– Тем более есть причина немного повеселиться.

– Я ненавижу веселье. Я уже даже не верю в веселье.

– Верись, когда находишься в обществе Яна.

– Мы не будем этого делать.

– Все уже устроено. Он берет отгул на этот день, и все такое прочее.

– Значит, я, ты и мой тренер отправляемся на озеро отметить мой день рождения?

Кит кивнула.

– И Толстяк Бенджамен тоже. Чтобы и я могла заняться запретным сексом.

– А как же Усы?

– У нас свободные отношения.

Все выходные и летние каникулы в детстве я проводила в этом маленьком рыбацком домике. Я резвилась в саду, плавала целыми днями, делая перерыв лишь на обед и на ужин, и часами каталась на лодке, обследуя озеро. Я провела здесь все детство и никогда не предполагала, что все так закончится. И у меня сжималось сердце при одной лишь мысли о том, что я снова вернусь туда, сейчас, когда моя жизнь так изменилась. Мне было страшно столкнуться даже с такими обыденными вещами, как, например, продуктовый магазин или кинотеатр. Но место такое счастливое? Связанное с воспоминаниями о моей прошлой жизни? Одна мысль об этом разрывала мне сердце.

Но что я могла поделать? Все уже было устроено. И я действительно хотела выбраться из больницы. Я действительно любила это озеро. Домик стоял всего в ста футах от берега, и когда я просыпалась, первым, что я видела, было отражение солнца на воде. И я хотела снова увидеть это. Я очень хотела оказаться в каком-нибудь ослепительно красивом месте.

Кит продолжала:

– Мы будем есть походную еду и готовить сморы ^[11] на костре.

Мне казалось, что у меня в животе порхали бабочки. Я хотела поехать так же сильно, как и *не* хотела этого.

Но я не знала, как отказаться. Все уже было устроено. К тому же Кит не ошибалась – я действительно верила в веселье, когда Ян был рядом.

С того момента, как Ян стал моим наставником, мы работали в физкультурном зале, не щадя сил, как команда ниндзя. Я была сосредоточенной и вдохновленной, а Ян, наконец, понял, что люди начинают стараться больше, если их подбадривать. Мы занимались в физкультурном зале днем, а потом снова после ужина.

На самом деле он был единственным человеком, которому я рассказала о своих ежедневных попытках пошевелить пальцами ног. Это стало для меня ритуалом. Каждый день я начинала с ободряющей речи, обращенной к моим пальцам, и с попытки оживить их.

– И что вы говорите им? – спросил Ян, когда я рассказала ему об этом.

– Моим пальцам?

Он кивнул:

– В вашей ободряющей речи.

И во имя здравоохранения я сказала правду:

– Я говорю: «Ну же, малыши. Вы намного сильнее, чем думаете».

– И что они отвечают?

Я растерянно уставилась на него, а потом сказала:

– Они говорят: «Мы постараемся, леди».

Иногда к вечеру я была слишком уставшей, чтобы идти в физкультурный зал, и Ян проводил эти вечера в моей палате, со мной и с Кит. Он занимался с моими ногами, массировал их, сгибал, вытягивал и при этом разговаривал с нами гораздо свободнее, чем в физкультурном зале. Там все время маячил Майлз, и Ян всегда был сух и официален. Может быть, он немного меньше хмурился, но тем не менее все еще часто делал это.

Но по вечерам он был совершенно другим.

Прежде всего, он был увлечен нашими занятиями. В физкультурном зале он лишь следовал инструкциям. Но наедине с нами был полон энергии и сюрпризов. Когда я была не слишком уставшей, мы ходили в бассейн, где у него было множество надувных игрушек, которые делали это место более жизнерадостным. Иногда он приходил в сопровождении друга, занимавшегося акупунктурой, и тот ставил мне иголки прямо там, в моей палате, в то время как Китти ела

цыпленка в кунжуте и с интересом наблюдала за нами. Время от времени Ян приводил рефлексолога, который к тому же увлекался ароматерапией. А однажды он привел свою подругу – мануального терапевта. И я немного испугалась, потому что не хотела, чтобы она даже дотрагивалась до моего позвоночника, не говоря уже о том, чтобы пытаться размять его. Но она всего лишь принесла с собой ручной ультразвуковой аппарат, которым попыталась стимулировать мои икры и ступни.

Помогало ли все это? Кто знает? Но, по крайней мере, не вредило.

Так что в физкультурном зале мы работали, а по вечерам развлекались.

Иногда по вечерам мы с Яном до самого отбоя бросали мяч в корзину игрового автомата, установленного при входе в физкультурный зал. В первой же игре я обыграла Яна на тринадцать очков. И это ему не слишком понравилось. Но я оказалась лучшим игроком, чем Ян. Я побеждала всегда. Я сидела напротив корзины, а он подавал мне мячи. И я бросала до тех пор, пока мое время не заканчивалось. Тогда бросать начинал Ян. Иногда он попадал в корзину, а иногда нет. Я уверена, что он был хорошим игроком. Но я была выдающимся. Я никогда не промахивалась. И это доводило Яна до сумасшествия. Особенно учитывая то, что я никогда в жизни не играла в баскетбол и даже прежде не видела таких игровых автоматов.

В первый вечер, когда Ян появился в моей палате в качестве наставника, он только стоял, как солдат в карауле, и ждал, пока мы с Кит поужинаем. Теперь же они с Кит сидели на стульях по обе стороны от моей кровати, которая была поднята на высоту обеденного стола, а ужин был разложен на ней. И коробки с едой стояли у меня прямо на коленях.

Может быть, из-за еды, или из-за нашего с Кит непринужденного обращения с ним, или просто из-за того, что здесь не было Майлза, Ян порой казался совершенно другим человеком. Дружелюбным, улыбчивым, *милым*. И чем больше мы видели его таким, тем больше хотели еще раз увидеть. Это превратилось в игру.

Мы с Кит объединили усилия, стараясь заставить Яна улыбнуться, или покраснеть, или громко рассмеяться – желательно все вместе. Больше всего нам нравилось смущать его. Мы непристойно ругались. Разговаривали о шокирующих мужчин интимных женских делах.

Заставляли его учить нас шотландским ругательствам, которых оказалось великое множество. И все они были просто восхитительными.

Ян шокировал нас заявлением, что шотландский акцент в Великобритании не пользуется такой всеобщей любовью, как в Штатах.

– Они просто завидуют, – сказала Кит.

– Значит, мы не должны потешаться над вашим акцентом? – спросила я.

Одно дело было потешаться над акцентом, который казался невероятно прикольным, и совсем другое – высмеивать акцент, к которому некоторые люди относились с презрением.

– Вы можете потешаться над шотландскими словами, – сказал он, – если разрешите мне потешаться над техасскими.

Мы с Кит переглянулись.

– А вы *сможете* потешаться над техасскими?

Ян указал пальцем на меня:

– Вы говорите «хлюпнуться» вместо «упасть». Вы же знаете, что такого слова нет?

– Такое слово есть, – возразила я.

Ян покачал головой:

– Только в Техасе.

Нам нравилось копировать его акцент, но это нам плохо удавалось. Мы также заставляли его произносить американские слова, особенно географические названия на индейском языке, которые Кит выискивала в Интернете. Такие как река Калусахатчи, озеро Тангипахоа или залив Куиттапахилла. Когда он пытался произнести это, Кит впадала в истерику от смеха, но меня это просто завораживало. Я наблюдала за его губами, когда он пытался воспроизвести эти звуки. Иногда я даже забывала смеяться. И только зачарованно слушала.

Он с удовольствием включался во все наши игры. Мы начали с того, что пытались вытащить его из его раковины, и при этом сами веселились от души. Иногда за ужином мы так смеялись, что даже не могли есть. Это был глупый, неуправляемый смех, не свойственный взрослым людям. Он был почти истерическим, учитывая обстоятельства. Мы смеялись над тем, что даже не было смешным –

над скрипнувшим стулом, над упавшим на пол пельменем, над медсестрой, зашедшей в палату, чтобы выяснить, почему у нас так шумно.

То, что я могла смеяться в моем положении, в самый мрачный период моей жизни, было очень странным. Но я пришла к выводу, что печаль может быть катализатором веселья. Когда на вашу долю выпадают тяжкие испытания, вам просто необходимо хорошенько посмеяться. Я помню, как мой папа и его брат, направляясь на кладбище на похороны своей матери, потешались над родственниками и отпускали разные шуточки. Я была еще маленькой, и мы с мамой и Кит сидели на заднем сиденье машины и смотрели, как эти два взрослых мужчины, лишившиеся матери, которую искренне любили, не просто шутили, а *заходились* от смеха.

Мне было лет десять в то время.

– Что вы делаете? – спросила я папу. – Как вы можете смеяться?

– Милая, – сказал папа, – если мы не будем смеяться, мы расплачемся.

Вот таким смехом смеялись и мы. Смеялись так, что у нас сводило челюсти. И мы смеялись не вопреки невзгодам, а из-за них.

Кит была более отчаянной, чем я. Однажды она принялась уговаривать Яна прийти на работу в килте.

– Появитесь здесь в килте, – сказала она, – и я заплачу вам десять тысяч.

– У нее нет десяти тысяч, – прошептала я Яну.

Ян улыбнулся:

– А у меня нет килта, так что мы в расчете.

По большей части это мы с Кит подзадоривали Яна, но однажды, когда мы ели суши, он сам зачерпнул полную ложку васаби, поднял ее так, чтобы мы видели, и сказал:

– Кто готов держать пари, что я не съем это?

Я посмотрела на него как на сумасшедшего:

– Всю ложку?

И десятой доли этого количества было достаточно, чтобы пар пошел из ушей.

Но Ян кивнул.

– Нет, – сказала Кит. – Я пас. Даже я не настолько безумна.

– А я принимаю ваш вызов, – выпалила я.

И прежде чем я успела взять свои слова обратно, Ян сунул ложку в рот и проглотил все ее содержимое. Потом он победно поднял руки вверх.

Мы с Китти уставились на него.

– Довольно вкусно, – сказал Ян.

Но, прежде чем он успел договорить это, слезы хлынули у него из глаз, лицо покраснело, и он стал задыхаться и шипеть, как бешеный кот.

Он схватил свою бутылку с водой и выпил ее одним махом. Потом схватил мою бутылку и тоже выпил. Потом проделал то же самое с бутылкой Кит.

– У-ух, – проговорил он, вскочив на ноги и расхаживая из угла в угол. – Черт, эта штука здорово дерет горло!

– Ругайтесь по-шотландски! – хором воскликнули мы с Кит.

Но он несколько раз подпрыгнул на месте, а потом согнулся, тяжело дыша. И ударился головой о спинку кровати. Обнаружив, что у него из глаз текут слезы, он взял салфетку, которую я протянула ему.

Прошло не менее получаса, прежде чем он смог прийти в себя, после чего он заявил:

– И о чем я только думал?

– Вы думали о том, – сказала я, даже не пытаясь скрыть теплоту в голосе, – чтобы развлечь нас.

Мы словно заключили молчаливый пакт о том, что будем веселиться, несмотря ни на что.

– Это подтверждает и наука, – сказала Китти, апологет Интернета, когда я заметила, что мысль о предстоящем ужине с ней и с Яном скрашивает мои унылые дни. – Предвкушение награды активизирует те же участки мозга, что и сама награда. Вот такой у нас глупый мозг. Он даже не понимает разницы.

Во всем остальном моем дне не было ничего, решительно ничего веселого. Но само предвкушение ужина доставляло мне колоссальную радость.

Глава 21

Утро моего выходного дня было совершенно обычным – умывание, переодевание, неудавшаяся попытка пошевелить пальцами. А в обед, как всегда, пришли мои родители. Но потом, вместо того чтобы направиться в физкультурный зал, я пересела в кресло, взяла сумку с необходимыми мне вещами, и родители повезли меня туда, где ждала Китти, сидя в машине моего папы.

Мне почему-то было очень страшно уезжать из больницы.

Я ожидала, что буду в восторге от того, что хотя бы на день вырвусь отсюда. Но вместо этого я чувствовала лишь страх. Я не доверяла Кит, которая должна была вести папину большую машину. Я не доверяла всем тупым водителям, которые болтали по телефону на самых опасных перекрестках. Я не доверяла этому огромному, ужасному, хаотичному миру, существовавшему за пределами моей маленькой упорядоченной больничной биосферы.

И даже сидя в машине, я не могла расслабиться. Если бы я была кошкой, я вцепилась бы когтями в приборную панель. Каждый поворот, каждый красный сигнал светофора, каждое нажатие на педаль тормоза заставляли меня съеживаться от страха.

– Тебе следует расслабиться, – сказала Кит.

Я кивнула:

– Да. Хороший совет. Расслабиться.

Но я понятия не имела, как это сделать. Как можно *заставить себя* расслабиться?

К тому времени, когда мы подъехали к домику, моя шея онемела от напряжения. Мне казалось, что кровь перестала поступать в мой мозг. Я чувствовала головокружение, и моя голова начала болеть. Кит объявила, что мне нужно поспать.

Разумеется, дом не был приспособлен к тому, чтобы передвигаться по нему в инвалидном кресле. С какой стати он должен был быть приспособлен? Кит помогла мне пересест в кресло и подвезла меня по усыпанной гравием дорожке к входной двери. И здесь мы вынуждены были остановиться, чтобы решить, как закатить кресло по ступенькам, ведущим в дом.

– Я так и знала, что это плохая идея, – пробормотала я.

– Ш-шш, – сказала Кит. – Если мы ничего не придумаем, твой шотландец сможет на руках отнести тебя в дом, когда приедет. Это что, будет так уж плохо?

– Отстань, – сказала я, закрывая глаза.

Оказаться снова здесь было просто ужасно, как я и боялась. Все было в точности таким же, как было с тех пор, как в шестидесятые годы мои бабушка и дедушка купили этот дом. Входная дверь все так же скрипела. Нора суслика возле ступенек была на прежнем месте. Грушевые деревья, которые посадила моя бабушка, все так же шелестели листвой на ветру.

Единственным, что изменилось, была я сама.

И от всего этого меня охватила такая тоска, что я вынуждена была наклониться и положить голову на колени.

– Нам не следовало приезжать сюда, – прошептала я.

Я чувствовала, что меня вот-вот стошнит. Я ощущала соленый привкус во рту, который всегда появляется в таких случаях.

Но тут я услышала шорох гравия на дорожке.

Я подняла голову и увидела старенький коричневый автомобиль. В котором сидел Ян. А потом он вышел из машины, захлопнул дверцу и направился ко мне. На плече у него висела брезентовая сумка. И он был не в пижаме, а в джинсах и фланелевой клетчатой рубашке. А вместо тапочек на ногах у него были коричневые кожаные ботинки.

Я тут же забыла о том, что меня тошнило.

– Это место подходит вам, – сказал Ян, приблизившись ко мне.

– Правда? А меня только что чуть не стошнило.

– Укачало в машине?

– Нет, думаю, я просто пала духом.

– Вам стало грустно оттого, что вы снова приехали сюда?

Я кивнула.

– Но я надеюсь, что вы все же счастливы снова оказаться на воле?

Я покачала головой:

– Пока еще нет. Но я рада видеть вас.

– А почему вы сидите одна на улице?

– Китти пытается решить, как затащить меня в дом.

Ян кивнул:

– В этом я могу вам помочь.

Он бросил свою сумку на траву, повернулся, опустился на колени и нагнулся.

– Залезайте, – сказал он.

Я подчинилась. Он просунул руки мне под колени, а я сжала его бока своими бедрами, крепко держась руками за его плечи. На секунду я снова ощутила его упоительный запах, а потом он поднялся и отправился вокруг дома на поиски Кит.

Когда перед нами открылся вид на озеро – синее, сверкающее на солнце и совсем не такое маленькое, каким я его помнила, – Ян на мгновение остановился. Лужайка перед нами шла под уклон, и с того места, где мы стояли, открывался замечательный вид.

– Это ваше озеро? – спросил Ян.

– Да, это наше озеро, – ответила я, слегка коснувшись щекой его шеи.

– Вы покатаетесь со мной на лодке?

– Обязательно.

И в этот момент из-за угла дома вышла Кит.

– Нам придется подождать, – начала она, а потом, увидев нас, посмотрела на Яна, – вот этого мускулистого парня.

После этого мне уже не хотелось возвращаться в больницу. Но не из-за появления Яна. Хотя я была рада ему. Мое сердце все еще пело свою грустную песню, но теперь мелодия немного изменилась, словно Ян внес в нее новые мотивы. Они не прервали горестную песню, но изменили ее.

Мне нужно было пописать – как и всем нам, после долгой дороги, – так что когда Кит открыла дверь, Ян отнес меня в туалет и посадил на толчок прямо в одежде.

– Вам нужна моя помощь? – спросил он.

Даже если бы она была нужна мне, я ни за что на свете не стала бы просить его.

– Все в порядке, – сказала я.

Как оказалось, мое кресло было здесь совершенно бесполезным. На улице мешали трава и камешки, а в доме дверные проемы были слишком узкими. Так что Яну пришлось повсюду носить меня, что втайне доставляло мне немалое удовольствие.

В конце концов, это же был мой день рождения.

День был прохладным и солнечным, и Кит с Яном посадили меня на металлический стул около воды, а сами принялись распаковывать вещи. Мои раны не должны были находиться на солнце, так что Кит принесла мне розовый зонтик в горошек. Я установила его так, чтобы прикрыть грудь, но все остальное – лицо, ноги, правую руку – я подставила солнцу. Я так давно не ощущала прикосновения солнечных лучей к моей коже. Я закрыла глаза и подняла голову, упиваясь этим приятным ощущением. Ветерок был прохладным, но мне было тепло.

Несмотря на все, что произошло, и все, что мне еще предстояло вынести, этот момент был замечательным.

Не знаю, сколько времени прошло, но когда я услышала шорох гравия под ногами, моя головная боль уже прошла.

Это был Ян.

– Кит послала меня вытащить лодки, – сказал он, не останавливаясь.

Я кивнула и продолжила загорать, но на этот раз с открытыми глазами.

Ян открыл дверь сарая, в котором хранились лодки, и одну за другой стал вытаскивать их на берег. Там были весельная лодка, два каяка, два вейкборда, старенький катамаран и каноэ, которое мой дедушка раскрасил в черокском стиле. Я следила за всеми действиями Яна как замороженная.

Спустя некоторое время ко мне присоединилась Кит и, даже не успев сесть, объявила:

– У нас здесь просто великолепный образчик мужской красоты.

– Он не мужчина, он мой тренер.

– Он и то, и другое, – ответила Кит, не сводя глаз с Яна.

– А где твой мужчина? – спросила я.

– На пути сюда.

Ян вытащил последнюю лодку, а потом повернулся к нам. Похоже, это была нелегкая работа, потому что он снял свою клетчатую рубашку, направляясь к нам, и вытер ею свою шею. Теперь он остался в одной лишь майке, и Кит слегка присвистнула.

– Кит! – сказала я. – Не нацеливайся на него!

– Я не виновата, – пробормотала она. – Нельзя винить человека за его естественную реакцию.

Ян подошел к нам и бросил рубашку на траву. Не сводя с меня глаз, он спросил:

– Хотите показать мне озеро?

– Да, – слишком быстро ответила я.

– Вообще-то она хочет спать, – сказала Кит.

Я шлепнула Кит по руке.

– Нет, не хочу!

– Я подумывал о каяке, – сказал Ян. – Но боюсь, как бы он не перевернулся.

А я беспокоилась из-за своей шеи. В отличие от бассейна, вода в озере не была хлорированной.

– Лучше взять каноэ, – сказала я.

– Можно мне поехать с вами? – спросила Кит.

– Нет, – ответили мы хором.

Ян перенес меня и мой зонтик к краю воды и посадил меня на траву. Потом стащил в воду раскрашенное каноэ. Подхватив меня на руки, он вошел в воду прямо в джинсах и аккуратно усадил меня в лодку.

Когда Ян стал забираться в каноэ, оно накренилось, и меня охватил страх. Я не носила спасательный жилет с раннего детства, и тот, который сейчас был на мне, надевался на шею, как подушка для сна в самолете. Конечно, я не могла надеть его на шею – я все еще носила футболки с отрезанным рукавом – так что я обернула жилет вокруг груди и подоткнула его под мышки.

– Я выгляжу нелепо.

Но Ян покачал головой.

– Вы выглядите, – начал он, потом остановился и добрую минуту подбирал слово, – находчивой.

– Я такая и есть, – сказала я, надевая солнечные очки и размышляя над тем, что он собирался сказать и не сказал.

Сезон на озере еще не начался, и, похоже, мы были там совсем одни.

– Куда? – спросил Ян, и я указала пальцем на противоположный берег.

Мы молчали, и меня это вполне устраивало. Весла хлюпали по воде, волны с тихим плеском ударялись о борт каноэ, легкий ветерок трепал мне волосы. Я так хорошо помнила это место, которое было

частью меня, что мне необязательно было даже находиться здесь, чтобы ощутить все это.

Но на самом деле находиться здесь, на воде, в реальном мире, а не только в воображении, было замечательно.

Я попросила Яна проплыть мимо столетнего дома, первого из построенных здесь. И я рассказала ему все истории о привидениях, связанные с этим домом. Потом мы проплыли мимо особняка, который управляющий какого-то инвестиционного фонда начал строить десять лет назад, но так и не достроил.

– В нем тоже живут привидения, – сказала я.

Чуть позже мы доплыли до того места, где каждый июль проводились соревнования по парусному спорту, потом миновали огромный надувной батут, на котором обычно резвились дети. А чуть дальше находилось кафе, около которого даже не было стоянки для автомобилей, только причал для лодок.

Я чуть наклонилась к бортику и опустила руку в воду, слегка шевеля пальцами. Я тысячи раз проделывала это, в этой самой воде, в этом самом каноэ, в точности в такую же погоду. Дома были теми же, облака были теми же, и даже звуки были теми же.

Ян греб размеренно и плавно, и я позволила себе почувствовать себя настолько же счастливой, насколько я была опечаленной.

Я поразилась этому чувству, потому что одно не исключало другого. Я испытывала и счастье, и грусть одновременно.

Если бы вы спросили меня об этом до катастрофы, я сказала бы вам, что чувства похожи на большие разноцветные мазки. Одни чувства бывают голубыми, другие – желтыми или красными. Но сейчас я видела этот эмоциональный ландшафт совсем по-другому. Он был похож на пуантилизм Сёра^[12] – каждый цвет состоял из множества цветов. Если смотреть вблизи на этот ландшафт, он похож на хаотичное сочетание разноцветных точек. Но если немного отойти, можно увидеть воскресный полдень на озере. И каждый цвет состоит из множества цветов, которые дополняют друг друга.

Может быть, подумала я, теперь я буду видеть мир глазами художника?

Я могла закрыть глаза и просто наслаждаться своими ощущениями, но у меня был вопрос к Яну, который не давал мне покоя. И сейчас, когда мы остались одни, я не могла не спросить его.

– Скажите мне кое-что, – проговорила я, стараясь, чтобы это прозвучало небрежно.

– О'кей, – сказал Ян, продолжая грести.

– Почему ваш бизнес прогорел?

Я почувствовала, как Ян напрягся, услышав это.

Но я уже не могла остановиться. Так что я продолжила, не отводя взгляда от воды:

– Что случилось?

Ян не отвечал и просто продолжал грести.

– Я хочу сказать, это была такая прекрасная задумка.

Ян так долго молчал, что я, наконец, повернула голову и посмотрела на него.

– Я не слишком хороший управляющий, – сказал он, наконец. – Я слишком мало уделял внимания многим вещам.

Я пожала плечами, словно говоря: «О'кей». Словно этот ответ удовлетворил меня.

Но, разумеется, его ответ лишь породил множество других вопросов. Почему человек с такой блестящей идеей взял на себя труд основать свое собственное дело – изобретя, по сути, совершенно новый бизнес! – а потом перестал уделять ему внимание?

Но по виду Яна я поняла, что он не хочет говорить об этом.

И я замолчала.

Мы были здесь не для того, чтобы чувствовать себя несчастными. Мы были здесь для того, чтобы попытаться хотя бы на короткое время почувствовать себя счастливыми.

К тому времени, когда мы вернулись, солнце уже начало садиться. А Толстяк Бенджамен, который оказался скорее коренастым, чем толстым, с крепким телом и густой окладистой бородой, вместе с Кит хлопотал возле костра. Ян принес меня на закорках к костру и усадил на стул, и я стала наблюдать за тем, как Кит и Бенджамен флиртуют друг с другом. Казалось, он не мог удержаться от того, чтобы постоянно прикасаться к ней, а она, похоже, не возражала.

Кит приготовила соте из овощей в горшке прямо на костре («Он вегетарианец», – извинилась она, когда мужчины ушли в лес за дровами). Когда солнце село, стало прохладно, и Ян пошел за пледами.

Когда он снова появился со стопкой пледов, под мышкой он нес еще кое-что.

Гавайскую гитару.

– Вы музыкант! – воскликнула Кит, увидев ее.

Ян покачал головой:

– Не играл уже тысячу лет. Но я могу сыграть «С днем рождения тебя».

И так он и поступил. В его исполнении это была почти что серенада. Я завернулась в плед, стараясь, чтобы он не прикоснулся к обожженным участкам на моей шее, и после этого все уселись вокруг костра, и Ян стал играть все, что ему заказывали, а мы с удовольствием пели. Он часто сбивался, но, кроме него, это никого не беспокоило.

– Не извиняйтесь, – сказала я, – вы играете на гавайской гитаре лучше всех, кого я знаю.

Ян слегка улыбнулся:

– А я единственный из всех ваших знакомых, кто играет на гавайской гитаре?

– Точно.

Он знал несколько песен Боба Дилана, пару песен Джеймса Тейлора, одну песню Вана Моррисона и все песни «Битлз».

Таким образом, мой день рождения у костра стал вечеринкой, посвященной «Битлз». Мы пели, и пели, и пели. И ели вегетарианское соте. А потом, вместо обязательного торта, испекли на чугунной сковороде шоколадное печенье с растопленным зефиром.

– Я думала, что мы станем готовить сморы, – сказала я.

– Мы готовили сморы тысячу раз, – фыркнула Кит. – Пора приготовить что-то новенькое.

Прежде я часто готовила здесь еду на костре и отмечала здесь свои дни рождения, но, хотя это место было таким знакомым мне, я никогда не чувствовала себя так, как сейчас. Все казалось мне немного непривычным.

И я обнаружила, что мне хочется вот так сидеть и сидеть у костра. Во всяком случае, мне не хотелось уходить в дом.

Ян время от времени спрашивал меня, не устала ли я, но я лишь качала головой. Я немного замерзла в своем сарафане, но все равно не хотела уходить. Кит и Бенджамен прикончили соте и понесли сковородки и кастрюли в дом, чтобы помыть их. А потом исчезли,

чтобы заняться каким-то неотложным делом. Но меня это не волновало. Мне нравилось сидеть и смотреть на огонь. Мне было холодно, но и это ощущение мне нравилось. И мне нравилось сидеть на природе и говорить Яну, какую песню спеть. Он пел, и я пела, и мне нравилось слышать, как наши голоса сливаются.

Завтра все будет по-другому. Мы проснемся и поедем обратно, к реальной жизни в уродливой больнице с флуоресцентными лампами и сиреневыми шторами. И чем скорее я лягу спать, тем скорее это произойдет. А я не хотела этого.

Но Ян, наконец, сказал:

– Вы, должно быть, замерзли. Лично у меня заледенела задница.

– Это неважно.

Он внимательно посмотрел на меня:

– Ваши губы немного посинели.

Он отложил свою гитару и подошел ко мне. Потом взял меня за руки и ужаснулся:

– Бог мой, Мэгги. Вы просто окоченели.

Одним движением он подхватил меня на руки, на этот раз не взваливая меня на спину, а прижимая к своей груди. И чтобы ему было легче нести меня, я обняла его рукой за шею и уткнулась носом в его плечо. Этот упоительный запах Яна! Я с восторгом вдохнула его, наслаждаясь этим ощущением. А потом подумала: смогу ли я прикоснуться губами к его шее так, чтобы он не заметил?

Он быстро пересек двор и вошел в дом, где было тепло и уютно. Пройдя через кухню, он стал подниматься по лестнице.

В доме было тихо, словно там никого не было, и мне стало интересно, куда подевались Кит и Бенджамен – ушли погулять? Поднявшись на второй этаж, Ян в нерешительности остановился. Я чувствовала, как бьется пульс у него на шее.

– В какую комнату? – спросил он.

– В конце коридора, – ответила я.

Ян локтем поискал выключатель, чтобы включить свет в коридоре, но не нашел его, так что пошел дальше в темноте. Но было не настолько темно, чтобы нельзя было разглядеть очертания предметов. И он шел осторожно, но без излишних колебаний. Дверь в мою комнату была открыта, а кровать находилась прямо рядом с ней. Она была освещена голубым лунным светом, отражавшимся от воды.

Ян перешагнул через порог и споткнулся о коврик, лежавший у двери.

Он стал падать, и я до сих пор не могу понять, как он так извернулся, чтобы не упасть на меня. А я прокручивала в голове этот момент много раз.

И я приземлилась прямо на него. Я полностью лежала на нем.

Сначала, сразу после падения, мы стали выяснять, не повредили ли мы что-нибудь. Он не ударился головой? И не вывихнул ли себе чего-нибудь? *Нет*. Мои шрамы не задеты? *Нет*. Моя спина? *Все нормально*. Не болит ли у кого-нибудь что-нибудь? Похоже, что нет.

И только потом мы осознали создавшуюся ситуацию: мы были одни, в освещенной лунным светом комнате, рядом с уснувшим озером. Мы лежали на полу, слегка запыхавшиеся.

Мое лицо было всего в нескольких дюймах от его лица, и несколько долгих секунд мы лежали неподвижно, словно застывшие. Наше дыхание было прерывистым, взгляды настороженными. Его глаза были темно-синими, почти черными.

А потом я совершила сумасшедший поступок, который в тот момент казался мне таким естественным – я прижалась губами к его губам и поцеловала его.

И – о, чудо! – мне больше не было холодно.

Я немного отстранилась, чтобы посмотреть на выражение его лица и понять, что он думает. Но он тут же положил руку мне на затылок и притянул меня к себе. Еще один поцелуй. На этот раз более горячий и неторопливый. В прошедшие несколько недель я так часто смотрела на эти губы и мучительно хотела прикоснуться к ним, пусть даже только кончиками пальцев. Я хотела выяснить, были ли они такими мягкими, какими казались. Были ли они такими сладкими, как его запах. И теперь я знала это. Да.

– Ты пахнешь шоколадным печеньем, – пробормотала я, на секунду слегка отстранившись, но все еще касаясь губами его губ.

– А ты пахнешь зефиром, – отозвался он, а потом сильнее прижался губами к моим губам и проник языком мне в рот.

– Я обожаю твой акцент, – пробормотала я спустя минуту, немного приподняв голову.

– А я обожаю твой, – сказал он, пытаясь поймать губами мои губы.

– Я обожаю твою гитару, – сказала я спустя еще минуту.

– А я твою.

– У меня нет гитары.

– Это неважно.

Я немного изменила позу, и Ян оказался лежащим на спине, а я сидела на нем, сжимая бедрами его бока и упершись ладонями в пол по обе стороны от его головы.

– Ты уверен, что ничего себе не повредил? – спросила я, продолжая целовать его.

– Немного ударился.

– Чем?

– Это неважно.

– И сейчас больно?

– Сейчас уже не больно.

Какую цель я преследовала? Пыталась ли я соблазнить своего тренера? Я даже не была уверена, что мне уже можно делать это! Я знала лишь одно – мне хотелось быть как можно ближе к нему. Если бы я могла, я влезла бы внутрь его. Я хотела поглотить его и быть поглощенной им. Какой бы клубок чувств ни опутывал меня всякий раз, когда я видела его, я хотела затеряться в этом клубке и никогда из него не выпутываться.

И я затерялась. Я прижалась губами к его шее, целуя ее и немного покусывая, а он гладил меня по спине. Потом он рукой коснулся моего лица с той стороны, где не было ожогов, и погладил меня по щеке. Здесь, на полу, больше не существовало ничего, кроме страстного желания, близости и тепла.

И поэтому я не услышала, как Кит и Бенджамен поднялись по лестнице и пошли по коридору.

Нет. Я заметила их только тогда, когда они шире распахнули дверь комнаты, включили свет и увидели нас, лежавших на полу.

– Бог мой! – воскликнула Кит, прижимая руку к губам, чтобы не захихикать. – Похоже, эта комната уже занята.

– Убирайся, Кит! – недовольно сказала я.

– Простите! – пробормотал Толстяк Бенджамен, подняв руки извиняющимся жестом.

Пятясь задом, они вышли из комнаты и захлопнули дверь, оставив свет включенным.

Я услышала, как Кит сказала:

– Постой, они что, трахаются?

И после этих слов лунный свет померк.

Ян несколько раз моргнул, глядя на дверь, из которой они вышли, словно он только что очнулся от сна. Я все еще сидела верхом на нем, переводя дыхание и размышляя о том, как бы вернуть этот лунный свет.

Но он уже приподнялся на локтях.

– Бог мой, Мэгги, – пробормотал он, поворачиваясь на бок, чтобы выползти из-под меня.

Я осталась сидеть на полу. Он наклонился, поднял меня на руки и перенес на кровать.

Я немного потешила себя надеждой, что он просто хочет перебраться в более приспособленное для этих занятий место, но когда он уложил меня на кровать, он тут же отвернулся и подошел к окну. Он рассеянно коснулся занавески, а потом наступило долгое молчание, такое характерное для него. Наконец он заговорил:

– Мэгги, прости меня.

– За что я должна тебя простить?

– Я не должен был делать этого.

– Ты ничего и не делал. Это я поцеловала *тебя*.

– Я не должен был отвечать на твой поцелуй.

– Потому что путаться с пациентками противоречит твоему кодексу профессиональной этики? – высказала я догадку.

Ян принялся расхаживать по комнате.

Я сделала еще одну попытку:

– Потому что если об этом когда-нибудь узнает Майлз, ты потеряешь свою работу?

– Если Майлз когда-нибудь узнает об этом, я потеряю свою лицензию, – сказал Ян. – Но дело не в этом.

– А в чем?

– Это нечестно по отношению к тебе.

Я больше всего хотела снова оказаться в его объятиях.

– Я думаю, что это было честно. Я думаю, что это было очень честно.

Ян провел пятерней по волосам.

– Ты не можешь судить об этом.

– Я не могу *что*?

Он повернулся и в первый раз посмотрел на меня. Мне показалось, что лампа под потолком горит ужасно ярко.

– Ты не в том состоянии, чтобы судить об этом.

– Ты хочешь сказать, что я не знаю разницы между тем, что честно, а что нечестно?

– Я хочу сказать...

– Потому что мой жених разбил самолет, в котором я даже не хотела лететь, и парализовал меня, а сам не получил ни царапины? Очевидно: это нечестно. Ты приехал сюда, играл «С днем рождения тебя» на гавайской гитаре и подарил мне самый лучший поцелуй в моей жизни? Это я могу расценить только как честно.

– В этом все и дело. Это не был самый лучший поцелуй в твоей жизни.

Я недоверчиво приподняла брови:

– Не был?

– Ты только так думаешь.

– Я уверена, что это одно и то же.

Но он покачал головой:

– Когда человек проходит через такие испытания, через которые прошла ты, когда весь его мир рушится, потребуется много времени, чтобы он начал здраво оценивать ситуацию. Месяцы. Даже годы. Полученная травма делает его уязвимым во многих отношениях, и он даже не осознает этого. Я знаю все об этом. Я изучал все это. Я читал учебники и сдавал экзамены. И то, что произошло, противоречит моему профессиональному кодексу по очень важной причине, Маргарет. Я обязан защитить тебя.

Теперь я уже была Маргарет? Я заметила, что по моему лицу катятся слезы, но мне было не до них. Я лишь небрежно вытерла их рукой.

– Мне на все это наплевать.

– Но мне не наплевать. Ради твоего же блага.

– Но ты... – Я остановилась, с трудом переведя дыхание. Я боялась продолжать, потому что это признание было слишком трудным для меня. Но я должна была сделать эту попытку. Я должна была быть, по крайней мере, честной. И я сделала глубокий вдох и сказала: – Я весь день только и жду встречи с тобой.

Он закрыл глаза, словно это его покорило. Совсем не тот эффект, на который я рассчитывала.

– Вот именно это я и пытаюсь объяснить тебе, – сказал он.

– Не понимаю.

– Твои чувства ко мне доказывают, что ты в опасности. Я не должен был приезжать сюда. Я знал, что есть риск, что такое может случиться.

Так, значит, он знал, что нравится мне. Я вздохнула.

– Так я совсем тебе не нравлюсь?

Ян снова провел пятерней по волосам. Потом подошел к двери и, повернувшись, посмотрел на меня своими темно-синими глазами.

– Я ненавижу всех, – сказал он. – Кроме тебя. – Он открыл дверь, собираясь уйти, но потом добавил: – И это еще одна причина, из-за которой ты в опасности.

– Ты уходишь? – спросила я.

Было и так ясно, что он уходит из комнаты. Но я имела в виду: «Ты возвращаешься в город?»

– Нет. Конечно, нет. Я останусь ночевать, чтобы присмотреть за тобой.

– За мной не нужно присматривать.

– Хочешь остаться на попечении этих голубков?

Не слишком, надо полагать.

Он продолжал:

– Я должен благополучно доставить тебя обратно в больницу.

– Ты переведешь меня к другому тренеру?

– Это тебе решать.

Я даже не могла представить себе кого-то другого в этой роли.

– Я не хочу другого тренера.

– Тогда я останусь.

– А ты будешь приходить ко мне для дополнительных занятий?

– Да, если хочешь. Но я буду приходить после ужина, чтобы избежать осложнений.

– Больше никакого дурачества?

Он покачал головой:

– Так будет лучше.

Что я могла сказать? Это не лучше, а хуже? У меня не было шансов переубедить его. Он уже пришел к выводу, что я не в

состоянии решать, что для меня лучше. И, судя по всему, себе он тоже не слишком доверял. Он отвергал меня? Был ко мне равнодушен? Но разве можно было так целовать женщину и не испытывать хоть чего-нибудь, по крайней мере? Я знала, что в его поцелуе было явное желание – но, может быть, это было просто обезличенное желание, которое он мог испытывать по отношению к женщинам вообще? Может быть, ему было так одиноко, что сгодилась бы любая, даже такой инвалид, как я?

После того как он ушел, я еще долго не могла заснуть. Я ждала, когда Кит вернется в свою спальню, потому что мне нужно было пописать, но я ни за что не стала бы просить Яна помочь мне. Может быть, мне действительно без него было бы лучше. Он, во всяком случае, был в этом уверен. Но сколько бы я ни думала об этом, я никак не могла представить себе, как смогу теперь жить без него.

Глава 22

Следующее утро оказалось совсем не таким, как я ожидала.

Я думала, что за завтраком буду чувствовать себя неловко рядом с Кит и Бенджаменом, которые будут ворковать, как голубки, в то время как Ян с каменным лицом будет смотреть в окно.

Но все пошло совсем не так.

Когда я открыла глаза, я, как и всегда по утрам, попыталась пошевелить пальцами ног. И один из пальцев сделал кое-что абсолютно шокировавшее меня.

Он пошевелился.

Он *пошевелился!*

Это был большой палец моей правой ноги, чтобы быть точной.

Я даже подумала, что все еще сплю.

Я сделала еще одну попытку, и он снова пошевелился.

– Эй! – закричала я. – Эй!

В следующую секунду в мою дверь ворвались все три моих соседа. Передо мной предстала коллекция самых разнообразных одеяний для сна, из чего явствовало, что я проснулась раньше их всех. На Кит был ярко-розовый пеньюар, которого я прежде не видела. А у Толстяка Бенджамена борода стояла дыбом, противореча всем законам гравитации. Ян, на которого я старалась не смотреть, был в синих пижамных брюках и серой футболке. Его волосы были еще более всклокоченными, чем борода Бенджамена, но это, честно говоря, делало его еще привлекательнее.

Но в тот момент все это не имело значения.

– Я сплю? – требовательно спросила я.

– Солнце еще даже не встало, – сказала Кит с упреком.

– Мне нужно точно знать, сплю ли я в настоящий момент. Так я сплю?

– Если ты спишь, то мы, конечно, не сможем дать тебе удовлетворительный ответ, – высказал предположение Толстяк Бенджамен.

Ян шагнул ближе ко мне.

– Что случилось?

– Смотрите, – сказала я, указывая на палец на моей ноге.

И я пошевелила им.

– Нет! Этого! Не! Может! Быть! – завопила Кит, бросаясь обнимать меня.

– В чем дело? – спросил Бенджамен. – Я что-то пропустил?

– Сделайте это еще раз, – попросил Ян.

И я сделала это еще раз.

– И это происходит всякий раз, когда вы пытаетесь им пошевелить?

– Пока что да, – ответила я.

– А вы можете пошевелить пальцами на другой ноге?

Я попробовала. Ничего. Я покачала головой.

Ян стал обследовать мои ноги, хотя у него при себе не было нужного оборудования. В результате этого обследования мы узнали не слишком много, но, во всяком случае, убедились, что первое: палец шевелился, когда я хотела этого, и второе: я не спала.

– Что это значит? – спросила я Яна.

– Это значит, что до нервных окончаний пальца доходит больше информации, чем раньше.

Это был разумный ответ, но совсем не тот, который я хотела от него услышать.

И также, по-видимому, Кит, которая начала подпрыгивать на месте и кричать:

– Это значит, что она снова сможет ходить! Правда?

И все опять уставились на мой палец.

Я пошевелила им, гордясь своим достижением.

Но Ян не прыгал. Он серьезно смотрел на мой палец.

– Необязательно, – сказал он, как настоящий кайфолом.

– Но это неплохой знак?

– Безусловно, это неплохой знак, – подтвердил Ян. – С этим я согласен.

Несмотря на охватившее меня воодушевление из-за моего пальца, о котором мы с Кит разговаривали всю дорогу до больницы, я все же по-ребячески была зла на Яна. Какой он все-таки был зануда. Он отказывался позволить себе или кому-либо еще быть счастливым. Он не пользовался возможностью порадоваться. Может быть, мне все-таки *стоило* перейти к другому тренеру. К такому, который будет

знать, как мотивировать и вдохновлять пациентов. Может быть, нежелание Яна подарить мне надежду тормозило мое выздоровление.

Кит пребывала в абсолютном восторге от всей нашей поездки.

– Я не думала, что твой палец так гениален, – сказала она. – Он Эйнштейн среди всех пальцев!

Что касалось ее, выходной получился более чем удачным. Она хотела обсудить множество вопросов, но после того как мы закончили дискуссию о том, кого из знаменитых людей в истории больше всего напоминает мой палец, первым ее вопросом был:

– Что, черт возьми, происходило между тобой и Храбрым Сердцем, когда мы вошли в комнату вчера вечером?

Я хотела рассказать ей. Очень хотела. Я хотела рассказать ей о каждом значительном моменте и всю оставшуюся дорогу и даже ближайшие несколько дней посвятить анализу этой информации. У меня было множество различных, абсолютно противоречащих друг другу интерпретаций поведения Яна (а также выражений его лица и интонаций голоса), и я понятия не имела, какая из этих интерпретаций была правильной.

Но я не могла рассказать ей об этом.

Кит понятия не имела о том, что такое конфиденциальность. Я могла бы списать это на излишнюю живость ее характера. Когда с ней что-то происходило, она жаждала поделиться этим со всеми. И при этом она была не прочь посплетничать. И она часто болтала по мобильному телефону, не придавая значения тому, что кто-то может услышать, о чем она говорит. К тому же она слишком увлекалась Инстаграмом.

Я не сомневалась, что Майлз попытается отобрать у Яна лицензию, если когда-нибудь узнает о том, что произошло. Я видела, как он каждый день третировал Яна в физкультурном зале. Я видела, как он пытался спровоцировать его, подкалывал его, старался задеть его за живое и заставить совершить какую-нибудь глупость. И в таких случаях я думала, что он явно очень зол на Яна.

Мне было немного жаль Майлза, потому что он зациклился на жажде мщения вместо того, чтобы двигаться дальше. Но Яна мне было жаль больше. Майлз и вправду был мстительным ублюдком.

Конечно, это была проблема Яна, но она стала и моей, потому что это означало, что я не могу сделать то, чего мне в настоящий момент

больше всего хотелось – рассказать обо всем Китти.

Она продолжала ждать.

– Вы трахались или что?

– Как это ни печально, нет, – ответила я.

– Нет? А что же вы делали на полу?

– Он споткнулся, – сказала я небрежно.

Кит прищурилась, словно совсем не поверила мне.

Мне нужно было постараться убедить ее.

– Знаешь эти маленькие коврики, которые мама повсюду раскладывает? Он споткнулся об один из них прямо на пороге. И ухитрился героически поймать меня, пока мы падали.

Кит изучающе посмотрела на меня уголком глаза.

– Вранье!

– Клянусь моим шевелящимся большим пальцем! – объявила я.

Это на нее подействовало.

– О'кей, – сказала она. – Так что между вами происходит? Потому что романтическое напряжение в комнате было таким ощутимым, что его можно было потрогать.

– У костра я призналась ему, что испытываю к нему всепоглощающую, сводящую с ума страсть и что только его появления я и жду весь день.

Я сказала себе, что это была не совсем ложь. Просто я немного исказила правду.

– За исключением изысканного ужина, который тебе приносит сестра и которого ты ждешь с не меньшим энтузиазмом.

– Конечно.

– И что он на это сказал?

Теперь я была благодарна Яну. Потому что то дерьмо, которое он мне наговорил, было слишком хорошо, чтобы его можно было выдумать.

– Он сказал: «Нет, это не так».

– Что не так?

– Нет, я не питаю к нему никаких чувств.

Кит повернула голову и посмотрела на меня:

– Какого черта?

– Смотри на дорогу, пожалуйста.

– Объясни!

– Он сказал, что я только *думаю*, будто влюблена в него, и такое случается постоянно, и моя привычная жизнь была разрушена, так что теперь я хватаюсь за соломинку, надеясь хоть на миг снова почувствовать себя счастливой. Но когда я все это переживу, я осознаю, что все это было лишь в моем воображении и я никогда не испытывала к нему никаких чувств.

– Он *не мог* это сказать.

– Он сказал. Потом привел мне кучу цитат из своих учебников и практически прямым текстом сообщил мне, что у меня подростковый синдром влюбленности – я думаю, что какой-нибудь сказочный принц придет ко мне и прогонит все мои печали.

Я была лучшей вруньей, чем думала. Хотя это было практически то, что он и сказал.

– Он прав? – спросила Кит.

– Нет! – сказала я. – Никто не может прогнать мои печали. Если только мой палец не предвещает невообразимое чудо.

– И он совсем не разделяет твои чувства? Совсем?

– Совсем, – ответила я. – Он почти прямо сказал мне, что желает мне всего наилучшего как тренер, но чтобы я забыла обо всем этом дерьме и ложилась спать. А потом попытался сделать именно это – уложить меня в кровать – но споткнулся и упал на пол, придавленный моим телом.

– Он врет, – сказала Кит. – Я видела, как он смотрит на тебя.

Я не удержалась и спросила:

– Как он смотрит на меня?

– Словно ты водопад в пустыне.

Правда? При этой мысли у меня в животе запорхали бабочки. Но я должна была продолжать напускать туману:

– Знаешь что? Он знал, что я чувствую к нему, еще до того, как я сказала ему об этом, потому что я сохну по нему уже давно. Но он не расхолаживал меня, потому что думал, что это поможет моему выздоровлению.

– Нарцисс! – воскликнула Кит.

– Да, – сказала я, – но на самом деле он не ошибался. Ты же знаешь, что всегда учишься гораздо лучше, когда влюблена в учителя!

Кит кивнула, и по выражению ее лица, которое я знала так же хорошо, как свое собственное, я поняла, что она ничего не

заподозрила. Она купилась.

– Полагаю, – сказала она, – что тебе стоит учиться лучше ради себя самой.

– Похоже, я так и сделаю, – отозвалась я.

И это было правдой.

Чудо с моим пальцем превратило меня в местную знаменитость. Врачи, которые давно потеряли ко мне интерес, стали неожиданно заходить ко мне по нескольку раз на дню. Другие пациенты с моего этажа хотели услышать эту историю из первых уст. Кит даже сделала для меня самодельную открытку, на которой было написано: «Я в восторге от твоих успехов!»

Так что вокруг меня поднялась настоящая шумиха, и мои отношения с Яном отошли на второй план. Я заставила себя думать, что теперь у меня были дела и поважнее. Я снова начну ходить, а потом, когда отращу волосы, в один прекрасный день приеду в больницу, притворяясь, что хочу найти... Что? Потерянную сережку? Книгу, которую кому-то одолжила? В любом случае Ян столкнется со мной в коридоре. И я буду высокой, суровой, безупречной и непобедимой. Он грустно поздоровается со мной, потому что поймет, что упустил свой шанс, а я одарю его легкой улыбкой, говорящей: «У нас могло получиться что-то стоящее». А потом я небрежно встряхну волосами и уйду, оставив его терзаться сожалениями.

Я никогда ни за что не расскажу о том, сколько раз я упивалась этой фантазией. Но признаюсь, что по какой-то причине в этой фантазии я была одета в точности такие же блестящие облегающие брючки и туфли на шпильке, какие были на Оливии Ньютон-Джон в последних кадрах фильма «Бриолин». И у меня была такая же фантастическая попка.

Когда я в первый раз после нашего возвращения с озера увидела Яна в физкультурном зале, его вид поразил меня. Он снова был в дежурной голубой пижаме, и его волосы были по-прежнему слегка взлохмачены, но меня сбило с толку его новое поведение. Он не был враждебным и угрюмым Яном, которым предстал передо мной в начале нашего знакомства. И он уж точно не был душевным, веселым Яном, по которому я позволила себе сохнуть.

Этот новый Ян был *отсутствующим*. Я не могу подобрать подходящее слово, чтобы описать это, но его просто словно больше не было. Вся его осанка была лишена всякого выражения. Его плечи были лишены выражения. Его глаза были лишены выражения. Он был похож на человека, лишённого всяческих эмоций.

Он продолжал делать то, что ему было положено. Он занимался со мной на тренажерах. Он вовремя приходил на занятия. Он даже взял на себя труд приглашать разных специалистов, чтобы убедиться, что мы делаем все возможное. Но он никогда не улыбался. И никогда не расслаблялся.

И больше ни разу после нашего возвращения с озера он не назвал меня «Мэгги».

Наконец, за неделю до того, как истекала моя страховка и мне предстояло вернуться в дом моих родителей, мое терпение лопнуло.

Мы целыми днями следили за моим пальцем, ожидая дальнейшего разворота событий, но он не последовал. Более того, мой звездный палец стал менее надежным. Неужели мое выздоровление замедлилось из-за странного поведения Яна? Время поджимало. И я больше не хотела иметь своим тренером какого-то робота.

Однажды вечером, когда Ян пришел ко мне для дополнительных занятий, я сказала ему, что хочу другого наставника.

Я надеялась увидеть хоть какую-то его реакцию. Выражение разочарования на его лице, естественное желание узнать причину моего решения. Даже недовольство меня устроило бы. Но нет, ничего.

– О'кей, – сказал Ян с каменным лицом. – Если вы думаете, что так будет лучше для вас.

– И я хочу другого тренера для моих занятий в зале, – добавила я. Опять никакой реакции.

– Понимаю, – сказал Ян. – Если не возражаете, я сам устрою это, тогда у Майлза будет меньше причин уволить меня.

– Хорошо, – согласилась я.

– Я найду вам хорошего тренера.

Его ничего не выражавшее лицо разрывало мне сердце.

– Отлично.

Ян направился к двери, но я окликнула его. Он обернулся.

Возможно, я видела его в последний раз. И я не могла вынести мысли о том, что он запомнит меня как жалкую, изнывающую от любви, помешавшуюся на нем девчонку. Я не хотела быть единственной, кому было не все равно. Если он мог быть роботом, такой же могла быть и я.

– Кстати, спасибо за сдержанность, которую вы проявили на озере. Понять не могу, что на меня нашло.

Ян грустно улыбнулся:

– Какая сдержанность и на каком озере?

И на этом наш разговор закончился.

В тот же вечер, за шесть дней до первоапрельской вечеринки в честь Дня святого Валентина, который устраивала Кит, я попросила ее отменить ее.

– Я не могу, – сказала Кит. – Я уже арендовала оборудование для караоке.

Я подняла руки, словно говоря: «Ну и что?»

– Верни его обратно.

Она сделала такой же жест:

– Мне уже не вернут деньги.

Мы ели салат тако из огромных мисок.

Кит продолжала:

– К тому же я уже пригласила ребятешек, которые придут, чтобы вырезать сердечки из цветной бумаги, и я уговорила Родриго и его группу, которые исполняют марьячи, выступить у нас бесплатно. Я купила украшения для зала и больше сотни печенюшек в форме сердца. И я пригласила всех соседей по этажу и медсестер. Кроме того, я чертовски люблю День святого Валентина. И ты тоже должна любить его.

– Но это *не день* святого Валентина.

– Это неправильный подход.

– Нет, черт возьми, самый правильный.

– Тебе необязательно любить его, – сказала Кит. – Тебе достаточно просто прийти на праздник.

– Я не приду.

Она перестала жевать.

– Ты просто должна прийти!

Я покачала головой:

– У меня осталась всего неделя. И мне не до развлечений.

– Но это будет мой последний вечер в городе!

– Именно поэтому ты должна отменить вечеринку и провести этот вечер со мной.

Она так и не отменила вечеринку. В течение следующих дней я познакомилась с моим новым тренером и стала работать с ним в зале днем и по вечерам, а Кит в это время вырезала сердечки из цветной бумаги.

Новым тренером стал Роб – тот, к которому я в самом начале хотела попасть. Без сомнения, он был самым самоуверенным и кокетливым тренером из всех. Он завязывал волосы в хвостик, обладал неумной энергией и раскатистым смехом, похожим на звук трубы. Я слышала этот смех много раз, когда занималась в зале, и всегда полагала, что он так смеется из-за чего-то невероятно смешного. И меня всегда удивляло, что он и его пациенты находят такими смешными занятия на тренажерах, и, должна признаться, что я мысленно критиковала Яна за его серьезность.

Но сейчас, в эту последнюю неделю, работая с Робом, я кое-что поняла: этот смех был фальшивым.

Он перебарщивал. Он притворялся, что все было намного смешнее, чем оно было в действительности. Я произносила какую-нибудь фразу всего лишь с намеком на шутку, а он уже откидывал голову и заливался громким смехом. И это было хуже – намного хуже – чем вовсе не смеяться.

Едва только начав работать с Робом, я так возненавидела его смех, что погрузилась в молчание. Я не хотела сделать ничего такого, что могло бы спровоцировать этот смех. Но даже это его не останавливало. Когда он натыкался на мое молчание, он обращался к другим пациентам и тренерам и фальшиво смеялся над *их* несмешными шутками.

Это называлось попасть из огня да в полымя.

Но, по крайней мере, я не была отчаянно и безответно влюблена в него. По крайней мере, он никогда не одаривал меня поцелуем, способным изменить жизнь, а потом не говорил: «Знаешь что? Не бери в голову».

По крайней мере, я знала, что он мне не нравится.

И я могла сосредоточиться на своем выздоровлении. Или на отсутствии такового.

Всякий раз, когда я занималась в зале, я очень беспокоилась из-за того, что там будет и Ян. И обычно он там был. Он работал теперь с другими пациентами, и я ревновала его даже к престарелым лысым мужчинам и женщинам пенсионного возраста. Я украдкой бросала на него взгляды, но он никогда не смотрел в мою сторону и даже, похоже, не замечал моего присутствия.

Полагаю, именно такое и происходит, когда ты отталкиваешь людей от себя.

Хотя, по чести, он первый оттолкнул меня.

Но один человек все же замечал меня – Майлз.

Теперь, когда Яна не было рядом со мной, он подходил ко мне чаще.

– У вас все в порядке? – спрашивал он, внезапно материализуясь из-за какого-нибудь столба.

– Спасибо, все хорошо, – отвечала я, не глядя на него.

Иногда он спрашивал у меня про Яна:

– У вас с ним что-то не сложилось, не так ли?

Он что, пытался подловить меня на чем-нибудь? Заставить сказать что-нибудь такое, что повредило бы Яну?

– Мы с ним прекрасно ладили, – сказала я, быстро соображая, к чему он клонит.

– Так прекрасно, что вы попросили перевести вас к другому тренеру? – давил Майлз.

– Это была идея Яна, – соврала я.

Майлз наклонил голову набок, словно я была самой отчаянной лгуньей.

– Правда?

И тут мне пригодилось мое помешательство на изучении медицинских журналов.

– Да, – сказала я, – потому что у Роба больше опыта в функциональной электрической стимуляции. И Ян думает, что мне стоит попробовать это.

Внезапно Майлз утратил свою самоуверенность:

– Но вы не могли хотеть заниматься с ним и дальше. Он был таким недружелюбным по отношению к вам. Это граничило с враждебностью...

Я начала говорить:

– Я бы не сказала, что он относился ко мне враждебно...

Но Майлз продолжал, не слушая меня:

– ...за исключением тех случаев, когда он стоял в коридоре у вашей палаты и слушал, как вы поете.

Я посмотрела на него:

– Что?

– А-аа, вы не знали об этом?

Я покачала головой.

– Да, – сказал Майлз, приподнимая брови. – В этом есть что-то непристойное, не так ли? Мне пришлось дважды делать ему замечания.

Я поискала глазами Яна. Он помогал очень старой женщине перебраться из кресла на маты.

– В любом случае, – сказал Майлз, снова привлекая к себе мое внимание, – если он будет вам надоедать, просто дайте мне знать.

Он кивнул мне, а потом сделал жест рукой, словно держал в ней пистолет и нажал на невидимый курок.

Роб и я работали как проклятые и во время дневных занятий в зале, и по вечерам. Но никакого прогресса не достигли. Ян оставил подробные инструкции – хотя и ненавидел всякие инструкции, – в которых перечислялось, что мы должны делать. В порядке очередности, по разделам, даже с хронометражем. Роб и я следовали этим инструкциям неукоснительно, но ничего не изменилось.

Я делала все, что только было возможно: принимала витамины, много спала, пила как можно больше воды. И пыталась пошевелить пальцами по тысяче раз на дню. Шумиха вокруг моего пальца вселила в меня надежду, что выздоровление было неизбежным. Но чем больше времени проходило безо всяких сдвигов в моем состоянии, тем больше я склонялась к мысли, что, хотя в любую минуту мои ноги могут ожить, так же может и случиться, что они не оживут вовсе.

Но во многих других отношениях прогресс был налицо. Дерматолог сказал, что мое плечо заживает «замечательно». И ожоги

на моем лице не оставили никаких шрамов. Швы у меня на шее стали рассасываться, и если не смотреть в зеркало, некоторые части моего тела возвращались к своему нормальному состоянию.

Но не все.

Нельзя сказать, что я не добилась никакого прогресса. Я могла перечислить все мышцы на ногах не хуже студента-медика. Роб сказал, что у меня «феноменальные» мышцы кора, и я могла делать упражнения по переходу из лежачего положения в сидячее хоть целый день. Мои руки и плечи были невероятно сильными. Мои ягодичные мышцы были как у «чемпиона», а мои приводящие мышцы, сгибающие мышцы бедра, средние ягодичные мышцы, прямые мышцы бедра, портняжные мышцы и глубокие ягодичные мышцы были в превосходном рабочем состоянии. Я даже могла довольно долго стоять – двенадцать минут был мой рекорд, – но только если держалась за кого-то или за что-то.

Проблема состояла только в тех мускулах, которые отвечали за выпрямление ног во время ходьбы. Они отказывались работать. За исключением моего замечательного пальца (спасибо бесподобному длинному сгибателю большого пальца!), все, что находилось ниже колен, было, если пользоваться специальной терминологией, «дряблым».

Лично я предпочитала слово «ленивым».

Но в любом случае это было не очень хорошо.

Мои передние большеберцовые мышцы, задние большеберцовые мышцы, подколенные мышцы, короткие малоберцовые мышцы, подошвенные камбаловидные мышцы и икроножные мышцы были, мягко выражаясь, довольно вялыми. Особенно удручали меня полуперепончатые мышцы, полусухожильные мышцы и двуглавые мышцы бедра, которые отвечали за выпрямление ног. Я могла поднять ногу (спасибо подвздошно-поясничной мышце), но я не могла выпрямить ее. Все еще.

Вот поэтому-то я и не хотела идти на вечеринку в честь Дня святого Валентина. В эту последнюю неделю я постепенно стала приходить к мысли, что во всем, что касается ходьбы, я, несмотря на все усилия, решимость, многочасовые занятия и поставленные передо мной цели, потерплю поражение.

Но я никогда не терпела поражений. Даже в тестах по правописанию.

И это не давало мне уснуть. Снова и снова в эту последнюю неделю по вечерам я засыпала на несколько минут, а потом просыпалась и начинала беспокойно ворочаться в постели. Несколько раз, истерзанная мучительным беспокойством, я потихоньку, чтобы не разбудить Кит, перелезала в свое кресло и пробиралась в физкультурный зал. Там я вставала между брусьями, опиралась на руки и пыталась перемещаться взад-вперед до тех пор, пока почти не падала от усталости.

Возможно, это было не лучшей идеей – пробираться в зал по ночам. Мне, без сомнения, больше пошло бы на пользу, если бы я дала своему телу отдохнуть. Но я не могла сдержаться. Я продолжала думать, что, если приложу еще немного усилий, я обязательно добьюсь своей цели. И то, что я могу проиграть это сражение – возможно, единственное в жизни, которое имело для меня значение, – приводило меня в ужас, и я уже не могла мыслить здраво.

В ночь накануне вечеринки, которую устраивала Кит, я снова отправилась в зал. На моих руках были мозоли от брусьев, и я почти слышала голос Яна, говорившего с шотландским акцентом: «Руки – это не ноги». Но меня это не волновало. Я думала не о своих руках. Я перемещалась, опираясь на брусья, туда-сюда, десять раз, потом двадцать, пытаюсь заставить мои ноги выпрямиться, пытаюсь заставить мои подошвы оттолкнуться от пола, пытаюсь пробудить хоть искорку жизни в моих вялых мышцах.

А потом, когда я проделывала это примерно в тридцатый раз, моя рука непроизвольно согнулась.

Все произошло очень быстро. Я тяжело шлепнулась на маты и осталась лежать неподвижно, тяжело дыша. Мое лицо горело от удара о мат, словно мне вlepили пощечину. И там, лежа на матах, я впервые поняла: я больше никогда не буду ходить.

Никогда.

Я не смогу преодолеть это. Я уже не стану как новенькая. Я не смогу показать им всем. Я не стану исключением. И я не смогу произносить вдохновляющие речи в Интернете.

Все, что я когда-либо чувствовала, или о чем думала, или на что надеялась до этого момента, – все казалось неважным. Катастрофа и

все то, что последовало за ней, было таким ужасным и невероятным, что я до конца не осознавала реальность происходящего. До этого момента. Лежа в одиночестве на полу, я, наконец, поняла единственную вещь, которая была теперь моей реальностью: я проведу всю оставшуюся жизнь в инвалидном кресле.

Не успела я подумать об этом, как услышала голос – шотландский голос:

– Что, черт возьми, здесь происходит?

Я не шевелилась. Просто лежала и надеялась, что это какой-то другой шотландец случайно заглянул в физкультурный зал посреди ночи.

Что было маловероятно.

Потом я услышала шаги Яна – быстрые, словно он бежал, – а потом он произнес мое имя, обеспокоенно, настойчиво, словно я была в опасности:

– Мэгги, что случилось?

Я не могла оторвать голову от мата.

– Ты больше уже не называешь меня Мэгги.

– Что случилось? Скажи мне.

– Почему ты вообще здесь?

– Работал допоздна. Что случилось?

Он приподнялся, чтобы позвать на помощь. Но мне не нужна была помощь. Я положила руку ему на плечо, чтобы удержать его, а потом объяснила, что произошло, тремя словами:

– Я потерпела фиаско.

– Ты работала на брусках? Одна? Господи, Мэгги, ты не должна была приходить сюда одна!

Но это не имело значения. Больше ничего не имело значения.

– Ты ничего себе не повредила? – спросил Ян.

– Нет.

– Ты можешь подняться?

– Нет.

– Давай я отнесу тебя в твою палату.

Он обнял меня.

– Нет, – сказала я. – Просто дай мне еще минуту.

Ян заколебался.

– Пожалуйста, – сказала я.

Ян сел на маты, не отпуская меня.

Наверное, весь его медицинский опыт говорил ему, что он должен отнести меня в палату и проверить, все ли со мной в порядке. Но он не стал этого делать. Он поверил мне, когда я сказала, что ничего себе не повредила. Он понял, что не нужно выносить меня в этот момент в ярко освещенный коридор. Он знал, что я пыталась сделать. И он знал лучше всех, что я не добилась успеха. Он понял все это.

И поэтому больше не задавал мне вопросов. Он просто держал меня в своих объятиях, сидя на матах, прижав меня к своей груди и глядя меня по голове.

Наверное, я заснула, потому что на следующее утро проснулась в своей кровати и не помнила, как я в ней очутилась. Кит все еще спала.

День был таким же, как обычно. Вот так. Все было таким, как и всегда, за исключением главного – у меня больше не было надежды.

Кит провела весь день со мной, вырезая сердечки из бумаги и звоня по телефону, чтобы уладить организационные моменты. Но я ничего не рассказала ей. Я не хотела, чтобы она начала спорить со мной. Теперь спорить было уже не о чем. Днем, когда я занималась с Робом, она ненадолго ушла, и когда я вернулась в палату, ее там не было. Я крепко уснула и даже не проснулась к ужину. Больничная еда. Этим вечером никаких деликатесов. Кит будет занята на своей эпической вечеринке, а я останусь в палате. Одна. Поедая желе.

Я посмотрела на поднос с едой, и в это же время заметила кое-что другое около противоположной стены. Это было платье, которое свисало с подставки для телевизора. К нему была прикреплена записка, на которой почерком Кит было написано:

«Настоящее винтажное платье для дискотек!
Без левого плеча!
В ТОЧНОСТИ ТВОЙ РАЗМЕР!
Выкуплено у Армии Спасения за пять
долларов! (Я постирала его для тебя!)
Приходи на вечеринку!!!!!!!!!!»

Платье было из розового с золотом полиэстера, с одним плечом и с оборками. Оно было забавным и в то же время на удивление милым.

Но я все равно не собиралась идти на вечеринку.

Я подняла желтый пластиковый колпак, которым была накрыта тарелка с моим ужином. Какое-то серое мясо, водянистое картофельное пюре и консервированный зеленый горошек.

Нет.

Я продолжила ковырять желе, прислушиваясь к тому, как медсестры на посту обмениваются шутками. Одна из них была равнодушна к Робу, и она слышала, что он тоже будет в этот вечер на празднике.

Надо полагать, это означало, что и занятий в этот вечер у меня тоже не будет.

Ну и ладно. В любом случае это уже бесполезно.

На подносе в качестве десерта лежало печенье с шоколадными кусочками. Это показалось мне маленькой удачей, пока я не откусила кусочек и не обнаружила, что печенье было овсяное с изюмом.

В коридоре было тише, чем обычно. Все, надо полагать, были уже в физкультурном зале.

И тут открылась дверь, и на пороге появилась Кит.

– Ты мне нужна, – сказала она.

– Что?

– Эта группа, исполняющая марьячи, оказалась ужасной! Дети плачут!

– Она не может быть настолько плоха.

– Еще как может! – сказала Кит, откидывая с меня одеяло. – Иди пописай. Почисти зубы. И надень свое платье! Через десять минут ты будешь петь любовную песню!

Я покачала головой:

– Не думаю.

Кит уперлась рукой в бок:

– Сколько раз я была рядом с тобой, когда тебе была нужна моя помощь?

– Ты имеешь в виду недавнее время или всю нашу жизнь? Потому что мне кажется, что прежде ты не так уж часто об этом беспокоилась.

Кит потянула меня за руку:

– Ты нужна мне. Ты нужна этим детям. Ты нужна Дню святого Валентина. И ты нужна матери Яна.

Что? Эта последняя фраза, наконец, привлекла мое внимание.

– Матери Яна?

Она ткнула в меня пальцем и повторила ее любимое высказывание, о котором нам рассказал Ян:

– Когда не знаешь, что сделать для себя, сделай что-нибудь для других.

И на этот крючок она меня подцепила.

Я таки отправилась на вечеринку, хотя, когда мы с ней вошли в зал, группа играла совершенно нормально, ни один ребенок не плакал, и мне стало ясно, что она попросту одурачила меня.

Я мрачно посмотрела на нее:

– Это не смешно.

– Попробуй так же хмуриться, когда станешь есть одно из этих печений, – сказала она, протягивая мне обсыпанное сахаром печенье в виде сердечка.

Нужно отдать ей должное, это печенье было не овсяное с изюмом.

Кит вообще выложились по полной. Зал был украшен сердечками и лентами, на столе стоял знаменитый украденный шоколадный фонтан, крутился дискотечный шар. Она даже повесила на конце длинной палки ветку омелы, чтобы поднимать ее над головами собравшихся, заставляя их целоваться. Этим процессом руководил Роб, который то и дело разражался громоподобным хохотом.

Признаюсь: это *была* чудесная вечеринка, мне *нравилось* мое платье, я *спела* попури из любовных песен, и все это было намного лучше, чем сидеть в одиночестве в своей палате. По правде сказать, это действительно заставило меня отвлечься.

И как грустно мне ни было, я все же чувствовала себя и немного счастливой.

И я осталась на этом празднике. Мне не хотелось уходить. В восемь часов мы отправили детей спать, а сами продолжили лакомиться печеньем и воодушевленно петь.

Лучшая песня в моем исполнении в этот вечер была и моей последней. Это была песня из репертуара «Иглз» – «Все лучшее в моей любви». Дойдя до середины, я посмотрела в дальний угол зала и

увидела там Яна, который с зачарованным видом наблюдал за мной. И это, конечно, заставило меня петь еще лучше, и я вложила в песню всю свою душу. Когда я закончила, все стали бурно аплодировать, а когда я подкатилась в своем кресле к столику, на котором лежало печенье, Ян подошел ко мне.

Мы оба долго молчали.

– Это была чертовски красивая песня, – наконец сказал Ян, и выражение его лица было сосредоточенным, теплым и совсем не таким, как у робота.

И вид этого настоящего Яна наполнил меня томлением.

– Спасибо.

– Я никогда не встречал никого, кто бы мог петь так, как ты.

Я улыбнулась:

– Спасибо.

– Я рад видеть тебя, – сказал Ян.

– Ты мог видеть меня всю неделю в зале, если бы так не игнорировал меня.

– Я не игнорировал тебя, – нахмурился Ян. – Я просто... – Он остановился. И не стал продолжать.

– Кит сказала, что ты не придешь на вечеринку.

– Я и не пришел.

– Но ты же здесь.

– Я просто воровал печенье.

– Понятно.

Он жестом указал на коридор, ведущий к рабочим кабинетам:

– Я просто задержался на работе.

– Ты, похоже, часто это делаешь.

– Честно говоря, я изучал такие же повреждения, как у тебя, – сказал он немного смущенно. – Я пытался найти способ помочь тебе.

Нужно было отдать ему должное – это было мило с его стороны. Но я лишь сказала:

– Это пустая трата времени. Все кончено.

– Что кончено?

– Мое выздоровление.

Он покачал головой:

– У этого слова существует много смыслов.

Я посмотрела в сторону.

Это был самый удобный момент для него, чтобы уйти. Но он не ушел. Вместо этого он огляделся по сторонам.

– Похоже, вы здесь от души веселитесь.

– Я не собиралась, – сказала я. – Кит заставила меня прийти.

Он посмотрел на Кит, которая заметила, что мы с ним разговариваем. Он снова повернулся ко мне и окинул меня оценивающим взглядом:

– Отличное платье.

– Полагаю, теперь я стану всегда носить платья с одним открытым плечом, – сказала я. – Даже тогда, когда мне уже будет можно носить обычную одежду.

– Тебе это пойдет.

– Это станет моей отличительной чертой. И тогда, если я совершу что-то удивительное, что войдет в историю, и в мою честь нужно будет установить памятник, у них не будет выбора, кроме как изобразить меня в таком платье.

Ян улыбнулся – настоящей улыбкой. Я так давно не видела ее.

Он собирался что-то сказать, но в этот момент к нам подошла Кит и воскликнула:

– А вот и омела!

Мы с Яном подняли глаза. Кит держала ветку омелы у нас над головами.

– Но сейчас не Рождество, – сказал Ян.

– А мне наплевать, – ответила Кит.

– Она заставляет всех целоваться весь вечер, – пояснила я.

– Вы хотите заставить меня поцеловать вашу сестру?

Кит пожала плечами:

– Похоже на то.

– Он не может поцеловать меня, – сказала я, обращаясь к Кит. – Это против правил.

– Каких правил? – спросила она.

– Против всех из них, – ответила я.

Но Ян, по-видимому, обдумывал разные варианты.

– Что будет, если я откажусь?

Кит сурово посмотрела на него и с вызовом произнесла:

– Тогда, полагаю, вы лишитесь поцелуя.

– Ты не обязан целовать меня, – сказала я, а потом повернулась к Кит: – Прекрати! Его уволят из-за тебя!

Но Ян присел на корточки рядом со мной. Он снял с подножки одну мою ногу, потом другую и поставил их на пол. Я была босиком и местами чувствовала, каким холодным был пол. Ян наклонился ко мне и положил мои руки себе на плечи, как он часто делал, когда мы занимались в бассейне. Потом он положил руки мне на бедра, чтобы я не потеряла равновесие, и притянул меня к себе. А через мгновение мы уже стояли рядом.

– Игнорировать омелу – это к несчастью, – сказал Ян.

Эти синие глаза. У меня перехватило дыхание. Он что, собирался и вправду сделать это?

– Никому из здесь присутствующих не нужно еще больше несчастья, – сказала я.

Он посмотрел мне в глаза:

– Это правда.

– Но ты не можешь поцеловать меня, – сказала я, от всей души надеясь, что он с этим не согласится.

– Не могу?

– Что, если кто-нибудь донесет на тебя?

– Меня это не волнует.

– Не волнует?

– Хочешь узнать единственное, что меня волнует?

Я кивнула.

– Хочешь ли ты, чтобы я поцеловал тебя? Тебе этого хочется?

Ну и вопрос! Я убежденно кивнула.

– Тогда это единственное, что имеет значение.

Он крепче прижал меня к себе и обвил меня рукой за талию. А я обхватила руками его за шею. Мне казалось, что все это происходило, как в замедленной съемке, а где-то на заднем плане тихо играла музыка. Я не заметила, как Кит приглушила свет, и внезапно дискотечный шар наполнил комнату мерцающими звездами. В этот момент Ян был для меня воплощением надежности. Я пробежалась глазами по его ключицам, которые были видны в вырезе его пижамы, потом по его шее, слегка поросшей щетиной после долгого дня, потом по его подбородку.

Все в нем было крепким, основательным, и мне хотелось прижаться к нему и никогда не отпускать его от себя. Он был рядом, так близко, и когда он наклонил голову и прижался губами к моим губам, все закружилось у меня перед глазами, и я больше ничего уже не видела. Я тонула в теплоте и волнующей чувственности этого момента. Я знала, что это не может продлиться долго, и все равно желала лишь одного – чтобы этот момент не кончался.

Но внезапно музыка стихла.

А потом зажегся свет, яркий, как прожектор.

Все замерли. Даже караоке больше не было слышно. Мы повернулись, чтобы понять, что произошло, и оба одновременно увидели, что это было: Майлз.

Майлз вошел в зал.

Он уставился на нас.

– Что, черт возьми, здесь происходит?

– Это вечеринка, – сказала Кит, которая понятия не имела, кто он такой.

Но Майлз даже не повернулся к ней.

– Что я вижу? Один из моих тренеров *целует* одну из моих пациенток?

– Безусловно, – вызвалась объяснить ему Кит. – Я только что выложила это фото в Инстаграм.

– Поздравляю, – сказал Майлз, глядя на Яна. – Ты уволен.

Все собравшиеся ахнули.

– Распрощайся со своей работой, – продолжал Майлз, явно наслаждаясь моментом. – И распрощайся со своей лицензией. И мне нужно внимательно перечитать закон об иммиграции, но я почти уверен, что тебе придется распрощаться и с этой страной. – Майлз шагнул ближе к нам и помахал рукой у лица Яна. – Прощай, рабочая виза!

Но Ян отвернулся от него. Он смотрел на меня, не сводя глаз с моего лица, словно изучая каждую черту. Я могла видеть по выражению его лица, что Майлз сказал правду. Ян только что потерял работу и, может быть, гораздо больше, чем работу.

В этот момент мои ноги стали дрожать. Ян словно предвидел это, потому что тут же подхватил меня. Усадив меня в кресло, он сжал мою руку, словно прощаясь, а потом отступил на шаг.

– Ты что, думаешь, что я шучу? – сказал Майлз, подходя еще ближе к нам. – Я совершенно серьезен. Ты только что лишился всего.

Лицо Майлза покраснелось и покрылось капельками пота, но Ян, напротив, становился все холоднее и спокойнее.

Он повернулся к Майлзу.

– На самом деле, я знаю, что такое лишиться всего, – сказал он. – И по сравнению с этим намерение такого мерзавца, как ты, уволить меня – просто детская шутка.

– Ты сам себя уволил, друг мой.

Ян на секунду, казалось, задумался об этом.

– Возможно. Но не называй меня другом.

– Кто этот парень? – спросила Кит, обращаясь к собравшимся. Потом повернулась к Майлзу: – Это вечеринка в честь Дня святого Валентина. Остынь, приятель. И скушай печенье.

Майлз повернулся и в первый раз заметил ее:

– Сегодня даже не День святого Валентина.

– Почему все так зациклены на этом?

– Ян... – начала я.

Но не успел Ян повернуть голову в мою сторону, как Майлз рявкнул:

– Не приближайся к пациентке!

Ян презрительно посмотрел на него:

– Я собираюсь проводить ее в ее палату.

– *Нет*, не собираешься, – заявил Майлз, подходя еще ближе. – Сделай лишь шаг в ее сторону, и я выкину тебя из этого здания.

Ян в упор посмотрел на него. Он был на целую голову выше своего противника.

– С чьей помощью, мерзкий ублюдок?

Услышав это, Майлз вскинул руку, чтобы ударить Яна, но Ян перехватил ее.

– Не стоит, – сказал он хладнокровно. – Мне не хочется случайно убить тебя. Не ради тебя, а ради себя самого.

Если выражение лица Майлза можно было бы передать звуками, можно было бы сказать, что он заскулил. Он был в дерьме и сам понимал это. Он знал, что Ян может просто раздавить его, и понимал, что только что сделал все, чтобы Яну было нечего больше терять.

Майлз вскинул руку, признавая поражение:

– Ладно.

Ян отпустил его. И оба сделали шаг назад.

Потом Ян сделал еще несколько шагов назад, и я поняла, что он уходит.

Он в последний раз обвел глазами комнату.

Потом повернулся ко мне и сказал:

– Мэгги!

Хотя и я, и все остальные и так уже смотрели только на него.

Не прощайся, мысленно молила я его. *Не прощайся!*

Он долго смотрел на меня, но прощаться не стал. Он лишь кивнул и сказал:

– С Днем святого Валентина тебя!

Глава 23

Следующий день, первое апреля, был днем прощаний.

В этот день Кит улетала в Нью-Йорк, а я покидала больницу. Мы договорились, что родители приедут утром, папа отвезет Кит в аэропорт, а мама останется со мной, чтобы помочь мне упаковать вещи. Наблюдая, как Кит собирает свои пожитки, я героически старалась не ныть.

– Не могу поверить, что ты оставляешь меня один на один с ними.

Но Кит лишь отмахнулась от меня.

– Чепуха, – сказала она. – Было чудом, что мы прожили здесь целый месяц безо всяких неприятностей.

Хотя это утверждение по отношению к некоторым было не совсем справедливым.

Застегнув свой чемодан и поставив его на пол, Кит сказала:

– А теперь могу я, пожалуйста, сказать кое-что утешительное? Я ждала подходящего момента, чтобы рассказать тебе об этом.

– Рассказывай, – буркнула я. – Но не обещаю, что найду это утешительным.

– Я нахожу это утешительным, – заявила Кит. – И этого достаточно.

– Тогда валяй.

– Я смотрела выступление этого ученого из Гарварда. – Тут она задумалась. – Или из Стэнфорда? На самом деле, я думаю, это был Технологический институт Массачусетса. Короче, он просто гений.

– Я уже ничего не понимаю. Так и знай.

Но она продолжала:

– Он занимается теорией вероятности, или как там это называется, и в своей речи он упомянул, что у каждого человека есть свои параметры для счастья.

– Как это связано с теорией вероятности?

– Дело в том, что он собрал впечатляющую статистику. О людях, выигравших большие призы в лотерее. Все думают, что, если через год проверить, как у них дела, можно быть уверенным, что они ослепительно счастливы. Так?

Она хотела, чтобы я это подтвердила.

– Так, – сказала я.

– Но они не счастливы. Они так же несчастны, как и были до этого.

Я наклонила голову набок:

– А до этого они были несчастны?

– И люди, – продолжала она, – которые пережили что-то ужасное: потерю любимого человека, банкротство, несчастные случаи, сделавшие их калеками...

– Как я?

На это она кивнула.

– Именно! – Она указала на меня пальцем. – Он особо упомянул паралитиков.

Меня прежде еще никто так не называл, и это слово меня удивило. Но только самую малость.

– Я все еще не понимаю, какое это имеет отношение к математике.

– Было проведено специальное исследование, посвященное людям с парализованными нижними конечностями – людям в инвалидных креслах. И результаты оказались удивительными. Через год после несчастного случая они так же счастливы, как и были до него.

Я уставилась на нее.

– Ну, разве это не чудесно?

– И ты ждала подходящего момента, чтобы рассказать мне *это*?

– Да! С тобой все будет в порядке. Разве ты не рада узнать об этом?

– Даже не знаю.

А потом, подойдя ко мне, чтобы обнять на прощание, Кит сказала:

– Я просто хочу, чтобы ты помнила об этом, ладно? – Она крепче обняла меня. – Существует много вариантов счастливого финала.

Потом появились мои родители. С ультрасовременным инвалидным креслом, на котором был повязан бант. Бант! Словно мне исполнилось шестнадцать лет и они решили подарить мне кабриолет.

Я уставилась на кресло:

– Это самый плохой подарок из всех, которые я получала.

Папа подошел ко мне, чтобы обнять.

– Титановый сплав, из которого оно сделано, был разработан в НАСА, – сказал он. – А колеса тонкие, как лезвия бритвы.

– Черт возьми! – отреагировала я.

Папа хотел рассказать мне подробно обо всех возможностях этого кресла и даже продемонстрировать их, но я быстро пресекла его намерения.

– Он в восторге от этой штуковины, – сказала мама. – Весь день вчера катался в нем по дому.

В подтверждение этого папа потер плечо:

– Руки немного болят.

Они оба были такими *оживленно-радостными*. Маме нравилось, что кресло было таким компактным и изящным.

– С определенного ракурса его просто не видно.

– Значит, с определенного ракурса будет казаться, что я парю в воздухе с согнутыми ногами?

Но она отмахнулась от меня:

– Ты знаешь, что я имею в виду.

Все были такими корректными. Такими изысканно вежливыми. Даже не подумаешь, что наша семья только что воссоединилась. А потом произошло нечто удивительное.

Перед тем как отправиться с папой в аэропорт, Кит подошла к маме, чтобы обнять ее на прощание.

И мама обняла ее и не отпускала.

Сколько длится обычное объятие? Секунд пять? Это длилось пять минут. Так долго, что Кит посмотрела на меня через мамино плечо с таким видом, будто спрашивала: «Что происходит?»

Все молчали.

В первый раз за много лет мама и Кит обнялись.

Когда мама, наконец, отпустила ее, по ее щекам текли слезы. Она вытерла их и повернулась к папе.

– Ей нужно будет взять с собой в аэропорт что-нибудь поесть, – сказала она.

Папа сразу понял, чем это ему грозит, и посмотрел на часы.

– По соседству здесь есть магазин, торгующий сэндвичами, – продолжала мама.

Но папа покачал головой.

– У нас на это нет времени.

– Есть! – сказала мама.

Кит согласно кивнула:

– На самом деле, у нас куча времени.

Папа посмотрел на маму, словно спрашивая «Неужели?», потом вздохнул, поставил на пол чемодан Кит и вышел из палаты. Мы с Кит с изумлением переглянулись.

Мама, стоя в дверях, проводила папу взглядом, и лишь когда он сел в лифт, который был в конце коридора, она повернулась и посмотрела на нас. Выражение ее лица было очень серьезным. Она глубоко вздохнула и нервно сглотнула. Потом шагнула к Кит.

– Его звали, – сказала она, – Дерин Бурак.

Кит затаила дыхание. Она посмотрела на меня, потом снова на маму, которая еще раз выглянула в коридор, чтобы убедиться, что никто ее не слышит.

– Он был турок. Студент по обмену. Сногсшибательно красивый. У него были черные волосы и зеленые глаза, окаймленные черными ресницами. Он появился в нашей группе в первый день последнего курса колледжа. И он был так хорош собой, что наши девчонки только о нем и говорили. Но я о нем не говорила. Я игнорировала его. Я встречалась с твоим папой еще с девятого класса, и я не искала себе кавалера. Но я не могла не замечать его. Он был похож на кинозвезду. Он обладал необыкновенным магнетизмом. И по какой-то причине он влюбился в меня. Он посылал мне записочки, флиртовал со мной на переменах. Я снова и снова говорила ему, чтобы он оставил меня в покое, но он отвечал, что не в силах сделать это. Он тарасился на меня в столовой и на стадионе во время футбола. Он почти каждый день звонил мне. Он клялся мне в любви – вечной любви – и умолял меня бросить твоего отца ради него.

Я посмотрела на мамины руки. Они дрожали.

– Турецкие мужчины славятся своей настойчивостью. Вы знали об этом? Они очень настойчивы в любви. Ваш папа – ваш чудесный папа, которого я любила всю свою жизнь и люблю до сих пор, – он совсем не такой. Он уравновешенный, легкий в общении, но эти качества не вызывают безумную страсть. Он был добрым, приветливым, но при этом еще очень инфантильным. Он тогда многого еще не понимал. Он еще не знал, что такое романтика или ухаживание, он не знал, как заставить трепетать женское сердце. А я никогда не

сталкивалась с такой силой, какую представлял собой Дерин. Я была беззащитна перед ним. Я боролась, как могла. Я снова и снова отталкивала его, но он продолжал ухаживать за мной – еще сильнее и настойчивее. По правде сказать, мне это нравилось. Мне нравилось, что он заметил меня. Мне нравилось, что всем девчонкам, которые были влюблены в него, он предпочел меня. Я никогда не понимала, почему он выбрал меня. До сих пор не понимаю.

Моя мама выглядела такой взволнованной, что я похлопала по кровати.

– Иди, сядь.

Она рассеянно послушалась.

– В тот год, – продолжала она, – на рождественские каникулы ваш папа уехал навестить семью. Его не было неделю. Каким-то образом Дерин узнал, что он уехал, и по ночам стал забираться на дерево, растущее возле дома, и стучать в мое окно. Дважды я прогоняла его, но на третью ночь он сказал, что скоро уезжает на родину и что перед отъездом он должен сказать мне что-то важное. – Она закрыла глаза. – И да простит меня Бог, я впустила его. И всю оставшуюся неделю по ночам я впускала его, когда он стучал в мое окно. Он оставался до рассвета, а потом тайком уходил. В ночь перед возвращением вашего папы я запретила Дерину приходить ко мне. И больше он не приходил.

Кит шумно выдохнула.

– Когда снова начались занятия в колледже, Дерин уехал в Стамбул. И больше я его никогда не видела. Но к весне я обнаружила, что беременна. А к лету об этом догадался и ваш папа. Он был уверен, что это его ребенок, и я не противоречила. Я не могла. Он был так счастлив. Он сделал мне предложение, и я приняла его. И всю свою остальную жизнь я притворялась, что Дерина Бурака просто не существовало.

– Пока я не сделала анализ ДНК, – сказала Кит.

Мама кивнула.

– Ты ненавидишь его? Того парня? – спросила Кит.

– Нет, – сказала мама. – Я не ненавижу его. Больше не ненавижу.

– Ты ненавидишь меня?

– Нет! – с силой сказала мама.

– Но когда ты смотришь на меня, ты видишь его?

– Иногда. У тебя его ресницы.

– Ты всегда говорила, что это наследие гуронов.

Моя мама пожала плечами, словно извиняясь.

– Это заставляет тебя чувствовать себя виноватой?

– Иногда. А иногда я просто боюсь.

Китти кивнула:

– Что папа может узнать об этом и перестанет любить меня?

Но мама покачала головой:

– Я боюсь, что он может узнать об этом и перестанет любить меня.

Я посмотрела на Кит.

– В его глазах ты никогда не делала ничего плохого.

– Он обожал ее с самого рождения, – согласилась мама.

– Мама у нас коварная женщина.

Мама нервно хихикнула.

– Ну, он никогда ни о чем не узнает, – сказала Кит, глядя на меня.

Было ли предательством участвовать в сговоре против него? В тот момент это меня совсем не волновало.

– Я никогда ничего не скажу.

– И я тоже.

Мама казалась совсем сникшей; это признание далось ей нелегко.

Она не сводила глаз с Кит.

– Ты его любимица, ты же знаешь, – сказала я.

– Знаю, – отозвалась Кит. – Отчасти.

– Он всегда принимает твою сторону в твоих спорах с мамой.

– Знаю.

– Я рада этому, – сказала мама. – Я рада, что вы есть друг у друга.

И в наступившей тишине мы услышали голос в коридоре, говоривший:

– Могу ли я помочь вам, сэр?

Сначала никакого ответа не последовало, потом мы услышали, как кто-то откашлялся.

– Нет. Нет. Я просто... забыл ключи от машины.

У мамы расширились глаза. Потому что это был голос нашего папы.

Медсестра вошла в палату, оставив дверь открытой. И мы трое повернулись и посмотрели на папу, застывшего на пороге. Его невидящий взгляд был устремлен на нас.

– Простите, – сказал он спустя минуту. Его дыхание было прерывистым, а лицо окаменевшим от шока. – Я вернулся, чтобы взять ключи от машины. И нечаянно подслушал ваш разговор.

Глава 24

Мама бросилась к нему, и у нее из груди вырвался стон отчаяния. Но папа отшатнулся от нее.

Он не смотрел на нее.

– Пойдем, Китти, – сказал он, избегая смотреть и на нее тоже. – Тебе надо успеть на твой рейс.

– Клифф, – начала говорить мама, но папа тут же рявкнул:

– Нет!

У мамы перехватило дыхание, и она замолчала.

А потом, двигаясь, как во сне, он поднял чемодан Китти, подошел к столу, взял ключи и вышел из комнаты, не проронив ни слова.

У мамы подкосились ноги, но Китти подхватила ее и усадила в кресло, стоявшее около кровати.

– Мне жаль – мне очень жаль, – сказала Кит. – Я поговорю с ним.

Мама прижала к губам дрожащую руку.

– Все будет хорошо, – сказала я. – Мы все уладим. Он любит тебя.

Кит нужно было ехать в аэропорт. Она посмотрела мне в глаза.

– Ты знаешь, что нужно делать?

Я кивнула, хотя и не была уверена в том, что поняла ее.

– Не опоздай на самолет.

Кит подошла ко мне и крепко меня обняла.

– Позвони мне, если я тебе буду нужна.

– Не если, а *когда*, – поправила я ее.

– По крайней мере, тебе не будет скучно, – сказала Кит.

– Может быть, даже к лучшему, что все открылось, – предположила я.

Но, взглянув на маму, застывшую в кататоническом ступоре после случившегося, я тут же усомнилась в этом.

Папа не вернулся к нам после того, как отвез Китти в аэропорт. В первый раз в моей жизни его не было рядом, когда я нуждалась в нем.

Но я его понимала.

Вместо этого он прислал за нами такси.

Маме потребовалось вдвое больше времени, чем можно было ожидать, для того, чтобы упаковать мои вещи и снять украшения со

стен. И шофер в форменной фуражке долго ждал нас в вестибюле.

Справедливости ради нужно признать, что моя мама, казалось, никак не могла прийти в себя.

Я пыталась подбодрить ее и высказать какие-то предложения, но она лишь бродила по палате, брала что-нибудь в руки, а потом клала назад. Она кое-как упаковала вещи в чемодан, но при этом многое оставила в шкафу.

И все это время в палату заходили то медсестры, то другие пациенты с моего этажа, чтобы попрощаться со мной.

Я не надеялась увидеть Яна, разумеется. Майлз, вполне возможно, расставил охранников на нашем этаже. Но, несмотря на драматические события этого дня, я втайне не переставала ждать Яна. С тех пор, как мы познакомились с ним, еще не случилось, чтобы я не видела его в течение целых полутора дней. Ко мне заходили попрощаться самые разные люди, с которыми я познакомилась за эти шесть недель: социальные работники, больничный психолог, Прайя, Нина, хирург и дерматолог, представитель страховой компании и два санитаря. Словно я была в летнем лагере, а теперь пришло время распрощаться до следующего лета.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем мы, наконец, собрались и покинули больницу. А потом на огромной скорости мы понеслись домой.

Вскоре я уже въезжала в родительский дом по новому пандусу, который папа соорудил для меня. Мысленно я поблагодарила его, оценив его мастерство. Я пыталась заглушить отчаяние, которое терзало меня.

Но когда я вкатилась в гостиную, папа был там.

Он застыл на месте, увидев нас, и уставился в пол. Мы тоже замерли.

В одной руке он держал незастегнутую холщовую сумку, из которой торчали рукава его пижамы и зубная щетка. Словно он старался успеть покинуть дом до нашего приезда.

– Привет, Клифф, – сказала мама почти шепотом.

Но папа лишь отвернулся от нее и стал ждать, пока она выйдет из комнаты.

Когда она ушла в их спальню, папа посмотрел мне в глаза.

– Как твои дела, детка? – спросил он, опускаясь на корточки рядом со мной.

Я посмотрела на его сумку.

– Ты уезжаешь?

Он кивнул.

– Надеюсь, ты не очень расстроишься?

– Я понимаю тебя, – сказала я.

– Мне просто нужно несколько дней, чтобы все это переварить.

Конечно. Это меня не удивило.

Но во всем остальном этот день был удивительным. Я уже очень сильно скучала по Китти, мне было странно снова оказаться в доме моих родителей, и я испытала одновременно и радость, и страх, когда входная дверь закрылась за мной.

Моя детская тоже удивила меня. После того как папа ушел, мама сразу же покатила меня туда, словно желая отвлечься чем-нибудь приятным. Она заново обставила мою комнату. И, открывая дверь, тихо сказала:

– Сюрприз!

Она заменила практически все. Мою низенькую кровать с бледно-розовой оборкой, мое кресло, обитое цветастой тканью, шторы на окнах, ковер на полу. Все, что здесь было прежде, исчезло: мягкие игрушки, фотоальбомы, книги, плакаты.

– Куда ты все дела? – спросила я.

– Убрала в кладовку, – ответила она. – Во всяком случае, все небольшие предметы. А мебель я просто выставила возле дороги, и в течение двух дней ее разобрали.

Это было и хорошо, и плохо. Она убрала все дорогие и знакомые мне вещи, всегда дарившие мне чувство комфорта. Она, очевидно, не хотела, чтобы они напоминали мне о моей прежней жизни. И эта новая комната теперь была похожа на номер в хорошем отеле. Она повесила на окно льняные римские шторы, поставила у окна шезлонг, разбросала по кровати сотню подушек. С потолка свисала зеркальная люстра. Комната, казалось, стала просторнее и была отделана в ее любимых серовато-бежевых тонах. Здесь царил покой, все детали интерьера были изысканными и современными. И совершенно

незнакомыми. Мне казалось, что я смотрю на иллюстрацию в глянцевоm журнале.

– Новая комната для начала новой жизни, – сказала мама.

Нужно отдать ей должное, у нее был безупречный вкус.

– Это, безусловно, лучшая твоя работа.

– А папа может принести сюда все твои старые пожитки, чтобы ты могла разобрать их, если захочешь. – И тут она все вспомнила и нервно глотнула воздух. – Если он вернется.

– Он вернется, – сказала я. – Просто ему нужно некоторое время, чтобы прийти в себя.

Мама какое-то время в нерешительности стояла у двери, словно не зная, может ли она оставить меня одну.

– Ну, что ж, – сказала она после долгой паузы. – Полагаю, ты хочешь освоиться на новом месте.

Я долго сидела не двигаясь. Двадцать минут? Час? Возможно, это было из-за шока. Я знаю лишь одно – я никак не могла понять, каким это образом мой жизненный путь снова привел меня сюда. Я избегала мыслей о прошлом, но я не видела ничего хорошего и в будущем.

Когда позвонили в дверь, я подумала, что, очевидно, папа снова забыл ключи.

Но спустя несколько минут я услышала стук маминых каблучков в коридоре. Она распахнула мою дверь (не постучавшись), и в комнату вошел не кто иной, как Ян.

Кажется, мама сказала:

– К тебе посетитель.

Мне кажется, что она также предложила Яну бокал вина, но он отказался. Отчетливо я помню лишь одно – Яна, стоявшего на пороге моей комнаты.

Потому что как только я его увидела, я словно ожила.

Ян Моффит был в моей спальне! В голубой футболке и джинсах.

– Привет, – сказал он после того, как мама ушла. Сунув большие пальцы рук в карманы, он осмотрелся по сторонам. – Здесь очень мило.

Я не знала, что и сказать. Я понятия не имела, зачем он пришел.

– Я пришел извиниться, – сказал Ян, переминаясь с ноги на ногу. – Кажется, я усложнил твою жизнь, а не сделал ее легче. Хотя я не собирался этого делать.

Я ждала.

– Я просто хотел помочь тебе поправиться, насколько это было в моих силах.

Ладно.

– Я не должен был позволять себе привязываться к тебе.

Я посмотрела на него:

– Ты позволил себе привязаться ко мне?

Внезапно мне показалось, что я заострила внимание не на той части этого заявления. Ян не ответил. Он просто стоял, изучая ковер.

И в этот момент в моем сердце вспыхнула глупая надежда. Может быть, он пришел поэтому? Может быть, теперь, когда я уже больше не его пациентка, он может... *Что?* Навещать меня? Снова целовать меня? Ходить со мной на свидания? Быть со мной вместе?

– И еще я пришел для того, – добавил Ян, – чтобы поделиться новостями. Я теперь официально уволен. Майлз вчера подал рапорт.

– Это плохо или хорошо?

– И то, и другое.

Я улыбнулась.

Ян продолжал:

– Но мне будет тебя не доставать.

– Они собираются отнять у тебя лицензию?

– Да.

Если он теряет лицензию, он теряет и визу.

– Это означает, что тебе придется уехать из страны?

Он секунду колебался, потом подошел к кровати и сел рядом со мной.

– Думаю, что так. Да.

Я моргнула.

– Они заставляют тебя уехать? Правительство ополчилось на тебя?

Он покачал головой:

– Майлз ополчился на меня. И он победит.

– Ты не собираешься сражаться с ним?

– Теперь уже не из-за чего сражаться. Все кончено. Твоя сестра выложила фото в Инстаграме.

– Господи! – Я прижала руку к глазам. – Кит.

– Она не виновата, – сказал Ян. – Я целовал тебя на глазах у сотни людей, собравшихся в зале. Это не было тайным свиданием.

– Но ты не виноват в этом! Это все из-за омель!

Ян покачал головой.

– Ты поцеловал меня из жалости! – настаивала я. – Ты просто был добр ко мне! Я выступлю в твою защиту!

Он с улыбкой посмотрел на меня, словно я пыталась обмануть саму себя. Но это была очень милая улыбка.

– Формально ты даже уже не был моим тренером!

– Это не имеет значения. Я работал там. А ты была пациенткой.

Это казалось мне безумием.

– Вот так просто? Один поцелуй, и ты изгнан?

Ян криво улыбнулся:

– Как видишь.

Неожиданно я осознала, как близко был Ян. Всего в нескольких дюймах от меня. Сейчас, когда он был здесь, рядом со мной, мысль о том, что он скоро уедет, была невыносимой.

– Ты не можешь уехать, – сказала я.

Он пожал плечами:

– Я не могу остаться. Моя виза действовала лишь на то время, пока я работал на определенной работе и имел соответствующую для этого лицензию.

– Что же ты будешь делать?

– Поеду домой. В Эдинбург.

У меня сжалось сердце.

Ян продолжал:

– У меня там четверо братьев. Двое из них медики. Они уже договорились о собеседовании в больнице.

Я пыталась говорить ровно, словно мы просто вели дружескую беседу.

– Это хорошо.

Но Ян не ответил. Он просто взял меня за руку.

От этого прикосновения у меня перехватило дыхание.

– Собеседование назначено на среду.

Я широко раскрыла глаза:

– Эту среду?

Он кивнул.

– Значит, ты уезжаешь – когда?

– Завтра утром.

Меня охватила паника. Я решительно не могла представить себе мою жизнь после катастрофы без Яна. Я не смогла бы сказать этого вслух из опасения показаться жалкой, но он был единственным человеком в мире, рядом с которым я чувствовала себя почти счастливой. Моя жизнь была черно-белой до тех пор, пока он не вошел в комнату. В этот момент все расцвело яркими красками. Потеряв Чипа, я даже глазом не моргнула. Но потерять Яна, прямо сейчас? Я едва могла дышать.

– С тобой все будет в порядке. Ты намного сильнее, чем тебе кажется...

Но прежде чем он закончил говорить, я сделала нечто, что шокировало нас обоих.

– Женись на мне, – сказала я.

Он открыл рот, но не смог выговорить ни слова.

У меня родилась гениальная идея.

– Женись на мне, – повторила я, – и тогда ты сможешь остаться.

– Ты хочешь, чтобы я женился на тебе?

Я кивнула.

– Чтобы получить вид на жительство?

– Но ты же хочешь остаться, разве нет?

– Да.

– Здесь много солнца, люди доброжелательные, и у тебя прикольный винтажный автомобиль.

Я что, пыталась уговорить его жить в Техасе?

– Несколько недель назад у меня родилась отличная идея. Я хочу открыть летний лагерь для детей в инвалидных креслах, – лихорадочно импровизировала я. – Может быть, мы смогли бы сделать это вместе. Я имею в виду, построить его и управлять им. Мы могли бы стать партнерами и менеджерами этого заведения. Ты нанимал бы и обучал тренеров и применял бы все интересные современные методы, а я могла бы заняться сбором денег. И мы могли бы создать что-то вроде утопии для детей, которые видели так много боли в своей жизни. У нас был бы сад с беговой дорожкой, где мы могли бы устраивать гонки в инвалидных креслах, и аквапарк, и кинозал, и попкорн, и различные классы по обучению детей жонглировать, печь печенье,

играть в баскетбол, кататься верхом. И мы обязательно создали бы свой хор!

Я уже загорелась этой идеей.

– А зимой мы могли бы заниматься и со взрослыми, – продолжала я. – Устраивали бы для них семинары, спонсировали бы выставки поделок и обучали бы взрослых разным навыкам, например, вязанию. Я учила бы их вязать слизьяков. Мы смогли бы подарить свет надежды и дружбу людям, которые так отчаянно в этом нуждаются. Я знаю, что ты вроде бы утратил интерес к тому своему бизнесу, но этот будет совсем другим.

Я разошлась не на шутку. Я уже практически видела, как это могло работать в действительности.

К тому же – и это немаловажный фактор – я была отчаянно, безоглядно влюблена в Яна. И внезапно мне стало казаться, что я просто обязана сказать ему об этом. И не важно, была я готова к этому или нет. Если он покидает страну следующим утром, если я действительно больше никогда не увижу его, как могу я позволить ему уйти, не сказав ему правды?

Со времени катастрофы мне много раз приходилось призывать на помощь все свое мужество, но никогда еще мне не было так страшно.

– Ян, – сказала я с замиранием сердца, – дело в том, что я люблю тебя.

Ян замер.

Я наблюдала за выражением его лица, стараясь понять, что он чувствует. Была эта новость для него хорошей или плохой? Было ли это тем, что он надеялся услышать – или *не* надеялся услышать? Конечно, вероятнее всего, я была для него лишь несчастной, искалеченной пациенткой. Но те поцелуи – те опьяняющие поцелуи, которые он мне дарил, – зародили во мне искорку надежды, которую я не могла игнорировать. Я понятия не имела, что он чувствует на самом деле, но у меня не было времени гадать. Он слишком хорошо умел скрывать свои чувства.

Не дождавшись ответа, я продолжала:

– Я безумно, страстно, всем сердцем люблю тебя. Я даже не представляла, что любовь может быть такой. По сравнению с этой любовью все остальные чувства кажутся мелкими и ничтожными. Я чувствую себя так, словно купаюсь в лучах солнца, и меня

переполняет восторг, хотя для этого у меня нет никаких причин. Это любовь делает все самое ужасное не таким ужасным, и даже когда я делаю самые обыденные вещи – чищу зубы или варю кофе, – все это кажется мне окутанным флером магии.

Я не знала, насколько откровенной мне следовало быть в своих признаниях. Я могла бы сказать ему: «Я думаю о тебе по ночам, не в силах заснуть», или: «То, что я чувствовала к Чипу, не идет ни в какое сравнение с тем, что я чувствую к тебе», или: «Ты лучшее, что было у меня в жизни».

И чем дольше он не отвечал, тем больше мне хотелось надавить на него. Я готова была умолять его. Я уже чуть не сказала: «Пожалуйста, пожалуйста, женись на мне. И тебе необязательно любить меня!» Я была согласна на меньшее. Я была согласна просто на дружбу. Я была согласна на все – лишь бы удержать его около себя.

Но я не сказала ему ничего такого и позже была рада этому. Когда туман у меня перед глазами рассеялся и я увидела выражение его лица, я замолчала. Если в глубине души я надеялась, что он ответит на мои чувства, эта надежда исчезла.

Ян шумно выдохнул, встал, отвернулся и прошелся пятерней по волосам.

– Я не утратил интерес к своему бизнесу, – сказал Ян.

Я только что призналась ему во всепоглощающей любви, а он говорит об *этом*?

Ян продолжал:

– Наш бизнес процветал. Все складывалось замечательно. Это был один из тех невероятных моментов в жизни, когда все у всех получается. Я был счастлив, мои сотрудники были счастливы, наши клиенты были счастливы. Кайла была счастлива. Мы собирались пожениться. – Он вздохнул. – Однажды вечером – в тот вечер как раз вручали премии «Оскар» – Кайла по дороге домой остановилась у магазина, чтобы купить коробку попкорна. Она была уверена, что без попкорна невозможно смотреть церемонию «Оскара». – Ян сделал паузу. – И тут в магазин вошел мальчишка, подросток с ружьем в руке, и открыл огонь. Он застрелил охранника, двух кассирш и двух стоявших в очереди покупателей. А последним человеком, которого он застрелил, прежде чем покончить с собой, оказалась Кайла.

Я уже знала, что будет дальше, еще до того, как он сказал мне об этом.

Некоторые выражения лица невозможно подделать. Можно выдавить из себя фальшивую улыбку или нахмурить брови. Можно даже подделать слезы. Но некоторые выражения настолько искренни, так отражают все, что творится в человеческом сердце, что их подделать невозможно. И такое выражение лица я увидела у Яна в тот момент. Его лицо отражало отчаяние, невыносимое, мучительное, не поддающееся описанию отчаяние.

Я сидела тихо и молчала. Что я могла сказать? Как могла отреагировать на все это? У меня не хватало слов, чтобы выразить мои чувства. Наконец, не в силах молчать, я прошептала:

– Мне очень жаль.

Он кивнул, не поднимая глаз от пола, словно увидел там что-то интересное.

Мне хотелось сменить эту волнующую тему на что-нибудь более прозаичное. И я спросила:

– Это случилось три года назад?

– Три года, четыре месяца и шесть дней.

Внезапно я все поняла.

– Так вот почему ты утратил интерес к вашему бизнесу!

Он кивнул, все еще погруженный в свои воспоминания.

– Она умерла прямо там, на месте. Они все умерли сразу. У нее не было ни одного шанса спастись. Он дважды выстрелил в нее; одна пуля прошла через правую грудь и застряла в легком. А вторая попала в ухо и вылетела через затылок. В живых остался только один человек. Во время следствия магазин был закрыт. А потом его снова открыли. Вытерли кровь и открылись уже через две недели. Я больше никогда не заходил туда. Я не мог даже ездить по той улице. И мне кажется таким странным, что люди по-прежнему ходят туда за покупками. Они даже ничего не знают о случившемся. Они покупают там овсяные хлопья и зубную пасту и становятся в очередь на том самом месте, где она испустила свой последний вздох.

Я наблюдала за тем, как вздымалась и опадала его грудь. Наконец-то я поняла причину его молчаливости и то, что перед лицом такого несчастья любые слова казались бессмысленными. Я вспомнила все случаи, когда он стоял в зале, неподвижно и, казалось, привлекал на

помощь всю свою силу воли, чтобы не ненавидеть нас всех. Полагаю, так оно и было.

И в первый раз после нашего знакомства я не попыталась нарушить эту тишину, не попыталась спровоцировать его на разговор. Я просто позволила этой тишине окутать нас.

Спустя какое-то время Ян поднял глаза, словно вспомнив о моем присутствии.

– Я хочу поблагодарить тебя, – сказал он, глядя мне в глаза. – Ты – единственное, что случилось со мной хорошего после того дня.

Контекст все меняет. Моя идея о виде на жительство показалась мне очень глупой в свете только что сказанного. И я решила превратить все в шутку:

– Я все еще не отменяю свое предложение о фиктивном браке.

Я надеялась, что он улыбнется, и на секунду на его губах и вправду мелькнула улыбка.

– Я не могу жениться на тебе ради того, чтобы получить работу.

Я смотрела на его профиль на фоне окна, и меня мучительно тянуло к нему.

Зная теперь, через что пришлось пройти ему, мои собственные проблемы стали казаться мне не такими ужасными. Это заставило меня посмотреть на мою ситуацию по-новому. По крайней мере, я все еще была жива. Узнав о его потере, я устыдилась своего признания в любви. Но само это чувство только усилилось.

Он, должно быть, понял, что я чувствую.

– И, между прочим, ты на самом деле не влюблена в меня.

При этих словах мне показалось, что комната осветилась лучами солнца, выглянувшего из-за облаков.

– Ну, – сказала я, – полагаю, что я в состоянии понять, что именно чувствую.

– Мы уже говорили с тобой об этом, – заметил Ян. – Это не настоящее чувство.

Я наклонила голову набок:

– А мне оно кажется очень настоящим.

– Послушай, – сказал Ян. – Ты знаешь, что люди, которых похитили, могут влюбиться в своих похитителей? Так случилось и с тобой.

– Ты хочешь сказать, что у меня Стокгольмский синдром?

– Я хочу сказать, что с тобой происходит нечто подобное.

– Не хочешь ли ты сказать, что *похитил* меня?

Он повернулся ко мне:

– Я не похищал тебя. Но ты оказалась в положении заложницы. Лишенная своей прежней жизни, изолированная от всех своих друзей, во власти чужих людей. Ты столкнулась с испытанием, которое редко выпадает на долю человека. И вследствие этого ты установила воображаемую связь с одним из своих захватчиков. Чтобы почувствовать себя в безопасности, чтобы испытать хоть какую-нибудь надежду, чтобы не чувствовать себя такой одинокой. Это классический пример чувства самосохранения.

– Похоже, ты долго размышлял над этим.

– Разве я ошибаюсь?

На самом деле, этого я не знала. Полагаю, это было одним из возможных истолкований сложившейся ситуации.

– А эта связь и вправду воображаемая? – спросила я.

Ян не отвечал.

– А ты тоже чувствуешь ее? – давила я на него. – Или я просто все выдумала?

Я могла назвать множество причин, почему такой мужчина, как он, не может испытывать даже слабый интерес к такой калеке, как я. Конечно! Это противоречило всякой логике. И все же я так *не* думала. Я *чувствовала* его ответную реакцию. Снова и снова.

– Я привязан к тебе, – наконец сказал Ян.

– Насколько привязан?

Ян снова не ответил.

– Потому что, на самом деле, – сказала я после долгого молчания, – если ты не чувствуешь того же, что чувствую я, тогда не имеет никакого значения, испытываю ли я настоящие или воображаемые чувства. Разве нет? Если я тебя не интересую, тогда этот разговор бесполезен, хотя иногда я чувствую, что нравлюсь тебе, а иногда чувствую, что совершенно не нравлюсь. И нам незачем говорить о похищениях и всех психологических аспектах. Просто скажи, что я тебя не интересую, и покончим с этим.

Ян молчал.

– Скажи, что ты не интересуешься мною, и можешь отправляться домой в Шотландию. А я останусь здесь с мамой и буду есть спагетти

на ужин, и мы больше никогда не встретимся с тобой. Все просто.

Ян угрюмо смотрел в пол.

– Просто скажи, что я тебе не нравлюсь, – прошептала я, отчаянно надеясь, что он возразит.

После долгой паузы Ян посмотрел на меня, и в его глазах появилось странное выражение. В них больше не было теплоты.

– Ты мне не нравишься, – сказал он.

Я откинулась на подушку. Я не знаю, какого ответа я ждала, но только не этого. По крайней мере, не такого прямолинейного.

– Не нравлюсь?

– Я привязался к тебе, – сказал он ровным голосом. – С тобой было приятно работать. У тебя трудное положение, и на меня произвели впечатление твоя сила и твоя целеустремленность. Но я не испытываю по отношению к тебе никаких романтических чувств.

Я сделала несколько глубоких вдохов. Поверила ли я ему?

– А как насчет того невероятно страстного поцелуя на озере?

Он пожал плечами:

– Просто, наверное, я умею хорошо целоваться.

– А как насчет того другого поцелуя, когда на публике, на глазах у всех собравшихся, твоя карьера закончилась?

Он пристально посмотрел мне в глаза:

– Наверное, в тот момент я ощущал себя очень одиноким.

– Значит, – обдумывая его слова, сказала я, – это не было страстью? Это было отчаянием?

На его лице промелькнуло скучающее выражение.

– Можно сказать и так.

– Значит, – сделала я еще одну попытку, – ты хочешь сказать, что знал о моем помешательстве на тебе, но не стал отталкивать меня, потому что ты был одинок и сексуально не удовлетворен?

– Может быть, и так.

– О'кей, – сказала я и почувствовала, как стыд охватил меня.

Конечно, он не был влюблен в меня. С какой стати? О чем я только думала? Он мог делать все, что хочет, стать тем, кем хочет, выбрать себе подругу, какую захочет. Вся его жизнь была впереди. А я всего лишь была получеловеком в жалком инвалидном кресле. Я забыла, кем я стала. Если даже Чип, который знал меня той, какой я

была прежде, больше уже не хотел меня, как могла я надеяться, что кто-то захочет быть со мной теперь?

– Ладно, – снова сказала я.

Мое сердце заныло, когда я осознала все это.

И быть честной больше уже не было смысла. К тому же в этот момент я уже не могла спасти свое лицо. Мне нужно было распрощаться с ним. И как можно быстрее, пока вся моя вселенная не рухнула.

Между нами все было кончено. Я отвернулась.

– Счастливого пути.

Но Ян не уходил.

– Пора расставаться, парень, – сказала я. – Уходи.

Но он не ушел.

– Я подумал, что мы могли бы обменяться контактной информацией.

Какого черта нам нужно было это делать?

– Я не думаю, что в этом есть необходимость, – сказала я.

– Я надеялся, что мы останемся друзьями.

Пошел ты к черту.

– Нет, спасибо, – сказала я. – У меня достаточно друзей.

– А как я буду знать, как у тебя обстоят дела?

– Со мной все будет в порядке. – Я по-прежнему не поворачивалась к нему. – Ты сам сказал, что я намного сильнее, чем мне кажется.

А потом я услышала, как он подошел к двери. На пороге он обернулся.

– Мне очень жаль, Маргарет. Я всегда буду помнить тебя.

– Это так смешно, – сказала я, глядя в его сторону, но отказываясь встретиться с ним взглядом. – Потому что я уже успела забыть о тебе.

На следующее утро, едва открыв глаза, я стала размышлять над утешительными словами, которые сказала мне Кит. Эксперт, которого она цитировала, говорил, что потребуется год, чтобы прийти в норму. Смогу ли я через год снова стать такой, какой была? Мне это казалось совершенно невозможным.

Но потом мне пришла в голову моя собственная утешительная мысль.

«Я согласна потерпеть этот год, – подумала я, – и если не буду чувствовать себя лучше, я убью себя».

И при этой мысли я воспрянула духом.

Весь этот год мне требовалось лишь проживать день за днем. Я попрошу маму купить мне большой календарь и повесить его на стену, и тогда я буду помечать крестиком каждый прожитый мною день. Ученый, о котором говорила Кит, сказал, что с каждым днем моя жизнь будет становиться все лучше. Отлично. Я очень на это надеялась.

А если он окажется не прав, у меня теперь был план Б.

У меня были и хорошие новости: вернуться в дом моих родителей оказалось гораздо приятнее, чем я опасалась.

Хотя мой папа не возвращался.

Он снял комнату в мотеле в тот день, когда подслушал признания мамы, и позвонил ей, чтобы сказать, что ему нужно немного времени.

Немного времени растянулось на целые долгие дни.

Они время от времени разговаривали по телефону, обсуждая детали. Папа пытался понять причину, почему все так произошло. Иногда мама плакала и умоляла его, что выбивало меня из колеи. Мама никогда прежде не плакала. И никого не умоляла.

Но папа так и не вернулся.

Спустя примерно месяц он позвонил ей, чтобы сказать, что решил самостоятельно заняться одним проектом. Он собирался использовать весь свой опыт работы с деревом для того, чтобы восстановить древнее китобойное судно, находящееся в музее штата Коннектикут. Он снял небольшой домик по соседству и не был уверен, когда вернется домой. Если вернется.

– Твой отец переезжает в Коннектикут, – сказала мама и разразилась рыданиями. – Он собирается работать плотником на добровольной основе.

Я никогда прежде не видела, чтобы моя мама до такой степени утратила контроль над собой. После того как папа уехал из города, она забросила свою работу. Она не появлялась там. Просто бродила по дому и плакала или тупо смотрела в одну точку. Она забывала поесть. А если и ставила перед собой тарелку с едой, просто сидела и смотрела на нее, пока еда не остывала. Я часто заставляла ее сидящей в

любимом папином кресле, уставившейся в пол или пытавшейся оттереть от подлокотника шоколад, которым папа испачкал его.

– Я набросилась на него из-за этого пятна, – тихо сказала она, заметив, что я наблюдаю за ней. – Я несколько лет ждала, чтобы сменить обивку этого кресла, и в первую же неделю твой папа пролил на него жидкий шоколад.

Но теперь она, казалось, уже не злилась на него из-за этого.

Каким бы ни был тяжелым этот период нашей жизни, в нем все же было и что-то хорошее. Я увидела маму совершенно другими глазами. И это показало мне ее историю в новом свете. Впервые в жизни мне хотелось оберегать ее. Она всегда была такой сильной, такой сдержанной. Но не теперь. Раньше я всегда считала ее неуязвимой, но теперь она стала совсем другой.

И этот период был благотворным для меня. Беспokoясь о ней, я стала меньше думать о собственных несчастьях.

Я привыкла посылать папе электронные письма время от времени, просто чтобы узнать, как у него обстоят дела и собирается ли он вообще возвращаться домой. Я также звонила Кит со сводками с поля боя. А поскольку она несколько раз ездила навестить папу, я была в курсе его настроений.

Родители официально не разошлись. Папе просто нужно было «какое-то время». Кит сообщала, что он ни с кем не встречается. И с ее слов мы знали, что он не кажется совершенно убитым горем. Просто ест слишком много консервированных супов.

Моя теперешняя жизнь с мамой стала для меня сюрпризом. Что-то изменилось в ней после того, как папа уехал. Когда они обедали со мной в больнице, она изводила меня советами, мнениями специалистов и дурацкими вдохновляющими историями. Она была непреклонной и категоричной.

Но теперь, когда надежда на выздоровление рухнула и она с этим смирилась, она стала значительно спокойнее. Если я не могла что-то сделать, она не пыталась заставлять меня. Она расслабилась и дала мне передышку. На самом деле, конечно, я не совсем утратила надежду на выздоровление. Я нашла кучу статей, в которых говорилось о том, что даже спустя долгое время после полученной травмы существует возможность, что нервные окончания оживут.

Но моя мама не знала об этом. И я уж точно не собиралась делиться с ней этой информацией.

И, несмотря на то что мы обе были в состоянии глубокой депрессии, моя жизнь с мамой была на удивление приятной.

Как только она достаточно пришла в себя, она вернулась на работу. Но она наполовину сократила свои обязанности. Она непременно приезжала домой к обеду и делала нам сэндвичи и фруктовые напитки. А за ужин отвечала я, но по большей части мы просто заказывали еду из ближайшего итальянского ресторанчика. После ужина, почти каждый вечер, мы разгадывали кроссворды, потягивали вино и краем уха слушали новости.

Мы обе были несчастны и благодарны друг другу за поддержку.

Но, конечно, мне было тяжело, как я и ожидала.

Мне было тяжело находиться в этом доме искалеченной версией меня прежней. Мне было тяжело постоянно сравнивать прошлое с настоящим. Мне было тяжело смотреть на мою старую одежду, туфли, разные сувениры, фотоальбомы, ролики, не говоря уже о стопке дневников с моими представлениями о том, какой будет моя жизнь. Я каждую минуту представляла, как это было – как я могла ходить, бегать, прыгать, играть в классики, кататься на велосипеде и бросать мяч в корзину. И даже делать такие обыденные каждодневные вещи, как выходить из дома. Было тяжело не сожалеть о том, что я потеряла. Не сожалеть о возможностях, которые я воспринимала как нечто само собой разумеющееся. Не сожалеть о времени, которое я так бездумно теряла.

Я не стану лгать. Все, что происходило в больнице до моей выписки, было самой легкой частью моей теперешней жизни.

Все, что происходило в больнице, казалось мне не совсем реальным, пока я не вышла оттуда.

Без Кит, без Прайи, без Нины и – о'кей, хорошо, даже без Яна – у меня не осталось никого, кто помог бы мне не пойти ко дну.

И я пошла ко дну.

Я прошла через долгий, мучительный период отчаяния, в котором присутствовали горечь, злость, уныние, ярость, жалость к себе, страх, тоска и одиночество. Обычно я чувствовала это все одновременно. Меня мучила бессонница, я часто впадала в ярость, меня охватывала паника, и у меня появилось новое увлечение – бросать на пол тарелки.

На самом деле, после того как я случайно уронила и разбила мамино любимое блюдо, я так взбесилась, что вытащила из шкафа целую стопку этих блюдец, выкатилась из дома и разбила их на подъездной аллее.

А потом я сидела у порога дома и горько плакала, пока мама не вернулась с работы и не застала меня за этим занятием.

Она должна была бы накричать на меня. Но угадайте, что она сделала вместо этого?

Она отправилась на кухню и принесла еще стопку тарелок, которые тут же разбила.

А в этот уик-энд она отправилась в магазин и привезла целые ящики не пользующейся спросом посуды, которую мы могли разбивать, когда у нас возникнет такое желание. И мы даже не убрали осколки с дорожки. Просто оставляли их лежать там, как мозаичную дань этому сумасшедшему городу.

– На самом деле, это смотрится очень мило, – сказала мама однажды.

И это действительно было так.

Много лет назад я смотрела в Интернете видео, снятое камерой наблюдения. Несколько ребятишек играли на берегу там, где им быть не полагалось. Начался прилив, и большая волна подхватила троих из них и утащила за собой. Берег был пологим, и там было неглубоко, так что, наблюдая за ними, все ожидали, что они встанут на ноги и побегут назад. Но волны были такими сильными, что дети никак не могли подняться на ноги. Их уносило в море, а потом снова прибывало к берегу. Они пытались встать, а затем снова падали в воду. Они поднимали головы, чтобы глотнуть воздуха, а волны снова накрывали их. Они пытались добраться до берега, но возвращавшаяся волна отбрасывала их назад. И все думали: «Эти малыши утонут в пяти футах от берега». И даже если все знали, что они не утонут – потому что видео называлось «Чудо выживания», – все были уверены, что они все равно утонут.

И то же самое происходило со мной в первые месяцы после того, как я выписалась из больницы. Я чувствовала себя этими тремя детишками. Чудо выживания – но в то же время я все равно тонула.

Например, мои старые друзья хотели увидеться со мной, но мне не хотелось встречаться с ними. Они хотели «собраться вместе» и

«перекусить» или «попить кофе».

Зачем мне было встречаться с ними? Я боялась увидеть жалость на их лицах и услышать от них слова утешения. Меня пугало их сочувствие. И я опасалась реакции всех моих подруг, которые знали, что Чип разрушил мою жизнь, а потом исчез. Я не собиралась терпеть, пока они будут злорадствовать.

Мама прочитала статью о том, как важно «таким людям, как я» оставаться на связи. Она даже попыталась убедить меня позволить ей организовать встречу в спа-салоне с моими подругами по несчастью.

– Там будет весело, – говорила она. – Мы сделаем тебе новую прическу. Маникюр и педикюр. И ты будешь чувствовать себя отлично.

– Я никогда не чувствую себя отлично, мама, – сказала я. – Такое чувство мне теперь неведомо.

Я старалась бороться со своим унынием, но безрезультатно. Я пыталась выйти из дома, но останавливалась у двери. Я старалась радоваться тому, что у меня есть, но даже это приводило меня в бешенство. И так продолжалось долгие месяцы. Никаких изменений. Я не собиралась пропускать то, что происходило со мной в это время. Но мне нечего сказать. Я просыпалась по утрам. Злилась. Избегала встреч с людьми. Била посуду. А на следующий день все повторялось снова.

А потом, в конце лета, Кит прилетела домой, чтобы провести с нами уик-энд.

Глава 25

Да, бойфренд Кит, Усы, привел ее салон красоты в полный упадок. Да, когда она вернулась в Нью-Йорк, все обстояло гораздо хуже, чем она опасалась. Как выяснилось, он не испытывал интереса к утомительным ежедневным делам, таким, как мытье полов, вынос мусора или запись клиентов в журнал. Когда Кит вернулась, она столкнулась с рассерженными клиентами, недовольными служащими и нашествием тараканов.

Мы с ней не общались ежедневно по телефону, как она обещала, хотя она находила время звонить каждый день нашей маме.

Это было хорошо. Мама больше нуждалась в ней.

– Если ты будешь заходить на мою страничку в Инстаграме, – сказала Кит, – нам *незачем* будет разговаривать по телефону.

– Но это не одно и то же.

Китти больше нас общалась с папой, так что неожиданно им с мамой было о чем поговорить. И им также нужно было наверстать упущенное за все те годы обид, недопониманий, разочарований и взаимных обвинений. Но я должна была отдать им должное. Они предпочли не замалчивать все эти накопившиеся между ними проблемы и не стали делать вид, что теперь все в порядке. Они устроили настоящую разборку. Они спорили, не соглашались друг с другом, обменивались мнениями о своей жизни и о жизни всех окружающих.

Когда мы с ней все же разговаривали, Кит очень интересовалась моим здоровьем, моим прогрессом, моей ежедневной рутинной. Она задавала бесчисленные вопросы, иногда так много, что нам некогда было поговорить о ней самой. Она спрашивала, как я себя чувствую, как забочусь о себе. Она начала присылать мне статьи о здоровье позвоночника, о восстановлении его функций, о реабилитации в домашних условиях, о функциональной электронной стимуляции и нейрогенезе. Это были серьезные научные статьи, сильно отличающиеся от попсовой психологии, с которой мы начинали.

– Где ты это находишь? – спросила я ее. – Я думала, что ты делаешь ремонт в своем салоне.

– Я рассталась с Усами, – призналась Кит.

– Потому что он загубил твой бизнес?

– Потому что я думаю, что влюблена в Толстяка Бенджамена.

– Мы все влюблены в Толстяка Бенджамена. Он просто очарователен.

– Кроме того, у меня бессонница.

– Не *нужно* беспокоиться обо мне в середине ночи! – сказала я. – Ложись лучше спать!

– Не в наших силах выбирать, о ком беспокоиться по ночам, – возразила Кит. – Так что заткнись и прочитай статьи, которые я послала тебе.

Я так и сделала. Точнее, попыталась сделать. На самом деле, я распечатала большую часть и сложила их в стопку. Они были написаны очень сухим научным языком. Я готова была поспорить, что Кит читала только заголовки.

Короче говоря, она надеялась навестить нас в начале лета, но не смогла вырваться раньше августа. Что меня вполне устраивало. Я была не слишком веселой компанией для нее в начале лета.

Да и в августе тоже.

Но общество Кит пошло мне на пользу.

Она заставляла меня наряжаться, накладывать на губы помаду и посещать с ней новые рестораны. Она заставляла меня слушать диско и петь вместе с ней. И она снимала все это на видео. Как-то днем она отвезла меня к океану.

– Я беспокоюсь о тебе, – сказала она, когда мы сидели на берегу и смотрели на волны. – Ты ведешь старушечий образ жизни.

– Я в порядке, – возмутилась я.

Она наклонилась ко мне и понюхала меня:

– Ты даже немного пахнешь нафталином.

Я шлепнула ее по руке:

– Это неправда.

– Ты хотя бы помнишь, что тебе двадцать восемь, а не семьдесят восемь?

– Я думаю, что справляюсь отлично, – сказала я.

Я же все еще была жива, разве нет? Возможно, я не занималась йогой на рассвете, но я каждое утро вылезала из своей постели. Как правило.

– Почему ты не учишься водить машину?

– А куда мне на ней ездить?

– Почему бы тебе не обзавестись фиксаторами для ног?

– Меня устраивает мое кресло. Оно просто замечательное.

– Я думаю, что тебе стоит приложить больше усилий.

Она, возможно, желала мне добра, но я устала от людей, желавших мне добра.

– Я думаю, что тебе лучше заниматься своими делами.

Но Кит было трудно сбить с толку.

– Ты мое дело, – сказала она, пожав плечами. – Ты всегда была моим делом.

Она сделала миллион моих фотографий для своих подписчиков в Инстаграме. На них была запечатлена я, поедающая спагетти, делающая педикюр, раскрашивая ногти во все цвета радуги, загорающая в моих солнечных очках в форме сердечек. Она подновила мою стрижку и выложила фото в Инстаграм. И она заставила меня наложить на губы ретро-помаду пятидесятых годов и выложила и это фото в Инстаграм. Она даже сделала фото шрамов на моем плече и опубликовала и его.

– Кит! Никто не хочет видеть мое уродливое плечо!

– Все хотят увидеть его. Ты теперь звезда Инстаграма, леди. Просто прими это.

Но Кит не могла не давить на меня. В свой последний день, за ужином, да еще в присутствии мамы, она спросила:

– Как продвигаются твои дела с летним лагерем?

Это был сугубо личный вопрос, не предназначенный для того, чтобы задавать его за обеденным столом.

– Летний лагерь! – воскликнула мама. – Ты хочешь поехать в летний лагерь?

Кит:

– Она хочет построить летний лагерь.

Мама выпрямилась на стуле. *Построить? Всегда пожалуйста!*

Она стала забрасывать меня вопросами, но я быстро пресекла это.

– Я уже несколько месяцев не вспоминала об этом, – сказала я, и это было правдой.

Но в ту ночь, перед тем как заснуть, я снова начала думать об этом. Под натиском реальной жизни в реальном мире я почти совсем

забыла об этой своей затее. И было так похоже на Кит напомнить мне об этом.

Всю эту ночь моя голова была полна разными идеями, и на следующее утро, даже прежде чем выпить кофе, я покатила на кухню в пижаме, чтобы найти там лист бумаги. И я составила список всего того, что ночью пришло мне в голову:

Боулинг в креслах
Костры
Садоводство
Пение
Гонки в креслах
Кун-фу в креслах
Прыжки на тарзанке
Пинбол
Баскетбол
Гребля на каноэ
Зиплайн
Пинг-понг
Обучение преодолевать препятствия в кресле
Верховая езда

– Что это? – спросила мама, входя в кухню и заглядывая мне через плечо.

– Мои идеи касательно летнего лагеря, – сказала я.

Она кивнула:

– Я тоже об этом думала.

– Правда?

– Если мы построим его, – продолжала мама, – может быть, вывеску с названием мы сделаем в виде мозаики. Это поможет нам как-то утилизировать все твои разбитые тарелки.

И вот так Кит заставила меня не расслабляться. Так же, как она сделала это, когда заставила меня петь. По-хитрому. Сыграв мелодию, против которой я не могла устоять. Но я должна была отдать ей должное. Или, может, я должна была отдать должное матери Яна. Потому что следующим пунктом, который я написала в этом списке, были ее знаменитые слова:

«Когда не знаешь, что сделать для себя, сделай что-нибудь для других».

Наутро Кит уехала, но я восприняла это спокойно. Я больше не испытывала той паники, которая охватила меня в прошлый раз, когда она уехала из больницы.

Теперь я была поглощена своим проектом.

Все последующие недели я была очень занята. Я полностью оккупировала обеденный стол. Я рисовала планы строений и консультировалась с архитектором. Я составила список идей, ресурсов, людей, с которыми хотела бы работать. И я искала в Интернете свободные участки земли под застройку. Участок должен был находиться достаточно далеко от центра, чтобы он не был слишком дорогим, но при этом он должен был быть и не слишком удаленным от города, чтобы до него было легко добираться. И я изучала в Интернете похожие лагеря, чтобы посмотреть, как они работают и что могут предложить. Я хотела, чтобы в моем лагере была прогулочная дорожка в парке, библиотека, студия керамики, кафе, пекарский цех и сад бабочек. И чтобы все было приспособлено для передвижения в инвалидных креслах. И я хотела, чтобы здания были светлыми и красивыми. Когда мама украшала мою палату в больнице, я лишь скептически наблюдала за ней. Но когда мы сняли все украшения, я поняла, что она была права. Атмосфера в комнате сразу изменилась. Без ее вышитых подушечек, и штор, и настольной лампы, и ярких разноцветных предметов эта палата стала самым мрачным местом на свете.

Я хотела, чтобы мой лагерь был наполнен солнечным светом. Чтобы он дарил надежду. Чтобы он был теплым, ярким, полным жизни. Я хотела, чтобы люди, попадая туда, чувствовали некую магию.

– Ты можешь назвать его «Счастье на Колесах», – предложила Китти как-то за ужином.

– «Счастье» звучит несколько самонадеянно.

– А как тебе нравится «Мир магии»? – спросила мама.

Я пожала плечами:

– Это больше похоже на академию для юных иллюзионистов.

– Это неплохая идея, – уточнила мама.

Я посмотрела на нее:

– Да. Мы должны будем предлагать людям магию.

Потом я снова вернулась к вопросу о том, как назвать наш будущий лагерь:

– Нужно, чтобы название было достаточно забавным, чтобы понравиться детям, но при этом достаточно серьезным для взрослых.

Мама улыбнулась:

– Значит, «Центр Маргарет Якобсен по восстановлению функционирования позвоночника» явно не подойдет.

Я угрюмо взглянула на нее:

– Это слишком вычурно.

– А что, если назвать его «Лагерь надежды?» – спросила мама.

Мы решили обдумать этот вариант, а тем временем стали рисовать эскизы фирменных футболок со слоганом: «ОСТАВИТЬ ВСЁ ПОЗАДИ».

То, что моя мама была подрядчиком, было и хорошо, и плохо.

Это означало, что она была знакома с миллионом рабочих и сантехников, электриков и топографов, риелторов и каменщиков, маляров, дистрибьюторов, поставщиков и экспертов по сносу зданий. Они знали подноготную всех занятых в этом бизнесе и всегда заключали сделки на самых выгодных условиях. Так что это можно было вписать в графу «хорошо».

А в графе «плохо» я написала, что, если возьмусь за это дело, мне придется постоянно проводить время с мамой.

И было похоже на то, что я справлюсь-таки со своей задачей. Во-первых, я не могла думать ни о чем другом. Не могу выразить словами, какое огромное удовольствие доставляла мне возможность снова поработать головой. Использовать мою профессиональную подготовку, мои умения, чувство стиля, творческий подход. Этот проект сочетал в себе почти все, что я любила делать.

Более того, из-за него я стала выходить из дому.

На каком-то этапе мне стало нужно встречаться с разными людьми, обговаривать с ними различные идеи и стратегии, а иногда устраивать обеды для потенциальных спонсоров и партнеров.

Идея выйти из дома только ради того, чтобы выйти из дома, никогда не импонировала мне. Но выйти из дома, чтобы получить пожертвование в размере пяти тысяч долларов? Разумеется, я могла сделать это.

Я стряхнула пыль с моего старого брючного костюма и с моих жемчужных сережек, привела себя в порядок и отправилась на обед.

Кит даже заставила меня начать кампанию на Кикстартере, а потом поместила информацию об этом в Инстаграме для своих уже шестидесяти шести тысяч подписчиков. Пожертвования потекли рекой. Деньги уже скопились немалые. И мне стало казаться, что моя затея, возможно, осуществится.

– Они обожают тебя! – сказала мне Кит по телефону. – Пришли мне свою фотографию, ту, на которой ты изображена в полосатом костюме от Энн Тейлор!

Стала ли внезапно моя жизнь налаженной и счастливой? Нет. Смотрели ли на меня в ресторанах с жалостью? Постоянно. Случались ли у меня по-прежнему тяжелые моменты, часы или дни, когда я испытывала беспомощность, злобу, горечь, разочарование, отчаяние, ненависть к себе и страдание. Безусловно. А в один прекрасный день я столкнулась с Нейлом Путманом из отдела кадров компании «Симтекс» – с тем самым парнем, который нанял-меня-но-еще-не-официально на работу, о которой я всегда мечтала. А потом, после катастрофы, сразу же отказался от меня. И он даже не узнал меня. А когда я сказала ему, кто я такая, он всего лишь сказал, что я изменила прическу.

Да. Такое случалось.

Но тон моей жизни теперь совсем изменился. У меня была цель. У меня были причины каждое утро принимать душ. У меня были причины заботиться о себе. Более того, я стала приходить к пониманию того, что, делая что-то для других людей, ты в действительности делаешь кое-что и для себя. И это было удивительно.

Было приятно чувствовать себя лучше, и я начала подыскивать себе другие занятия, чтобы закрепить успех. Я подседа на аудиокниги. Я записалась в хор. И я продолжала вязать, хотя у меня это получалось все так же плохо. Я сама научилась печь печенье. И я сказала маме, чтобы она продала мой дом.

К тому времени, когда я пометила крестиком трехсотый день в моем суицидальном календаре, я уже заключила контракт на покупку земли. Участок в 100 акров^[13] располагался за городом и мог похвастать двухсотлетним дубом, тремя холмами и прудом, в котором

водились сомы. И я уже внесла за него задаток из тех денег, которые получила после продажи дома. И в этот вечер, даже несмотря на то что папа так и не вернулся к нам, а моя мама вполне могла помечать крестиками так резко изменившиеся одинокие дни своей жизни, мы отметили это событие с шампанским.

Несмотря ни на что, я решила все же сделать ставку на надежду – и засунула свой суицидальный календарь в мусорное ведро.

Если вся моя оставшаяся жизнь будет такой, пришло мне в голову, все будет нормально.

Со мной и вправду все было в порядке.

Глава 26

А потом Чип решил жениться.

Жениться.

На этой своей подлой, варящей супы бывшей подружке, Таре, известной также под кличкой «Плакса».

В Европе, ни много ни мало. В бельгийском городе под названием Брюгге, о котором я даже никогда не слышала. Приглашение пришло как раз в День святого Валентина. И это помогло мне осознать три важные вещи. Первое: это был День святого Валентина. Второе: прошел ровно год после авиакатастрофы. И третье: я совершенно забыла о Чипе.

Я также заметила кое-что еще: в приглашении были указаны только мои мама и папа и Кит.

Мама, конечно, знала о приглашении. Она все еще дружила с Ивлин. Она просто не могла расстаться с ней. Хотя Ивлин ни разу не заходила в наш дом после того, как я въехала туда. В течение долгого времени мама выскальзывала из дома якобы по делам, но я отлично понимала, что происходит.

– Ты можешь продолжать дружить с Ивлин, – как-то вечером после ужина сказала я маме. – Меня это не огорчит.

– Я не дружу с ней!

– Это не значит, что ты предаешь меня. Я не возражаю против вашей дружбы.

– Но он обманывал тебя! Он тебя бросил.

– Это было тяжелое время для всех нас.

Ей не нужно было злиться на Ивлин из-за меня. Разве мы и так уже не потеряли многое?

И я тоже кое-что поняла. Лучших друзей не так просто найти. Так что наши с Чипом матери остались друзьями и старательно избегали говорить о нас. До того дня, когда Ивлин вынуждена была сообщить о предстоящей свадьбе.

Мама рассказала мне, что Чип уже получил повышение в своем инвестиционном банке, и даже не один раз, а дважды. Этого следовало ожидать от парня, такого красивого, подтянутого и уверенного в себе.

Он был создан для того, чтобы сделать блестящую карьеру. Его уже перевели в брюссельское отделение компании.

– Чип живет в Бельгии?

Мама кивнула.

– Но он даже не говорит по-французски!

На мгновение меня охватило негодование. Чипа повысили? Отправили в Европу? Катастрофа явно не отразилась на его планах и устремлениях. Неужели вся его жизнь будет такой легкой? У меня возникло чувство, которое всегда появляется, когда ты ошибочно считаешь, что кто-то другой обставил тебя в этой жизни.

Но потом я сделала глубокий вдох.

Ну и что? Чип был в Париже. Ну а я прекрасно устроилась в Техасе. Мы оба пошли дальше. Мы можем оба одновременно добиться успеха. В мире всем хватит места.

То, что Чип так легко получил то, чего хотел, не прилагая особых усилий и не задаваясь вопросом, достоин ли он этого, необязательно означало, что его жизнь изменится к *лучшему*.

– Я узнала о свадьбе достаточно давно, – призналась мама. – Ивлин предупредила меня.

– И ты ничего не сказала мне?

– Я думала, что помолвка расстроится, – сказала мама. – Но эта девчонка, как оказалось, *увязалась* за ним в Париж. Она объявилась в аэропорту со всеми своими чемоданами и заявила, что поедет с ним.

Я пожала плечами. Ей следовало отдать должное.

– Пробивная сучка.

Мама закрыла глаза.

– Пожалуйста, не говори о сучках за ужином. – Потом она продолжила: – Но есть и хорошие новости. Свадьба состоится в Европе, так что никто не может рассчитывать, что мы поедем туда.

– А ты знала, что они собирались пригласить всех, кроме меня? – спросила я, протягивая ей конверт.

По ее лицу было видно, что она этого не знала.

– Это, должно быть, какая-то ошибка.

Это приглашение было написано каллиграфическим почерком, исключавшим всякие ошибки. Но прежде чем я сказала это, зазвонил мамин телефон.

Это была Кит.

Мама включила громкую связь.

– Вы слышали о свадьбе? – спросила Кит.

– Мы только что получили приглашение.

– И меня там не было, – добавила я. – Они пригласили всех, кроме меня.

– Я думаю, это просто ошибка, – объявила мама.

– Может быть, они пришлют тебе особое приглашение, – предположила Кит.

Я выразительно посмотрела на маму.

– Это маловероятно.

– Ну что ж, – решительно сказала Кит, – тебе придется в любом случае полететь туда. И вломиться к ним без приглашения.

– Нет, черт возьми, – сказала я, в то время как мама объявила:

– Мы устраиваем им бойкот. Как порядочные люди.

– Послушайте, – сказала Кит. – Они пригласили и папу. Ивлин позвонила ему, поскольку знала, что он в отпуске.

– Надеюсь, он тоже бойкотирует это мероприятие.

– Нет, – сказала Кит. – Он будет там.

Мама нахмурилась:

– Почему он согласился? Он даже не любит путешествовать.

– Он согласился, – объявила Кит, – потому что я уговорила его.

– Кит!

– И я уговорила его, потому что мы устроим там ловушку для родителей.

Мама нахмурилась, ничего не понимая.

– Мы не скажем ему, что ты тоже будешь там, – продолжала Кит. – И ты появишься там, убитая горем, и от шока он сразу же бросится к тебе.

– Твоя логика что-то хромает, – сказала мама.

– Он только о тебе и говорит, – настаивала Кит. – Он все время скучает по тебе. Я думаю, что он не возвращается домой только из гордости. И я думаю, что надо дать ему повод воссоединиться с тобой.

– Ты хочешь сказать, что от эффекта неожиданности он простит меня? – спросила мама.

– Шок и растерянность, – сказала я, кивнув.

Из всех дурацких идей эта была не самая плохая.

– Вот именно, – подтвердила Кит.

Но моя мама покачала головой:

– Нет. Я не могу.

– Да! Ты можешь! – закричала Кит.

– У меня на это нет сил, – сказала мама.

И внезапно она показалась мне очень старой. И маленькой. Она всегда была такой волевой, такой уверенной в себе, и, если она принимала решение, она неуклонно добивалась его исполнения. И мне было странно видеть ее нерешительность. Меня потрясло то, что она колебалась и робела. Маленькие морщинки между ее бровями стали глубже. Я была сбита с толку, глядя на нее, такую растерянную, и мне почти захотелось защитить ее.

– Мэгз и я поможем тебе, – предложила Кит. – Мы поедем с тобой. И мы сделаем все, чтобы наш план сработал.

Мама понизила голос, словно не хотела, чтобы я ее слышала:

– Я не могу просить Маргарет сделать это.

– *Алло?* – сказала я. – Меня не пригласили.

– Тогда не ходи на свадьбу, – фыркнула Кит. – Просто приезжай в Бельгию.

Но смогу ли я сделать это? Такое длительное путешествие может оказаться нелегким. И мне нелегко будет покинуть свое безопасное гнездышко, которое я свила для себя за этот год. А перспектива встречи со множеством незнакомых людей попросту пугала меня.

Но Кит была настроена решительно.

– Семейная поездка в Бельгию! Обсуждения закончены! – воскликнула она. – Я все организую. Отправляйтесь в магазин и купите себе сногшибательные наряды.

Мама искоса взглянула на меня, словно спрашивая: «Это хорошая идея?»

Я уверенно кивнула, словно сказав: «Чертовски хорошая».

Но *была ли* эта идея хорошей? Этого я не знала. Она казалась мне страшно рискованной – для всех. Помимо всего прочего, я только что выбросила свой суицидальный календарь. Я едва держалась на плову, и понадобится очень мало, чтобы я снова ушла под воду. Смогу ли я сделать это?

И внезапно я подумала, что смогу.

Особенно когда до меня дошло, что Бельгия находилась в Европе. И, конечно же, Шотландия тоже.

Мне казалось неплохой идеей помочь маме прояснить, наконец, ситуацию с папой, а потом, может быть, отправиться в Шотландию, чтобы прояснить и свою ситуацию.

Ужасная, глупая, разрывающая сердце идея – но после того, как она пришла мне в голову, я уже не могла избавиться от нее.

И эта идея даже разбудила меня среди ночи и терзала меня, пока я не посмотрела в Интернете карту. Бельгия находилась в четырех часах езды от Шотландии. В Техасе такой путь можно было проделать за полдня.

Может быть, я съезжу туда на уик-энд. Притворюсь, что приехала «по делу». И позвоню Яну. Я постараюсь говорить с ним небрежным тоном, словно случайно вспомнила о нем. Мы могли бы встретиться и выпить кофе. Я снова буду рядом с ним, пусть всего на несколько часов. Но, обдумывая свой план, я стала понимать, что все может сложиться совсем не так, как мне хотелось бы.

Я буду, как всегда, в своем инвалидном кресле. Погода будет мрачной. Мы встретимся в кафе со слишком узкой для моего кресла дверью. И Яну придется оставить меня на улице, пока он будет заказывать для нас кофе в бумажных стаканчиках навынос, если в Европе такое практикуется. Он подвезет меня к ближайшей скамейке, а я буду изнывать от желания – как умирающий от голода человек при виде свежее испеченного хлеба. А он будет... Каким? Довольным видеть меня все еще живой? Профессионально заинтересованным состоянием моего позвоночника? Вежливым? Даже – Бог мой! – фальшиво дружелюбным? Или еще хуже! Может быть, он уже встречается с какой-то девицей, высокой и пышущей здоровьем, которая разделяет его увлечение триатлоном. И он приведет ее с собой, чтобы мы могли познакомиться. Думая, что это меня обрадует. И я буду сидеть, как бесполое существо, в своем кресле, наблюдая за тем, как они расположатся на скамейке, соприкасаясь бедрами, улыбаясь и тайком обмениваясь любящими взглядами, чтобы не травмировать старую деву с ногами, похожими на вареные макаронины.

Это будет последний круг ада. При одной лишь мысли об этом у меня разрывалось сердце.

Но я все равно хотела сделать это. Или, возможно, *не могла не сделать* этого.

Кит пришла в восторг от этой идеи. Но ужасные идеи были ее самыми любимыми. Она хотела выяснить все детали.

– Что ты собираешься делать – отправиться на квартиру к Яну и удивить его?

– Нет, – сказала я. – Я собираюсь удивить его по телефону, как нормальный человек.

– Ты хочешь сказать, что позвонишь ему из одной из этих маленьких красных телефонных будок на углу его дома?

Я покачала головой:

– Это не шпионский боевик. Я просто скажу ему, что я в городе по делу или что-нибудь еще в этом роде.

– Мне это нравится. Внезапная атака.

– Но по-другому я не смогу. У меня не хватит смелости.

– А как ты вообще надеешься разыскать его?

– Понятия не имею. – Я задумалась. – Может быть, попрошу Роба узнать его адрес в больнице.

Кит уточнила:

– Ты собираешься попросить своего нового тренера помочь тебе выследить старого?

– Можно сказать, и так.

– Идеально, – сказала Кит. – Что может пойти не так?

Глава 27

Кит приехала в Техас за три дня до поездки, чтобы привести нас в должный вид.

Мы провели больше часов, чем я могла сосчитать, подбирая туалеты для мамы – и для меня тоже. Кит хотела, чтобы мама была в зеленом – это был любимый цвет нашего папы, – и она протащила ее по четырем магазинам, прежде чем они нашли то, что ее устроило. После этого Кит заставила маму изменить прическу, сделать маникюр и педикюр и купить всю новую косметику.

– Мне не нужна новая помада, – пыталась протестовать мама.

– Это решающий момент, – сказала Кит. – Или играй по-крупному, или оставайся дома.

А я? Со мной пришлось повозиться. Кит потратила на меня больше времени, чем на маму, а я даже не собиралась идти на свадьбу. Я могла бы надеть что-нибудь из своей старой одежды, но Кит не хотела и слышать об этом. Ничего из моего унылого гардероба не подходило к случаю. Кит хотела, чтобы я была одета во что-нибудь «элегантное, изысканное, с тонким намеком на безразличие». Если я действительно собиралась «заскочить» в Шотландию, чтобы встретиться с Яном, мне необходимо было найти убедительный деловой костюм, который при этом смог бы «заставить мужчину лить слезы желания».

– Мне кажется, что мы ставим перед собой невыполнимые цели, – сказала я.

– Тихо. Я работаю.

Кит потребовалось два дня, чтобы найти для меня идеальный туалет: серый брючный костюм с белой блузкой, стоившей четыреста долларов.

– Она того стоит, – объявила Кит.

Она также заставила меня купить новое белье.

– Что, если ты встретишь в аэропорту красивого незнакомца? – спросила она, вынимая из моего шкафа пару белья. – Ты собираешься очаровать его спортивным бюстгальтером и мрачными серыми трусами?

Я хмуро посмотрела на нее.

– Я не стану тратить еще двести долларов на неудобное белье, которое никто никогда не увидит.

– Не будь такой занудой, – сказала Кит, разглядывая мои трусы. – Я буду жить с тобой в одном номере. Я увижу твои трусы, если больше некому будет их увидеть. А этот кошмар, – она швырнула трусы в мусорную корзину, – заставляет меня терять волю к жизни.

В конце концов, она подарила мне белье. Против моей воли.

Она также выложила в Инстаграм фотографии с нашего шопинга. Но не мой последний туалет.

– Ты слишком роскошна в нем, – объявила она. – Это взорвет Интернет.

Я почти пошла на попятную. Возможно, это все-таки была не очень хорошая идея. Но потом я подумала о том, какой печальной и тихой была моя мама весь этот долгий год, и моя решимость вернулась ко мне. Я, честно говоря, не знала, сможет ли она вернуть папу. Этот план казался мне трудноосуществимым, чреватый сокрушительным унижением.

Но все это на самом деле не имело значения. Я знала, что должна помочь ей сделать эту попытку.

Кроме того, мама уже израсходовала все свои премиальные мили для того, чтобы мы летели первым классом.

Когда она сказала об этом Кит, у той отвисла челюсть.

Но мама лишь пожала плечами:

– Или играй по-крупному, или оставайся дома.

Я посмотрела на Кит:

– Нам следует написать это на наших футболках.

Утром перед отъездом меня одолели новые сомнения.

– О чем я только думала? – спросила я Кит, когда мы спешно допивали свой утренний кофе. – Как я смогу кататься в этом кресле по всей Европе? Там сплошные каменные ступени! Каменные ступени и фешенебельная публика. Это безумие. Они остановят меня у ворот и отправят домой.

Но Кит и ухом не повела:

– Ты никогда не сдаешься.

Может быть, но на этот раз мне хотелось сдать.

– Это будет самое худшее испытание в моей жизни.

Мама, проходя мимо, остановилась около меня и обняла меня.

– Нет, – сказала она. – Ты уже пережила самое страшное испытание.

Кит допила кофе и поставила свою пустую чашку в мойку.

– Я люблю неверие в свои силы, – сказала она. – Давайте подробно обсудим это. Но сначала сядемте в самолет.

Первый класс оказался похожим на вечеринку для важных персон.

Я не только в первый раз летела трансконтинентальным рейсом, но я впервые оказалась не в экономклассе. И теперь я знала, чего лишилась. В этом самолете был бассейн и диджей.

Самолет должен был лететь в Лондон, потом нам предстояла пересадка до Брюсселя, откуда на поезде нам придется добираться до Брюгге. Это будут долгие полтора дня. Но на борту нас встретили шампанским (Кит попросила имбирный эль) и клубникой. Нам выдали теплые одеяла. И у нас у всех были маленькие спальные капсулы с креслами, которые раскладывались и превращались в кровати. Кроме того, наши места располагались в ближайшем к двери ряду, так что мне было просто добраться до своего места.

Но вся эта окружавшая нас роскошь не могла изменить тот факт, что это был мой первый полет после катастрофы. Несмотря на все мои попытки сконцентрироваться на чем-нибудь другом – а я очень старалась, – мое тело нельзя было обмануть. Мои руки были холодными и дрожали. Мои глаза, несмотря на все мои попытки держаться спокойно, нервно бегали по сторонам, как у попавшей в ловушку мыши. Сердце гулко стучало в моей груди, словно готовилось к самому худшему. Я знала, что беспокоиться уже поздно. Я уже сидела в самолете. И я ничего не могла с этим поделать. Я сделала выбор, и теперь мне нужно было лишь постараться остаться живой.

Когда мы пристегнули ремни безопасности, мама взяла меня за руку, и она была холодной, как лед.

Она посмотрела мне в глаза:

– Ты боишься снова лететь?

Я сморщила нос:

– Самую малость.

Кит наклонилась ко мне:

– Помнишь, как мы летели на Гавайи? И ты осталась жива.

– Насколько я помню, мы все остались живы, – сказала мама.
– Хочешь, я отвлеку тебя? – спросила Кит, кивнув с таким видом, будто она, безусловно, сможет это сделать.

Мои руки стали бледно-серыми.

– Я не могу представить, как ты сможешь сделать это.

Кит приподняла брови:

– Я смогу.

Мы сидели напротив друг друга. Я наклонилась вперед:

– Как?

– Например, я могу сказать тебе, что адрес Яна, который дал тебе Роб, неправильный.

– Неправильный?

Она кивнула.

– Это адрес его дома в Глазго, где он провел свое детство. Но теперь он живет в Эдинбурге.

Ладно. Ей удалось отвлечь меня.

– Откуда, скажи на милость, тебе это известно?

Она загадочно улыбнулась, словно говоря: «У меня есть много чего порассказать тебе».

– Мы с ним поддерживаем связь.

Я ощутила неприятное чувство в груди. К чему она ведет? Что она может сказать мне такого важного?

– Только не говори мне, что ты встречаешься с Яном, – сказала я.

– Нет! – Она хлопнула меня по колену. – Я снова встречаюсь с Толстяком Бенджаменом.

– А с какой стати ты поддерживаешь связь с Яном?

Она снова загадочно улыбнулась:

– Он разыскал меня в Интернете. Он хотел знать, как ты себя чувствуешь.

– Правда? Когда это было?

– Через несколько недель после того, как я вернулась в Нью-Йорк. Он спросил, может ли он время от времени справляться о тебе.

– Почему ты мне этого не сказала?

– Он просил меня не говорить тебе. Он не хотел тебя волновать.

Я попыталась осмыслить услышанное:

– И он справлялся обо мне?

Она кивнула:

– Безусловно.

– Часто?

– Примерно раз в неделю. Раз в неделю! – Кит явно наслаждалась, рассказывая мне об этом.

– Он звонил тебе?

– В основном писал мне на почту. Кроме того, помнишь все те статьи, которые я посылала тебе?

– Те, которые, я уверена, ты сама никогда не читала?

– Эти статьи от него.

Он посылал эти статьи! Это многое объясняло. Но почему?

– А каким он тебе показался?

– Заинтересованным профессионалом.

– А вы говорили о чем-нибудь еще?

Кит покачала головой:

– большей частью о твоём здоровье. Очень сухо.

Я кивнула.

– Но хочешь знать моё мнение? Ты всё ещё нравишься ему.

– Я никогда ему не нравилась.

– С этим я не соглашусь.

– Он сам безо всяких экивоков сообщил мне об этом, – сказала я. – Я ему никогда не нравилась. Это я сохла по нему, а он поощрял это, чтобы у меня был стимул жить. Поверь мне. Если бы была хоть малейшая надежда, я не упустила бы её.

Кит пожала плечами, словно говоря: «О'кей. Будь по-твоему».

– Но есть и ещё кое-что.

Я с интересом посмотрела на неё.

– Он стал посещать мою страничку в Инстаграме.

Я затаила дыхание.

– Так поэтому ты постоянно делаешь миллионы моих фотографий?

Она кивнула, очень довольная собой.

– И знаешь что ещё? Он ни разу не опубликовал ни одной фотографии, и он не смотрит никакие другие страницы. У него даже нет аватара. Я *единственная*, чью страницу он посещает.

Я пыталась переварить информацию о том, что Ян посещает Инстаграм.

– И он видел все мои дурацкие фотографии, которые ты сделала?

Кит медленно кивнула.

– Включая ту, что ты сделала сегодня утром в аэропорту?

Кит снова кивнула.

– Надо полагать, он увидит ее в своем телефоне.

– Значит, он может знать, что мы направляемся в Европу.

– Может.

– Значит, внезапной атаки не получится.

– Но есть и обратная сторона медали, – продолжала Кит. – Нам будет легче узнать, где он живет.

– Каким образом?

– Когда мы приедем в Шотландию, – сказала Кит, пожав плечами, – мы просто пошлем ему сообщение и попросим дать нам свой адрес.

Я кивнула:

– Это почти слишком просто.

Кит погладила меня по голове:

– Почти.

Помимо моего панического ужаса перед полетами на самолете, я испытывала страх перед путешествием в целом. Дома я научилась справляться со многими вещами, и это вселяло в меня уверенность. А в Европе я не имела представления, чего ожидать. Мы, разумеется, провели целое исследование в Интернете, и у меня в ручной сумке лежала целая стопка распечаток. Например, можно было заранее позвонить и заказать пандус, чтобы можно было закатить кресло в поезд, идущий из Брюсселя в Брюгге. Но вы не могли просто появиться на вокзале и потребовать его. Я позаботилась о том, чтобы заказать номера в отелях, расположенных на первом этаже, чтобы я могла самостоятельно добираться до них. Кит хотела, чтобы мы прокатились по каналам, но мы заранее уточнили, что ни одно судно в городе не приспособлено для инвалидных кресел.

Мы были готовы ко всему, но никакие описания и отзывы путешественников не смогли подготовить нас к тому, что мы увидели, когда, наконец, приехали в Брюгге. Это был город из волшебной сказки. Никакой присущей двадцать первому веку суматохи, никаких светящихся реклам и щитов, никаких неоновых огней или пластика. Просто средневековые каменные или кирпичные здания с башенками и

мезонинами, городская площадь с готической церковью, магазины, торгующие шоколадом, выложенные булыжником мостовые. А каналы! С каменными мостами над гладкой неподвижной водой.

Не говоря уже о множестве лебедей.

Я не зря основательно готовилась к этому путешествию. Правда, трудности все же возникали. Когда мы сели в поезд, он был битком набит пассажирами, толкавшимися плечами. Многие переходили в соседний вагон, чтобы освободить для нас место. Китти сидела у меня на коленях, чтобы не занимать много места. Но в целом все было не так плохо, как я ожидала. Я боялась разбитых дорог и унижений, которые мне придется испытать, пытаясь передвигаться по миру, предназначенному для здоровых людей. Местные жители говорили либо на французском, либо на фламандском языках. Но мы на удивление легко общались с ними.

Мы добрались до отеля уже поздним утром и заказали еду в номер – стейки с картофелем фри, после чего стали смотреть европейское телевидение. А потом Кит и мама решили совершить набег на магазинчики с шоколадом и вернулись с полными сумками темного, молочного, белого, мятного и подсоленного шоколада всевозможных форм, какие только существуют под солнцем, от сердечек до морских звезд, начиненных кремом, нугой, фруктовым пюре, кофе, миндалем, макадамией и арахисовым маслом.

Кит свалила все это на свою кровать.

– У вас крыша съехала, – сказала я. – Мы не сможем все это съесть.

– Безусловно, сможем, – заверила Кит.

– Нам станет плохо, – настаивала я.

– Только не мне, – сказала Кит. – Я годами тренировалась.

В конце концов, мы съели все. И чем больше мы ели, тем больше это напоминало сражение, которое мы были настроены выиграть. Это была настоящая оргия. После этого мы с мамой с побледневшими лицами были вынуждены лечь в постель, а Кит стошнило в ванной.

– Я думаю, это от обезвоживания, – сказала она, укладываясь на свою раскладушку, стоявшую у окна.

Но утром Кит снова стошнило.

– Может быть, я подхватила дизентерию в аэропорту, – сказала она.

Но к середине дня тошнота прошла, а к вечеру Кит была уже почти в порядке, только основательно обессилела.

Когда пришло время одеваться, Кит лежала трупом на своей раскладушке.

– Ты уже в порядке, – попыталась убедить ее я, в то время как она поправляла смоченную холодной водой салфетку, прикладывая ее к глазам. – Тебя не рвало уже четыре часа. Вам с мамой пора собираться.

Но Кит даже не открыла глаза.

– Не думаю, что смогу туда пойти, – хрипло проговорила она.

– Нет, – сказала я. – Ты обязана пойти! Это была твоя идея!

– Я себя ужасно чувствую, – отозвалась Кит.

Мама взяла в руку свою сумочку.

– Может быть, нам стоит пропустить это мероприятие, – предложила она.

– Ты не должна пропустить его, – сказала Кит.

– В любом случае я не пойду туда одна, – заявила мама.

– Мэгз может пойти с тобой.

– Но я даже *не приглашена*, – сказала я.

– Иди вместо меня, – предложила Кит. – У нас приглашение на троих.

– Но они не хотят видеть меня там.

– Ерунда, – сказала мама. – Это была ошибка.

Я посмотрела на Кит, которая действительно выглядела ужасно, а потом взглянула на маму, которая сильно нервничала и выглядела не лучше, чем Кит. Кит явно не смогла бы пойти на свадьбу. Но я не могла допустить, чтобы мама пошла туда одна.

Я вздохнула и повернулась к маме:

– Поддай мне платье Кит.

Платье было красного цвета, с открытыми плечами, в стиле пятидесятых годов с кринолином под юбкой.

Я с трудом влезла в платье, в то время как мама суетилась вокруг меня и пыталась помочь мне. Я также надела это новое чертово белье. Уложила волосы. И нанесла на лицо всю новую косметику, которую Кит купила мне, включая красную помаду. А потом мы с мамой вышли из номера.

Мы были готовы ко всему.

И честно говоря, после всех потрясений, которые нам довелось пережить за этот год, посещение свадьбы не должно было быть слишком тяжелым испытанием.

Церковь, в которой должно было состояться венчание, была неподалеку. Прямо за углом.

Из всего прочитанного мной о Брюгге я выяснила, что местность была ровной, но булыжная мостовая станет большим препятствием для передвижения в кресле. И так оно и было. Я также прочитала в Интернете, что церковь была на уровне тротуара, так что я могла заехать туда без особого труда. Но я не знала, пока мы не добрались туда, какой крохотной была эта церковь.

Серьезно. Она была похожа на маленькое рождественское украшение.

Снаружи стояла огромная толпа гостей, которые не смогли поместиться внутри.

Несомненно, в городе были другие церкви, способные вместить нас всех. И, несомненно, Ивлин Данбар не могла упустить такую важную деталь, как размер церкви. Но чем дольше мы стояли на улице, окруженные теми гостями, которые не смогли пробраться в церковь и вытягивали шеи, чтобы увидеть хоть что-то из происходившего внутри, тем больше я убеждалась в том, что мать Чипа, возможно, чтобы произвести впечатление на весь мир, специально пригласила слишком много гостей на свадьбу.

– Как ты думаешь, она знала, что мы все не уместимся в этой церкви?

– Подозреваю, что знала, – кивнула мама. – Лучше переполненная церковь, чем полупустая.

Мы нашли местечко в каменном церковном дворике, чтобы ждать там окончания церемонии, но маме там негде было сесть, так что мы с ней находились на разной высоте и даже не могли разговаривать. И я провела следующие полчаса наблюдая за тем, как она нервно сплетала и расплетала пальцы.

– Зачем ты это делаешь? – спросила я спустя некоторое время.

Она посмотрела на меня:

– Что делаю?

– Перебираешь пальцами. Ты нервничаешь?

– Я не перебираю пальцами, – возразила она, сразу прекратив это делать.

И тогда я подняла голову и заметила, что она не смотрела в сторону церкви, как все остальные. Она внимательно разглядывала собравшихся.

И я порадовалась, что проделала весь этот путь. Ей предстояло сделать нечто важное, и я помогала ей в этом.

Прошло десять минут. Потом еще десять. И, наконец, моя мама решила пойти узнать у стоявшего в дверях привратника причину такой задержки.

И вот так случилось, что мы с ней потеряли друг друга. Она исчезла в толпе, пробираясь между другими гостями, и не прошло и пяти минут, как церковные колокола зазвонили. И прежде чем она смогла вернуться ко мне, двери церкви распахнулись, и на пороге появились жених и невеста.

Разумеется. Это же была свадьба! Их свадьба.

Я съежилась, внезапно отчетливо осознав, что я *явилась незваной на свадьбу Чина*.

Мне негде было спрятаться, но по мере того как маленький церковный дворик заполнялся гостями в нарядных платьях и смокингах, фотограф пригласил всех важных гостей сделать фотографии.

Привратник направлял всех остальных на маленькую улицу, ведущую к банкетному залу, но я осталась ждать маму – которая так и не появилась.

У меня была очень неудачная позиция. Я сидела в своем низеньком кресле, а люди, которых я узнавала, проходили мимо меня, не видя моего лица. А я могла видеть лишь пояса и ручные сумочки.

Наконец я подкатилась к дверям церкви, чтобы справиться о моей маме.

– Я ищу женщину в зеленом платье, – сказала я привратнику.

Он покачал головой:

– Внутри уже никого нет.

Я осмотрелась по сторонам. Она что, потеряла меня в этой давке? Не пошла ли она на банкет, решив, что я тоже направилась туда? Ждала ли она меня там, нервничая и дрожа? Я представила, как она одна стоит на банкете, нервно сплетая и расплетая пальцы.

Пора было найти ее. И я покатила в сторону банкетного зала вслед за последними покидавшими церковь гостями.

У меня заняло немного времени, чтобы отстать от них и потерять их из виду.

В Интернете писали, что 95 % улиц в Брюгге приспособлены для передвижения в инвалидных креслах. Но эта улица явно входила в оставшиеся 5 %. Булыжники были меньше и уже, а между ними были глубокие выемки. «Тонкие, как лезвия бритвы» колеса, которыми так гордился мой папа, были явно непригодны для передвижения по такой дороге. И я снова и снова застревала, когда колеса проваливались между булыжниками, и мне приходилось раскачиваться в кресле, чтобы высвободить их. Я продвигалась очень медленно, испытывая бессильную ярость. Мои руки были грязными. Я постоянно прищемляла себе пальцы. А один раз при сильном порыве ветра подол моего платья зацепился за спицы колеса.

А потом этот маленький переулок плавно перетек в более ровную улицу. И я смогла прибавить скорость и успешно въехать на каменный мост. И тут я догнала всех собравшихся на свадьбу гостей. Они собрались на стоянке такси. Водного такси. Того самого, которое, согласно почерпнутым мною сведениям из Интернета, не было приспособлено для перевозки пассажиров в инвалидных креслах.

Значит, именно так мы должны были добираться до банкетного зала. На лодках.

Я остановилась посередине моста и оценила обстановку. Две лодки, до отказа загруженные свадебными гостями, уже отплывали от причала. А в последнюю лодку садились оставшиеся гости. Мужчины в смокингах и женщины в вечерних платьях стояли в очереди около деревянного турникета. Я искала глазами зеленое платье моей мамы, но не смогла найти ее. Потом я стала рассматривать лодку. Я, возможно, могла бы сесть в нее, если бы кто-нибудь мне помог. Но когда я подъехала поближе к стоянке такси, я столкнулась с еще большей проблемой. С дороги к воде вели примерно двадцать каменных ступеней.

Двадцать крутых, неровных, каменных ступеней.

Я остановилась наверху. Ступени были высокими и очень узкими. У себя дома, в Штатах, я могла заехать на тротуар. И, возможно,

преодолеть две ступеньки в один из моих счастливых дней. Но я никаким образом не смогла бы спуститься по этой лестнице. Если бы только не захотела свести счеты с жизнью.

Я наблюдала, как пара за парой, не задумываясь, использовали свои ноги, чтобы спуститься к причалу и сесть в лодку. И меня охватило отчаяние. Что я здесь делаю? Китти заболела, я потеряла маму, и теперь у меня не было никакой возможности попасть на прием, на который меня даже не пригласили!

У меня сжало горло, словно я собиралась расплакаться.

Я нервно выдохнула. Я не должна была приезжать сюда. Пора было признать свое поражение. Возможно, это следовало сделать еще давно.

И в этот момент лодочник заметил меня.

– Est-ce que vous allez a la soiree?^[14] – спросил он по-французски.

Он подумал, что я бельгийка. Как лестно!

– Non! – прокричала я в ответ. – C'est d'accord.

Нет. Все нормально. Все-таки изучение французского языка в старших классах иногда могло пригодиться.

Но лодочник уже жестом подзывал двух мужчин, стоявших на причале. Им обоим было лет по семьдесят, и они начали подниматься по лестнице ко мне, осторожно ступая по ступенькам.

– Нет, нет, – сказала я, качая головой, показывая, что не нуждаюсь в их помощи. – Mes jambons sont eclates.

Я пыталась сказать, что мои ноги сломаны. Но лишь позже я осознала, что перепутала слово *jambe*, которое на французском означало «нога», со словом *jambon*, означавшим «ветчина». А поскольку я случайно сказала не «сломана» а «взорвалась», получается, что я сказала им, что «моя ветчина взорвалась».

Мужчины в недоумении посмотрели друг на друга.

Потом продолжили подниматься по лестнице ко мне. Им было совершенно очевидно, что мне нужна была помощь.

Разумеется, я не была просто прохожей, одетой в вечернее платье. *Разумеется*, я была гостьей на свадьбе. И только из-за того, что я не могла спуститься по этим ступенькам, я не собиралась отступить.

Несмотря на мои протесты, один из мужчин поднял меня на руки, словно делал это каждый день, и очень осторожно начал спускаться по ступеням. Второй мужчина подхватил мое кресло и последовал за

нами. И не успела я опомниться, как они уже вошли в лодку и усадили меня на сиденье на носу.

Мое сиденье было расположено так, что все остальные сидели лицом ко мне. В церковном дворе меня никто не замечал. Зато сейчас все уставились на меня.

Что я могла поделать? Я не могла выйти из лодки. И не могла поменяться местами с кем-нибудь. Я просто ответила им тем же и уставилась на них. Я не увидела никого из знакомых. Я была одна со своим креслом в лодке, полной чужих людей. В лодке, которая не собиралась отчаливать от причала.

Рабочие у причала снова заговорили на фламандском. Но я поняла, что лодочник хотел отплыть, несмотря на то что рабочие на причале считали, что он должен еще немного подождать. Он снова и снова говорил им, чтобы они отвязали лодку, но они игнорировали его. Наконец один из них взбежал по этим убийственным ступеням, чтобы осмотреться, а потом издал восклицание и указал на что-то рукой.

Кто-то был там?

И тут я увидела.

Группа людей действительно шла по мосту.

Главные действующие лица этого дня.

Глава 28

Они столпились на мосту прямо около ступеней, ведущих к стоянке водного такси. На том самом месте, где совсем недавно была я. Я бросила на них изучающий взгляд, и мне было странно видеть всех этих парней, которые должны были быть шаферами на нашей с Чипом свадьбе. Вуди, Статлер, Мерфи и Харрис, в сопровождении незнакомых мне подружек невесты. В этот момент подул легкий бриз, и длинные юбки подружек невесты заколыхались на ветру.

А потом группа расступилась, и я морально подготовилась увидеть невесту и жениха. Но пара, которая появилась, была не Чипом и Плаксой. Вместо них вперед выступили Джим и Ивлин Данбар. Родители Чипа.

Конечно, я видела Ивлин несколько раз после того дня, когда мы с ней поругались в больнице. В конце концов, она же жила в соседнем доме.

Но я не разговаривала с ней. Ни разу за все это время.

Вначале, когда она заглядывала к нам, я просто пряталась. Я чувствовала, что не могу встречаться с ней. Однако по мере того как время шло, я перестала избегать ее. Но к тому моменту они с моей мамой начали встречаться тайком.

Мы не старались избегать друг друга. Просто так вышло.

Спустя какое-то время мама стала настаивать, что Ивлин «полностью забыла» нашу маленькую «размолвку» в больнице. Но я подозревала, что она уже давно рассматривала меня как главную злодейку в этой ситуации: отчаявшуюся, искалеченную девчонку, которая пыталась испортить жизнь ее идеальному сыночку, давя на его чувство вины. Ивлин была из тех матерей, которые не хотят объективно оценивать недостатки своего отпрыска. Она пыталась закрывать глаза на многие факты.

Поэтому мое имя «случайно» не включили в список приглашенных.

Но мне было все равно. Я не переживала из-за этого. Меня смутило лишь одно: она шла по направлению ко мне, а я не могла избежать встречи с ней.

Когда она подошла ближе ко мне, в своем светло-голубом костюме матери жениха и при жемчугах, мне стало интересно, как она отреагирует на мое присутствие.

Как оказалось, не слишком доброжелательно.

У меня есть теория, что, когда мы чувствуем угрозу, в нас просыпается все самое худшее. Люди на самом деле, похоже, ведут себя самым подлым образом, когда думают, что ты хочешь причинить им вред, или отнять у них что-то, или потребовать то, что по праву принадлежит им.

И в ту минуту, когда мои глаза встретились с глазами Ивлин Данбар, я сразу же поняла, что она думает *все из перечисленного выше*.

Она, должно быть, решила, что я была здесь для того, чтобы расстроить свадьбу. На ее месте я подумала бы то же самое.

Она вошла в лодку и замерла, увидев меня. Мистер Данбар отправился поболтать с кем-то из гостей, а Ивлин наклонилась ко мне и тихо прошипела:

– Что ты здесь делаешь?

Другие гости смотрели на нас. И я ни за что не стала бы обсуждать на людях идею ловушки для родителей. Вместо этого я просто пожала плечами:

– Кит заболела, так что я заняла ее место.

Ивлин огляделась по сторонам и нацепила на лицо фальшивую улыбку:

– Ты не была приглашена.

– Я это заметила.

– Мы подумали, что это создаст неловкую ситуацию.

– Согласна.

– Но ты все же здесь.

– Мама решила, что это было просто упущением.

– Нет, не было.

– Я не собираюсь причинять неприятности, – сказала я, поднимая руки примиряющим жестом.

Я хотела ослабить напряженность, возникшую между нами, но это только привело ее в еще большую ярость.

– Как ты могла сделать это? – прошипела Ивлин.

Мне показалось, что она перебарщивает.

– Сделать что? – спросила я.

– Заявиться без приглашения и сидеть здесь, как гоблин, уставившись на остальных гостей? Это жутко.

Я это делала?

– Вы что, только что назвали меня *гоблином*?

– Чего ты добиваешься?

– Я все еще не понимаю слова «гоблин».

– Чип намерен двигаться дальше, и тебе следует делать то же самое.

– Согласна.

– Но ты все равно пришла сюда? Ты все еще хочешь сделать именно этот день ужасным для него?

Я пришла сюда не затем, чтобы причинить кому-либо неприятности. Но злоба заразна, надо полагать. И теперь я не смогла удержаться:

– Чип сделал каждый день моей оставшейся жизни ужасным, так что, возможно, мы квиты. Хотя мы никогда не будем по-настоящему квиты. Если только я не парализую его, в свою очередь.

Ивлин от удивления широко раскрыла глаза, словно испугавшись, что это и было моей целью – парализовать жениха.

– Это не смешно, – сказала она.

Я посмотрела на нее, словно говоря: «Да ладно!»

– Это немножко смешно.

– Тебе пора уходить.

Иногда у вас нет выбора, кроме как сдаться. Но сейчас это был не тот случай. Я не для того прошла через все это, чтобы в конце повернуть назад. Мне нужно было спасти мою маму.

– Я не уйду, – сказала я.

Но Ивлин посмотрела на меня, как бы говоря: «Только посмей».

– Ты уходишь, – сказала она. – Прямо сейчас.

Она сделала знак экипажу судна, чтобы они подошли и разобрались со мной.

Так значит, этот вечер закончится так? Меня вышвырнут на причал престарелые фламандские лодочники? Я подумала о том, для чего я здесь. Я подумала о том, какой я хотела стать, и решила, что я хочу быть сильной. И еще более мудрой, если смогу. Я хотела стать кем-то, кто может улучшить ситуацию, а не ухудшить ее.

– Мне очень жаль, что я выругалась в вашем присутствии, – сказала я.

Ивлин изумленно моргнула:

– Что?

– В больнице. В прошлом году. Я выругалась, и это огорчило вас.

Ивлин поджала губы, вспоминая наш с ней разговор. Выражение ее лица не то чтобы смягчилось, но я видела, что удивила ее.

– Мне было больно, – продолжала я. – И я набросилась на вас. Полагаю, в тот момент я думала, что, если сделаю кому-то больно, моя собственная боль ослабнет. Но, когда я причинила вам боль, я не почувствовала себя лучше. Я почувствовала себя хуже. Я сожалею об этом и хочу, чтобы вы это знали. Я должна была быть добрее.

И после этих слов Ивлин снова несколько раз изумленно моргнула.

Когда лодочник, которого она подозвала, добрался до нас, он не выглядел так, словно собирался исполнять ее команды. Вместо этого он, казалось, хотел усадить ее. Он начал настаивать на том, чтобы Ивлин заняла свое место.

Обычно Ивлин не потерпела бы такого обращения.

Но, казалось, я выбила ее из колеи и поколебала ее самоуверенность. Как бы там ни было, она не стала сопротивляться. И позволила ему отвести ее к ее месту.

После этого оставшиеся гости вошли в лодку и расселись на свободные места, оставив незанятыми два места в самом центре – прямо напротив меня – для Чипа и Плаксы, почетных гостей.

Мое чувство довольства собой после разговора с Ивлин улетучилось при виде них.

Я огляделась по сторонам, пытаюсь выяснить, куда лодочник поставил мое кресло. Как будто я могла воспользоваться им и выкатиться из лодки прежде, чем они увидят меня.

Я не знала, что мне делать с моими руками – сжать их? расслабить? – и не представляла, куда направить свой взгляд. Может быть, мне стоило увлеченно наблюдать за плывущими мимо утками и лебедями и притворяться, что я не заметила их? Или расплыться в дружелюбной улыбке и смотреть, как они приближаются с таким видом, будто говоря: «О, привет! Я вас здесь не видела!»

Чип не заметил меня, пока не сел на свое место. На мгновение, когда он обнял Плаксу за плечи и устремил взгляд на канал, у меня зародилась надежда, что он вообще не заметит меня.

Но мне не повезло.

Когда его блуждающий взгляд остановился на моем лице, он наклонился вперед и тупо уставился на меня:

– Маргарет?

При звуке моего имени Плакса выпрямилась и тоже уставилась на меня.

Вот она. Новая «я» Чипса. С автозагаром и чрезмерно подведенными веками.

Ее настоящее имя было Тара. Девушка, которую я прежде видела только на фотографиях. Девушка, которую Чип время от времени сравнивал со мной – но только чтобы отметить мое превосходство. Я лучше варила кофе. У меня было лучшее чувство юмора. И лучшее чувство ритма. А теперь я видела ее во плоти.

Она выглядела мрачной, с надутыми губами.

Я помахала им рукой и сказала: «Привет!» – словно только что заметила их.

– Поздравляю вас с днем свадьбы!

– Я не знал, что ты приедешь, – сказал Чип, и в этот момент я поняла, что он не знал, что меня не включили в список приглашенных.

Но то, чего он не знал, не могло повредить ему.

– Мы все приехали, – сказала я, а потом добавила: – Всей семьей.

Чип огляделся в поисках остальных Якобсенов, но никого не увидел.

– Мы потеряли друг друга в толпе, – сказала я, – но это пустяки.

Потом Чип поискал глазами мое кресло, но не нашел его.

– Где твоё кресло? – спросил он. – Оно тебе всё ещё нужно?

Если бы это происходило в кино, это был бы подходящий момент для меня, чтобы встать на ноги. Стоять и наслаждаться триумфом. На фоне конечных титров. Я мечтала о таком, но эта история закончилась для меня по-другому. Я указала на отсек для хранения багажа.

– Оно там.

– Значит, ты всё ещё...

– ...парализована.

Он наклонился ближе ко мне, но с опаской, словно я угрожала ему. А потом нацепил на лицо широкую фальшивую улыбку и спросил:

– Как твои дела?

И в этот момент я поняла: *он жалел меня.*

Невеста также наклонилась ко мне, скрестив руки на груди, но на ее лице не было жалости.

Я скопировала выражение его лица.

– У меня все замечательно, – сказала я, улыбаясь во весь рот. – А как поживаешь ты?

Но, прежде чем Чип успел ответить, Плакса вмешалась, заставляя его повернуться к ней.

– Чип! – заныла она (вот оно!). – Какого черта здесь происходит?

Чип перестал улыбаться и сделался серьезным.

– Так почему ты здесь?

– Это долгая история, – ответила я, думая о том, как бы сквитаться с ним.

Чип шумно выдохнул:

– Я пытаюсь начать жить с чистого листа.

– Это здорово, – сказала я. – Мои поздравления.

– Это сарказм?

– Нет.

– Я не нуждаюсь в твоих поздравлениях, ясно?

Я пожала плечами:

– Слишком поздно.

Вот как я понимала ситуацию в этот момент: Чип был озадачен, ему было жаль меня, и он сделал поспешные выводы относительно моей мотивации. Но его новоиспеченная женушка испытывала лишь одно чувство: ярость.

– Послушайте, – сказала я им. – Я желаю вам счастья, понимаете? Я не пытаюсь загонять вас в угол. У меня теперь новая жизнь.

Но ни один из них не поверил мне.

И в этот момент Статлер крикнул со второго ряда сидений:

– Ты здесь, чтобы расстроить свадьбу, а, Якобсен?

Это, разумеется, была шутка, призванная сгладить напряжение, но я внезапно осознала, что именно об этом все они и думали – что я приехала сюда с трагической, нелепой надеждой саботировать свадьбу.

– Я здесь для того, чтобы праздновать, – сказала я, поднимая руки вверх, словно сдаваясь.

Но Статлер лишь рассмеялся. Очевидно, я была явно отвергнутой бывшей подружкой, которая сделала последнюю отчаянную попытку вернуть своего жениха. Другого объяснения у них не было. Ну что ж, это понятно. Не зная обстоятельств, то, что я пролетела три тысячи миль, чтобы попасть на свадьбу своего бывшего, могло показаться несколько подозрительным.

И я, не успев подумать, попыталась заставить их понять меня.

– У меня был трудный год, – объявила я, обращаясь к Статлеру, и к счастливой паре, и ко всем чертовым гостям в лодке. – Это не та жизнь, которую я выбрала бы, – продолжала я, – и временами она совершенно ужасна. Но в ней есть и свои хорошие стороны. Я стала мудрее. И добрее. И научилась вязать.

Они не могли понять меня. Некоторые аспекты мудрости можно лишь постичь на опыте. Мне следовало бы остановиться и перестать убеждать их. Но мне было необходимо постоять за себя.

– Я строю летний лагерь, – продолжала я, – и это будет некоммерческая организация. И я такая же занятая и счастливая и работоспособная, какой была всегда. Я нашла свое призвание. Я нашла работу, такую захватывающую и приносящую такое удовлетворение, что мне даже жалко тратить время на сон.

Я прочитала на их лицах, что не смогла убедить их.

Но это было неважно.

Необходимость найти силы продолжать жить дальше заставила меня найти занятие, достойное того, чтобы жить. Я никогда не скажу, что катастрофа была хорошим событием в моей жизни. И я никогда, никогда не соглашусь с тем, *что все случается с какой-то целью*. Как и все трагедии, моя была бессмысленной.

Но одно я знаю наверняка: чем сильнее стала моя способность чувствовать горе, тем сильнее стала моя способность испытывать радость.

И я продолжила:

– И вот то, чего вы не знаете – не можете знать, пока жизнь не выбьет из вас все дерьмо. Я стала лучше после всего, что со мной произошло. Я стала лучше, став инвалидом.

И это было правдой, которая одновременно успокоила меня и в то же время взволновала.

Я испытывала настоящий триумф.

До тех пор, пока невеста Чипа не бросила на меня скептический взгляд.

Чипа я, похоже, тоже не убедила.

– Ты говоришь, что движешься вперед?

– Да.

В его глазах был вызов.

– Значит ли это, – спросил он, – что ты встречаешься с кем-то?

Серьезно? Было ли это единственным определением движения вперед? Разве не было возможности стать лучше, быть счастливой, жить чудесной жизнью в отсутствие романтических отношений? Разве влюбленность – это единственное условие для счастья? Я не была заядлой феминисткой, но его вопрос оскорбил меня. Я испытывала искушение весь вечер читать ему лекции о том, что женщины не нуждаются в том, чтобы их ценность определяли мужчины. Нелепость! Узколобость! Консерватизм!

Еще секунда, и я сказала бы ему это.

Глава 29

Но в этот момент мы услышали голос:

– Подождите! Не отплывайте!

Услышав это, я заметила, что рабочие на причале уже отвязали лодку и мы стали удаляться от берега.

Все повернулись, услышав этот голос, и один из рабочих закричал по-фламандски, что, как я догадалась, означало:

– Постой! Еще один!

Одинокий мужчина в смокинге поспешно спускался по ступенькам к лодке.

Мужчина, который издали показался мне немного похожим на Яна.

Мужчина, который казался все больше похожим на Яна по мере того, как приближался к нам.

А потом оказалось, что это на самом деле был Ян.

Мой Ян! Не в Эдинбурге. Здесь. В Брюгге. Бегущий, чтобы успеть сесть в лодку, направляющуюся на банкет по случаю свадьбы Чипа. В смокинге.

Ян. Очевидно, намеревавшийся незваным явиться на торжество.

Я видела его, но он меня не замечал. Он был слишком занят, чтобы успеть добежать до лодки и при этом выглядеть убийственно красивым.

Я была готова признать, что при виде Чипа и Тары я взволновалась. Но я не знала значения этого слова, пока не увидела Яна, сбегавшего по ступенькам.

У меня перехватило дыхание.

Если бы я могла отвести глаза в сторону, я начала бы искать местечко, где могла бы спрятаться.

Но я не могла отвести от него глаз. Я смотрела на его короткую стрижку, на его смокинг, обратив внимание, что европейские мужчины носят более облегчающие брюки, чем американцы. Словно они сели после стирки.

Но это было очень сексуально.

Потом Ян перепрыгнул через деревянный турникет и побежал по причалу. Нет, не побежал – помчался, полетел по нему вслед за

отчаливавшей лодкой.

Расстояние между лодкой и причалом было не меньше трех футов, но Ян не колебался.

Он прыгнул с края причала и приземлился на единственное свободное место в лодке – примерно в трех дюймах от моих коленей.

Это было невероятно круто – как в фильмах про Джеймса Бонда.

Ян поднялся и повернулся к сидевшим в лодке.

– Надеюсь, эта лодка везет нас на банкет, – сказал он.

Этот *голос*. Этот акцент – я снова слышала его спустя столько времени. И я почувствовала, что таю, как теплое масло.

Лодочник крикнул что-то сердитое Яну на фламандском – полагаю, что-то вроде «Не умно, парень! Ты когда-нибудь разобьешься до смерти!», в то время как все гости наградили его одобрительными возгласами. Ян отряхнул свой костюм, извинился перед лодочником, помахал в знак благодарности за поддержку гостям, а потом стал оглядываться по сторонам, обнаружив, что свободных мест в лодке уже нет.

И в этот момент лодочник ткнул в него пальцем, как бы говоря: «Сядь, приятель!» – а потом указал на свободное место рядом со мной.

Ян повернулся и в этот момент увидел меня.

Наши глаза встретились.

Если бы можно было умереть от напряжения чувств, это случилось бы со мной в тот момент. Но я не могла. Как и не могла дышать, не могла думать. И, судя по выражению лица Яна, он испытывал то же самое.

– Пожалуйста, сядьте, сэр, – сказал лодочник, наконец, по-английски.

Но Ян не сел. Вместо этого он опустился на колени передо мной. Склонившись к моим ногам.

– Ты здесь, – сказал он, почти задыхаясь.

Мне на ум пришла лишь нелепая фраза:

– Я не здесь. Это *ты* здесь.

Все сидевшие в лодке наблюдали за нами, но, когда лодочник завел мотор, его рев создал между нами и остальными звуковой барьер.

– Прости, что я опоздал, – сказал Ян.

Разве можно опоздать на банкет, на который ты даже не был приглашен?

– Ты не опоздал, – сказала я.

Если мне было невыразимо приятно слышать этот голос спустя столько времени, то видеть его лицо было настоящим экстазом. От его близости у меня закружилась голова. У меня не было ни одной его фотографии, так что я не видела его лица почти год. Я упивалась его видом – этими темно-синими глазами, которые всегда были немного печальными, адамовым яблоком, видневшимся поверх его галстука-бабочки, подбородком, который оказался более квадратным, чем я помнила.

– Что ты здесь делаешь? – наконец спросила я.

– А что *ты* здесь делаешь?

– Я здесь, – сказала я, жестом указав на остальных гостей, – чтобы присутствовать на свадьбе.

– На свадьбе твоего бывшего мерзавца-жениха.

– Это было не так уж плохо, – сказала я, а потом улыбнулась. – Но это было и не слишком хорошо.

Он наклонился и взял меня за руки:

– О чем ты думала?

Я пожала плечами:

– Мои родители разошлись, и мы с Кит пытаемся свести их снова.

Ян нахмурился:

– На свадьбе твоего бывшего жениха?

– Это показалось нам подходящим моментом. – Я посмотрела ему в глаза. – К тому же я никогда не бывала в Европе.

– Тебе следовало бы приехать в Шотландию.

Я не могла прочесть выражение его лица. Он что, знал?

– Я подумывала об этом, – призналась я.

Он казался удивленным:

– Правда подумывала?

– Я думала, что смогу заскочить туда, когда покончу со всеми делами здесь.

Он внимательно изучал мое лицо:

– Это правда?

– Да. Ты уже знал об этом? Кит говорила тебе?

– Нет. Не говорила.

– Потому что я знаю, что вы с ней поддерживаете связь.

Он опустил голову:

– Я должен был приглядывать за тобой.

– Я отлично помню, как при нашей последней встрече ты сказал мне, что никогда не испытывал ко мне никаких чувств. Так что я не уверена, что ты *должен был* за мной приглядывать.

– Я солгал тебе.

– Что?

– Я солгал, когда сказал это.

Я прищурилась, чтобы лучше рассмотреть его:

– Ты все-таки не был равнодушен ко мне?

Он серьезно посмотрел мне в глаза.

– Я не был равнодушен к тебе. – Он ближе наклонился ко мне. – Я привязался к тебе. – Потом он добавил: – слишком привязался.

– Разве можно слишком привязаться к человеку?

– Я все еще пытаюсь решить этот вопрос.

Я изучающе посмотрела на него. Что он хотел сказать?

– Может быть, ты лжешь мне теперь?

Но он покачал головой, взял мою руку и прижал к своему сердцу. Оно гулко билось у него в груди.

– Сейчас я не лгу, – сказал он.

Это было чертовски серьезное признание.

– А почему ты лгал прежде?

– Потому что думал, что так будет лучше для тебя.

– Почему? Почему будет лучше разбить мое сердце?

Он нахмурился и приблизил свое лицо к моему:

– А я разбил твое сердце?

– Почти.

– Прости меня. Я не думал, что так случится.

– Потому что ты думал, что я на самом деле не люблю тебя?

Ян кивнул:

– Я думал, что это просто было последствием травмы.

– Знаешь что? Это не было последствием травмы.

– Я думал, что на самом деле оказываю тебе услугу. Я думал, что страдать буду только я один.

Я должна была спросить:

– Почему ты должен был страдать?

Он пристально посмотрел мне в глаза:

– Потому что я не хочу жить без тебя.

Я затаила дыхание.

Мне казалось, что этого не могло происходить на самом деле – я в красном платье Кит, разговариваю с Яном в смокинге, стоящим на коленях, прижимающим мою руку к своему сильно бьющемуся сердцу. И все же лодка, вода, бриз, течение существовали в действительности.

Мы проплыли под каменным мостом, освещенным снизу висящими фонариками, но я едва заметила их. Пока не услышала свое имя, в тот момент, когда мост был у нас над головами.

– Маргарет! – голос прозвучал совсем рядом.

Я посмотрела вверх.

– Маргарет!

Руки махали мне с моста. Две пары рук.

– Маргарет!

Это были мои родители. Стоявшие рядом, бок о бок, на вершине горбатого мостика.

– Почему вы не на банкете? – крикнула я им.

– Мы решили сбежать.

– И никому не пришло в голову предупредить меня?

– Мы не могли найти тебя!

И в этот момент папа обнял маму за плечи. И этот жест сказал мне кое-что. *С ней все в порядке.*

Более того, *с ними все в порядке.*

И теперь я могла больше не беспокоиться о ней. Они нашли друг друга, и они знали, что делать. Они либо справятся с этим, либо нет. Но моя работа здесь была закончена.

Лодка не замедлила своего хода. Мы продолжали плыть вперед. Мои родители постепенно исчезали из виду в сгущавшихся сумерках, помахали нам еще раз, а потом продолжили свою неспешную прогулку.

Ян тоже наблюдал за ними несколько минут, прежде чем снова повернуться ко мне.

– Почему ты здесь? – снова спросила я.

– Я приехал, чтобы найти тебя.

– Ты проделал весь путь из Шотландии в Бельгию, чтобы найти меня?

Он кивнул.

– Почему?

– Потому что я очень скучал по тебе.

– Правда?

Ян кивнул:

– Каждый день.

Я не хотела так легко сдаваться. Я хотела держаться до конца. Быть твердой и сердитой. Но, может быть, биение его сердца, которое я ощущала рукой, или его серьезные глаза, или этот смокинг, который безупречно сидел на нем, – все это лишило меня сил сопротивляться.

– Я тоже скучала по тебе.

– Даже спустя столько времени?

– Думаю, что на самом деле со временем все становилось еще хуже, – призналась я.

– Я сказал себе, что должен выждать год, прежде чем начать искать тебя. Я хотел дать тебе время устроить свою жизнь и найти свой путь. Я даже советовался со своими братьями, и они все согласились – нужно дать тебе как минимум целый год. И теперь этот год прошел. Я только успел купить билет, чтобы полететь в Штаты, когда увидел в Интернете пост Кит о том, что вы все летите в Бельгию.

– Ты купил билет, чтобы лететь ко мне?

Ян кивнул.

– Но вместо этого приехал в Брюгге?

Ян снова кивнул.

– А Кит знала, что ты приедешь?

– В известном смысле, полагаю, догадывалась. Она послала мне название вашего отеля, расписание перелетов и переслала мне фото приглашения на свадьбу. – Потом он посмотрел на меня. – Почему ты собиралась ехать в Шотландию?

– Ну, знаешь, просто туристическая поездка. Я хотела посмотреть Лох-Несс и увидеть несколько килтов.

Ян слегка улыбнулся.

Вспоминая позднее об этом, казалось странным, что мы чувствовали себя в переполненной пассажирами лодке так, словно никого рядом с нами не было. Мы уже не слышали рева мотора, и все вокруг нас исчезли, и не было ни прошлого, ни будущего.

– Когда мы с тобой познакомились, – сказал Ян, – предполагалось, что я буду помогать тебе. Но на самом деле это ты помогала мне. То, как ты подшучивала надо мной, как игнорировала мою неприветливость, как снова и снова удивляла меня и показывала мне мир с другой стороны. Когда я был с тобой, мне становилось лучше. Ты заставляла меня смеяться. Возможно, за эти несколько недель я смеялся больше, чем за всю свою предыдущую жизнь. Ты учила меня дурачиться. Ты показала мне, что в этом мире можно существовать по-другому. Ты пробудила в моей душе тепло и надежду. А потом, когда я уехал, я снова стал холодным. Я вернулся домой, к серому небу, устроился на работу, которая мне не нравилась. Я даже не пытался найти себе что-нибудь получше, потому что мои мысли были заняты лишь одним – я считал недели до того момента, когда смогу вернуться к тебе. Я поклялся себе, что дам тебе год – но я готов был нарушить эту клятву тысячу раз. Единственное условие, которое освобождало меня от клятвы – если бы ты начала встречаться с кем-нибудь еще. Тогда у меня было бы законное основание примчаться в Техас и бороться за тебя.

Я посмотрела на него, как на сумасшедшего:

– Встречаться с кем-нибудь? Но с кем?

– Я думаю, плотник, который строил домики в лагере, был к тебе неравнодушен.

– Вовсе нет.

– И меня не удивит, если и архитектор тоже. Он демонстрирует слишком горячий энтузиазм.

– Чепуха.

– И, конечно, я все время боялся, что Чип приползет к тебе на коленях, умоляя простить его.

– Маловероятно. Поскольку он уже теперь женат.

– Так что, поскольку мои подозрения были не подтверждены, я должен был ждать год.

– Ради моего блага.

Ян кивнул:

– Чтобы ты снова смогла встать на ноги.

Я глубоко вздохнула:

– Не в буквальном смысле. Потому что непохоже, что это случится.

Ян кивнул:

– Может, и нет. Но ты проделала огромную работу. И я издала аплодировал тебе.

Я была практически загнипотизирована не тем, что говорил Ян, а тем, как он говорил – напряженно, решительно.

– Ты понимаешь, что я хочу сказать тебе? – спросил он.

Понимала ли я? Я вообще не могла думать.

– Ты хочешь сказать, что рад, что мне стало лучше?

Он покачал головой, словно говоря: «Не совсем так».

– Ты хочешь сказать, что этот год был тяжелым и для тебя тоже?

«И не это».

Я пожала плечами:

– Тебе придется самому сказать мне это.

Он сидел на корточках, но потом встал на колени и подвинулся ко мне. Он обнял меня, прижал к себе и посмотрел мне в глаза:

– Я думаю о тебе все время, Мэгги Якобсен. Я почти не сплю, тоскуя по тебе. Я страстно хочу видеть тебя и быть рядом с тобой. Я люблю тебя так сильно, что с трудом могу сдерживать себя. И я боюсь, что утону в этом чувстве.

Снова эти глаза.

Может быть, мне следовало приблизить свое лицо к нему и поцеловать его, но я не могла пошевелиться. Мне казалось невероятным, что я могла так страстно желать чего-то – и вдруг получить желаемое. Я так долго держала себя в руках, что теперь не знала, как выпустить свои чувства на волю.

Так было до того момента, когда он положил мне руку сзади на шею и приблизил свои губы к моим.

Потому что от этого поцелуя я снова ожила.

Мир замер, но лодка продолжала плыть по каналу. Мы проплывали мимо каменных домов с двускатными крышами, мимо садов с такой пышной листвой, что она склонялась над самой водой. Мы проплывали мимо сараев для лодок с деревянными ставнями, мимо кафе со свисавшими с потолка фонариками и столиками у воды. Но мы ничего этого не замечали.

Даже когда лодка подъехала к причалу рядом с банкетным залом и жених, его невеста, его родители, свита молодоженов и все остальные

гости стали выбираться из лодки, стараясь не глядеть на нас, мы не прервали наш поцелуй. Мы едва замечали их.

Мы просто растворились в этом поцелуе, которого ждали так долго.

Эпилог

Это было десять лет назад.

Между прочим, мы так и не попали на банкет. Просто отправились на той же лодке обратно и от причала добрались до отеля. Ян любезно – и весьма впечатляюще – нес меня на закорках до самого отеля, держа одной мускулистой рукой мое складное кресло, словно это была пушинка.

Мы решили, что нам не следует торопиться, но у нас это не получилось.

Мы отправились в номер Яна, находившийся чуть дальше по коридору от моего, и не спали всю ночь. Я провела большую часть вечера, пытаясь объяснить Яну, почему он никак не может быть увлечен мною, а он провел столько же времени, доказывая мне, что я не права. Очень убедительно.

Утром, во время завтрака, мы все встретились на шведском столе. Китти, мои родители, Ян и я. И мы нашли свободный столик, за которым все разместились. Никто из нас не казался слишком бодрым, но Китти выглядела хуже всех нас.

– Думаю, нам нужно будет показать тебя доктору, – сказала мама, потрогав рукой лоб Кит. – Ты похожа на восковую фигуру из музея мадам Тюссо.

Китти отбросила ее руку:

– Я в порядке.

– Неправда, – объявила моя мама. – Ты бледна и покрыта потом. – Потом внимательно посмотрела на нее. – Я совершенно уверена, что в Бельгии тоже есть врачи.

– Мне не нужен врач.

Мама обратилась ко мне за помощью:

– Урезонь ее.

– Ты выглядишь – как бы это сказать помягче? – *сама не своя.*

Почему бы тебе просто не...

Но Китти перебила меня:

– Я в порядке! Я в порядке! Мне не нужен врач.

Но я упорно продолжала:

– ...повидаться с каким-нибудь врачом? На всякий случай?

А папа добавил:

– Нам предстоит так долго лететь домой, и последнее, что тебе нужно...

И тут вмешалась мама:

– Это может быть эбола, это может быть острый приступ аппендицита, это может быть кишечная палочка...

Мы говорили все разом, перебивая друг друга, и являли собой самую нелепую группу иностранцев в этом уютном кафе нашего отеля, пока, наконец, Китти, возможно, желая положить конец этому безумию, не закричала:

– Я не больна! Я просто беременна!

Мы все притихли.

– Я сделала тест сегодня утром. На самом деле, целых три теста.

– Кто он? – после долгой паузы произнесла я сценическим шепотом. – Толстяк Бенджамен? Или Усы?

– Лично я за Толстяка Бенджамена, – сказала мама совершенно спокойно.

– Я тоже, – поддержал ее папа, поднимая руку. И мы с Яном тоже подняли руки.

– Единогласно! – объявила я.

Китти посмотрела на нас так, словно мы были ее наихудшими врагами.

Потом сказала:

– Бенджамен, о'кей? А сейчас меня стошнит.

Вот такова наша история. За десять лет, прошедших после катастрофы, у нас в жизни, как это обычно бывает, произошли разные изменения.

Мои родители снова сошлись. Мой папа не был человеком, способным затаить обиду или долго злиться. Как он однажды объяснил мне, отвечая на мой вопрос:

– Твоя мама никогда не была идеальной. И все равно я всегда любил ее.

Я не знаю, что стала бы делать, окажись я на его месте. Но думаю, что его устраивало вернуться в семью и уладить эту ситуацию. Оставить жену было не в его характере. Он был человеком, который придерживался принципа «в горе и в радости».

Папа вышел на пенсию через два года, а через месяц после этого узнал, что у него рак легких. Вот так. А он ведь даже не курил.

– Слишком много древесной пыли, – пожал он плечами, когда сообщил нам об этом.

Он героически боролся с болезнью еще два года, и моя мама ходила с ним к врачам и находилась рядом при всех процедурах. Она вязала ему крючком шерстяные носки и читала ему статьи из Ридерз Дайаджест. Она по очереди готовила ему стейки, спагетти и мясной хлеб.

Чтобы чем-то занять себя в перерывах между процедурами, когда он себя хорошо чувствовал, папа вызвался начитывать на магнитофон книги для слепых. И очень скоро обнаружил, что у него есть к этому явные способности. И он придумал для себя новую работу – чтеца вечерних историй в лагере. Каждую пятницу, расположившись у костра, он читал книжки восхищенным детишкам, меняя голоса и изображая звуковые эффекты. Ему так нравилось заниматься этим, что, даже когда он стал слишком болен, чтобы продолжать читать, он все равно появлялся там, слушал тех, кто заменил его, и давал им советы. Мама привозила его туда в тележке для гольфа и приносила складные стулья.

Как-то вечером, уже ближе к концу, когда я навещала его в хосписе, он сказал мне, что эти последние годы, которые он прожил с мамой, были самыми лучшими.

– Почему? – спросила я.

Он лукаво улыбнулся:

– Она стала больше ценить меня.

Я с интересом посмотрела на него.

– И я стал больше ценить ее, – добавил он. – И знаешь, что еще?

– Что?

Он слегка улыбнулся:

– Я не стал бы ничего менять в нашей жизни. – Потом он крепко сжал мою руку. – Пожалуйста, скажи это своей сестре.

Мой папа не хотел, чтобы его похоронили, он хотел, чтобы его *посадили*. Так что мы вырыли ямку для его праха на холме, где мы всегда разводили костер, и посадили над его прахом дуб. Моя мама хотела, чтобы, когда придет ее время, мы посадили еще одно дерево

над ее прахом рядом с этим дубом, так чтобы они росли вместе, переплетаясь ветвями.

Она очень часто говорила об этом.

Прошло уже три года после смерти папы, но моя мама все еще казалась потерянной. Хотя она все время была занята. Год, прожитый в разлуке с папой, изменил ее, смирил ее и во многих отношениях сделал более терпимой. Она теперь относится ко всем снисходительнее, включая, как я подозреваю, и саму себя.

Она ведет наши бухгалтерские книги в лагере, помогает с детьми и вскоре после смерти папы предложила занять его место рассказчика у костра. Она также вступила в феминистскую группу «Шей решительнее!», занимающуюся шитьем лоскутных одеял. Они встречаются каждую неделю, чтобы шить и разговаривать о политике. Она все еще слишком беспокоится обо всем и все разговоры начинает со *смертей*. Но мы с Яном при помощи Опры^[15] уговорили ее вести «дневник благодарности», куда она записывала все, за что могла благодарить судьбу.

По крайней мере, она старается. А старание дорогого стоит.

Вас интересует, смогла ли я снова ходить?

Нет, не смогла.

Мы перепробовали все – ходунки, подтяжки, электростимуляцию мускулов... даже сделали еще одну операцию через два года после катастрофы. А потом решили закончить с этим. Новые технологии появлялись почти каждый день, и, может быть, наука дойдет и до того, чтобы помочь мне. Но я не слишком жду этого. Я больше не роюсь в Интернете в надежде найти чудодейственное средство. Я научилась искать надежду в другом.

Я счастлива сообщить, что мои шрамы под ключицами в тех местах, откуда брали кожу для пересадки, окончательно рассосались. И после десяти лет применения витамина Е их почти уже не видно. Но трансплантаты – это совсем другое дело. Некоторые их части гладкие и однородные, но другие узловатые и пятнистые. И никакие витамины не сделают их менее ужасными.

Поэтому на пятую годовщину катастрофы я позволила Китти закрыть все это безобразие татуировкой. Она очень долго умоляла меня согласиться, и у нее уже был готов дизайн: цветочный сад в стиле

модерн, «растущий» из-за плеча по направлению к моим шрамам. Она за один вечер сделала контуры рисунка, и с тех пор постепенно добавляет к нему краски. Теперь, если смотреть на меня с одной стороны, я такая же, какой была прежде. Но если посмотреть с другой, я украшена изящными цветами.

В тот вечер мама сказала, что тоже хочет сделать татуировку – но она до сих пор никак не может решиться. Все еще обдумывает ее дизайн.

Я не стану лгать. То, что мои ноги не работают, было самым большим бедствием в моей жизни. Не хочу притворяться, что мне было легко. Мне было очень трудно.

Но в моей жизни были и приятные моменты.

Ян не шутил, когда говорил, что любит меня. Мне так и не удалось разубедить его.

И угадайте, что мы сделали? Мы поженились.

Мы какое-то время просто общались, сначала на расстоянии, а потом Ян вернулся в Техас. Теперь мы вместе управляем нашим лагерем. Ян отвечает за тренировки, а я за поиски финансирования и разные веселые придумки: рисование пальцами, вязание слизняков, оригами, украшение тортов и распевание песен из «Звуков музыки».

Все с нашим «Лагерем Надежды» обернулось гораздо лучше, чем я ожидала. Мы собрали почти вдвое больше денег, чем рассчитывали. Отчасти благодаря подписчикам Кит, а отчасти – моей трудной, напряженной, фанатичной работе.

Да, я отдаю себе должное. Я отдаю должное всем нам.

Когда мои родители воссоединились, им понадобилось не более двух минут, чтобы согласовать план и начать обсуждать строительство. Папа включился в дело сразу, и он показал себя настоящим профессионалом. Я увидела родителей совсем другими глазами – как одну команду. Неумный перфекционизм моей мамы, когда он был направлен не на меня, а на работу, был мощной и вдохновляющей движущей силой. А добродушная практичность моего папы была приятным противовесом. Они прекрасно работали вместе и даже спорили, находясь все время при этом в полной гармонии.

Я полагаю, что и в смысле дизайна яблоко от яблоньки недалеко падает, потому что нам с мамой нравились одни и те же вещи: большие окна, камины из камня, китчевые лампы в стиле ретро, ограждения из

автомобильных покрышек, крытые веранды, потолочные вентиляторы, строгие современные линии в сочетании с классическими деталями деревенского дома.

Мы действительно работали в полном согласии.

Лагерь функционирует уже семь лет. Это процветающее, оживленное место. Здесь солнечно и тепло, каменные дома покрыты штукатуркой, крыши сделаны в типично тexasском стиле из жести, большие веранды с навесами и множество деревьев дают много тени. Повсюду растут полевые цветы, и мы проложили в парке тропинки для прогулок. Повсюду установлены пандусы – даже у домика на дереве. Мы разыскали самых разнообразных умельцев, чтобы они добавили магии этому месту с помощью настенных фресок, скульптур и фонтанов. А въездные ворота в лагерь мы выложили мозаикой, используя всю разбитую мною посуду. И теперь у нас есть специальный класс мозаики, где дети тоже бьют свою посуду.

Все лето в лагере отдыхают только дети, а зимой мы устраиваем разные мероприятия для взрослых. У нас проходят ночные просмотры фильмов, соревнования по выпечке и благотворительные проекты для лежачих больных. У нас есть ресурсные сети и справочные системы. Мы предлагаем занятия для только что пострадавших, равно как и поддержку и проекты для их близких. Мы помогаем людям справиться с тем, что с ними произошло, но еще мы показываем им, куда они могут двигаться.

Мы не можем всех вылечить, но мы, безусловно, делаем их жизнь лучше.

И это стало моей философией. Я никогда не скажу вам, что жизнь, о которой вы мечтали, была бы именно такой, как вы запланировали. Но вы должны прожить ту жизнь, которую предлагают вам обстоятельства. Вы должны обрести вдохновение в борьбе и извлекать радость даже из невзгод. Именно это мы и стараемся делать – противостоять страданиям смехом, пушистыми пледами, объятиями, пением, пикниками в солнечный день, печеньем с шоколадной крошкой, полевыми цветами. Потому что это единственное, что мы можем сделать. Терпите горести, когда они случаются, и наслаждайтесь моментами радости, когда это возможно.

Потому что жизнь всегда, всегда состоит из двух разных сторон.

И мы действуем. Проводим соревнования по приготовлению чили, устраиваем просмотры фильмов на свежем воздухе, организуем прогулки по парку, готовим сморы на кострах, проводим капустники, раскрашиваем цветочные горшки, катаемся на возу с сеном и делаем все, что только может прийти нам в голову. Мы вырезали над входными дверями любимое изречение матери Яна, и помощь другим людям стала большой частью нашей программы. Дети берут шефство над другими детьми, проводят классы по прикладному искусству, работают в саду, помогают убираться. Они делают валентинки для детей, лежащих в больницах, пекут кексы для престарелых, ухаживают за лошадьми и работают со служебными собаками, готовя их к жизни среди людей. Они учатся на опыте – единственном правильном способе, – что заботиться о других означает и заботиться о себе.

И конечно же все носят футболки с надписью «ОСТАВИТЬ ВСЁ ПОЗАДИ».

Вам, конечно, интересно, что стало с Китти и Толстяком Бенджаменом? Как только мы вернулись из Европы, он и его борода шумно ввалились в наш дом и стали умолять Китти выйти за них замуж.

Что она делать отказалась. Это было не в ее стиле. Но она сделала у себя на плече татуировку с его именем, и они стали жить вместе. Он оказался милейшим и очень заботливым партнером. А Китти родила прелестную малышку. И, к всеобщему ужасу, вопреки всем советам они назвали ее Пандора Снапдрагон.

Но так не бывает, чтобы все шло совсем хорошо.

Спустя какое-то время мы решили, что Толстяк Бенджамен – обидное прозвище, и переименовали его в Милашку Бенджамена. Но он настаивал, что Толстяк ему нравился больше. А со временем он стал просто Душкой, что нравилось ему еще меньше.

Пандора получила от нас прозвище «Дори», и это было лучшее, что мы смогли сделать для нее. Сейчас ей уже десять лет, и она выше своей мамы. Китти и Дядя Душка оказались довольно плодовитыми, родив двух сыновей, когда Дори не исполнилось и пяти лет. Когда число их отпрысков достигло трех, они переехали жить в Техас.

И опять вопреки всем советам они трагически назвали сыновей Вольфгангом и Сократом. Но мы не дразним мальчиков из-за их имен. Только взрослых поздними вечерами, когда все дети уже мирно спят, а

остальные играют в настольные игры. И мы постоянно умоляем Дядюшку Душку сбрить его безумную бороду.

Ах да! Я тоже смогла забеременеть. Мы планировали родить одного ребенка, но, к нашему изумлению, у нас появилась двойня – мальчик и девочка. И хотя все, абсолютно все было очень непросто, но сейчас им уже шесть лет, и мы надеемся, что худшее позади. Мы зовем их Капитан и Тениль^[16]. Просто в шутку. Официально они были названы в честь наших родителей. Все лето они играют со своими кузенами в лагере – плавают в озере, кормят лошадей и «помогают» ухаживать за садом.

Так что, все сложилось замечательно? Черт, нет. Все идет кувырком. Это сумасшедшая, душераздирающая гонка на выживание.

Вы не можете все уладить так, как вам хочется. Даже близко.

Но вы можете искать причины для благодарности.

Более того, вы можете работать над тем, чтобы такие причины создавать.

Вот что я вынесла из всего этого. Катастрофа, случившаяся десять лет назад, разбила жизнь, которую я вела, но из осколков мне удалось собрать довольно хорошую мозаику. Я полагаю, в этом и состоит искусство: трансформировать вещи из одного состояния в другое, показывая, каким все может быть. Моя жизнь, безусловно, трансформировалась. Может быть, это делает и меня произведением искусства.

Я знаю лишь одно – мы радуемся всему, чему только можно.

Каждый год первого апреля мы устраиваем грандиозную вечеринку в честь Дня святого Валентина. Просто для того, чтобы не забыть: *любовь может прийти в любое время*. И из этого высказывания мы тоже сложили мозаику.

Думаю ли я когда-нибудь о катастрофе? Думаю ли о том, какой могла бы быть моя жизнь, если бы я вышла замуж за Чипа (который уже женат во второй раз). Или какой была бы моя жизнь, если бы я не стала инвалидом и все еще была бы «безупречной» девушкой, как много лет назад?

Честно говоря, нет.

Я прекрасно понимаю, что нет смысла смотреть назад. Я знаю, что такое пытаться, терпеть поражение и снова пытаться. Я знаю, как нужно жить. Я знаю, что нужно наслаждаться каждым объятием,

плаванием по утрам, ездой верхом на закате солнца, каждым приятным ощущением, каждой едой, каждой теплой ванной, каждым моментом, когда кто-то заставляет тебя рассмеяться.

Но самое главное, я знаю, что человек должен сознательно извлекать радость из жизни. Она у нас только одна и идет только вперед. И на самом деле существует множество вариантов счастливого финала.

notes

Примечания

1

1 фут равен 30,48 см.

2

1 миля равна 1,6093 км.

3

Фахит – блюдо мексиканской кухни, завернутое в лепешку мясо с овощами.

4

Вертикализатор – вспомогательное устройство, позволяющее людям с ограниченными возможностями и пациентам в период реабилитации после травмы принимать вертикальное положение с целью профилактики негативных последствий длительного пребывания сидя или лежа.

5

Бицепс бедренной кости, двуглавая полусухожильная мышца, двуглавая полуперепончатая мышца, большеберцовая мышца, длинная малоберцовая мышца, икроножная мышца, камбалообразная гребешковая мышца, длинный сгибатель пальцев (*лат.*).

6

Кейк-попы – пирожные на палочке, облитые глазурью.

7

Боггл – настольная игра.

8

Кристофер Рив – американский актер театра, кино и телевидения, режиссер, сценарист и общественный деятель. Упав с лошади во время скачек, сломал шейные позвонки и оказался парализованным. Посвятил свою жизнь реабилитационной терапии и совместно с женой открыл Центр по обучению парализованных навыкам самостоятельного существования.

9

Клейдсейдаль – порода лошадей, шотландская хладнокровная лошадь.

10

Спанкопита – греческий пирог со шпинатом.

Сморы – традиционный американский десерт, который едят в детских лагерях обычно по вечерам у бивачного костра. Состоит из поджаренного маршмэллоу и куска шоколада, прослоенных в два куска крекера «грэм».

12

Жорж-Пьер Сёра – французский художник-постимпрессионист, основатель неоимпрессионизма, создатель оригинального метода живописи под названием «дивизионизм», или «пуантилизм».

13

0.4 га.

14

Вы идете на вечер?

15

Опра Уинфри – американская телеведущая, актриса, продюсер, общественный деятель.

Капитан и Тениль – популярный в 1970-х годах американский семейный дуэт.

Table of Contents

[Кэтрин Сэнтер Уходи и будь счастлива](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Эпилог](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16

